Густав
Богуславский
100
ОЧЕРКОВ
О ПЕТЕРБУРГЕ
СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА
ГЛАЗАМИ МОСКВИЧА

Густав Александрович Богуславский

100 очерков о Петербурге. Северная столица глазами москвича

Серия «Всё о Санкт-Петербурге»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645395
100 очерков о Петербурге. Северная столица глазами москвича: Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-03014-6

Аннотация

Вашему вниманию предлагается 100 интереснейших историко-художественных очерков. Главная особенность книги в том, что, даже рассказывая о многократно упоминавшихся другими знатоками истории фактах, Богуславский всегда находит что-то новое или показывает события в совершенно неожиданном ракурсе. Автор по собственному усмотрению коснулся отдельных событий, примечательных мест и персон, оставивших след в судьбе города на Неве. Чистый и живой русский язык, проникновенная интонация, основательный анализ затрагиваемых тем и ощущение безмерной любви автора к городу делают книгу интересной самому широкому кругу читателей.

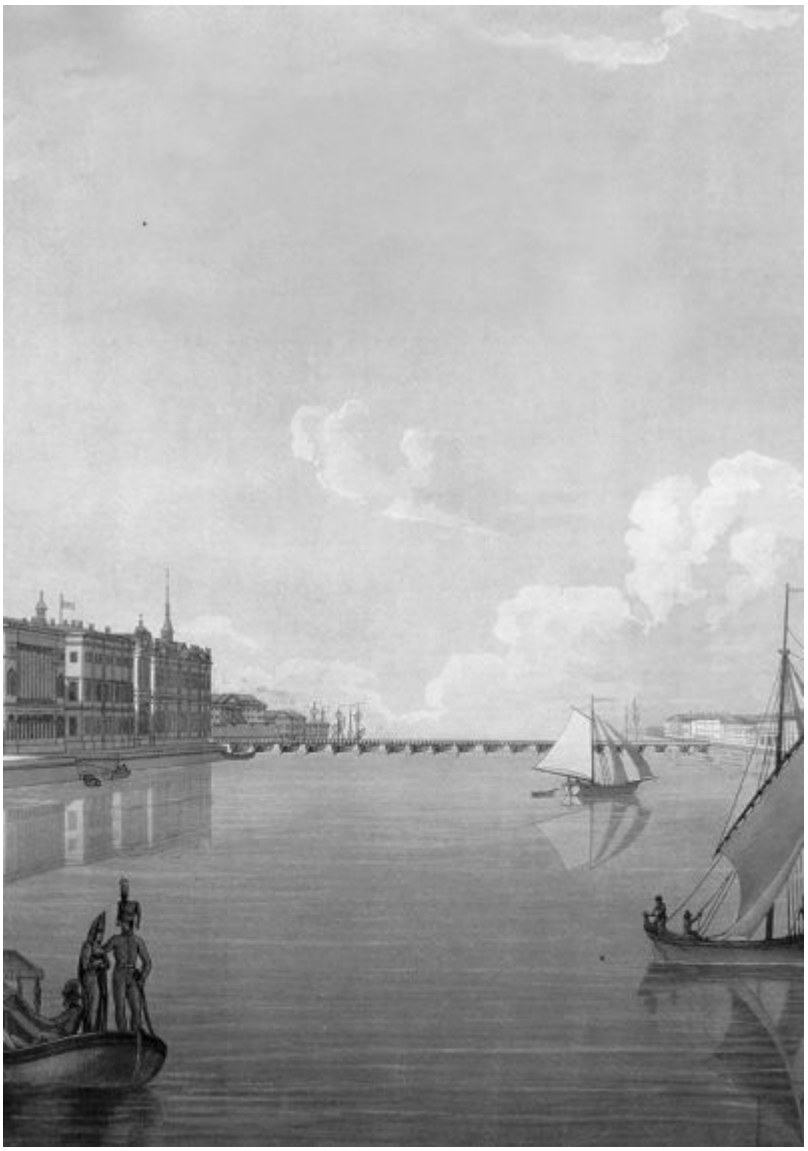
Содержание

Учитель. Просветитель 4
От редактора 8
Начало 10
Государева дорога 10
Морская столица 14
Спуск корабля 19
Новый город для нового времени 24
На Городском острове 27
«Канцелярия от строений» 32
Встреча ботика 38
Ништадтский мир 43
К политесу и парадизу 48
Почтовый двор 48
Ассамблеи 52
Феофан Прокопович и его школа на Карповке 57
Начало Кунсткамеры 62
Дивное творение 67
«Academia Petropolitana» 72
Библиотека Петра 77
Последнее торжество Петра 82
Похороны императора 87
«Парадиз» 92
Они поведали нам историю города 97
Первый «описатель» Петербурга – Андрей Богданов 97
Пётр Петров – историк Петербурга 102
Отец и сын Бычковы 106
Хранитель истории города – Пётр Столпянский 111
Профессор Владимир Курбатов 116
Иван Гревс 121
Правда Николая Белехова 126
Конец ознакомительного фрагмента. 127

Густав Александрович Богуславский 100 очерков о Петербурге. Северная столица глазами москвича

Учитель. Просветитель

Создатели петербурговедения – энтузиасты-романтики. Так было и в 20-х годах XX века, считающихся «золотым веком» российского краеведения, – эпоху, когда творили Гревс и Анциферов. Именно тогда были заложены основы новой науки – петербурговедения. Так происходит и в последние десятилетия, отмеченные небывалым размахом краеведческой деятельности в Петербурге. Немалую роль в современном взлете петербурговедения сыграли Густав Александрович Богуславский и Университет Петербурга. При его непосредственном участии двадцать лет назад, в 1991 году, был создан Университет Петербурга.



Впрочем, здесь мы не будем говорить о творческом пути и научных достижениях Густава Александровича. Хочется сделать хотя бы некоторые наброски к портрету этого уникального человека.

Мне особенно приятно говорить о нем, поскольку он был моим школьным учителем. Причем не просто учителем, а, как бы высоко это ни звучало, именно Учителем. Два года, проведенные под началом Густава Александровича в школе № 107 на Выборгской улице, стали настоящим историческим «университетом» – даже знания, полученные затем в вузе, порой не могли сравниться с высочайшим уровнем школьных лекций Богуславского. Уроки стали настоящей школой жизни.

Сказалась и эпоха перемен начала 1990-х годов. Это было время, когда исторические знания были не абстракцией, а помогали найти ответы на острейшие вопросы современности. И именно благодаря Густаву Богуславскому многое из происходившего тогда нам, ученикам его класса, удавалось воспринимать не только с точки зрения простого человека, а с точки зрения гражданина, историка, волею судеб ставшего свидетелем великих исторических событий. То, что будоражило страну в те годы, становилось предметом обсуждения на уроках истории. И хотя позиция Густава Александровича не всегда совпадала с нашей, по-юношески радикальной, его всегда спокойный и взвешенный тон помогал смотреть на происходившее без лишних эмоций.

Густав Богуславский стремился не только донести до нас свои поистине энциклопедические исторические знания, но, главное, учил мыслить, сравнивать, анализировать, учил сомневаться и очень взвешенно и осторожно относиться к любым историческим суждениям

и оценкам, каким бы непререкаемым научным авторитетам они ни принадлежали. Именно такой подход был положен Густавом Богуславским и в развитие современного петербурговедения…

Может показаться удивительным, что за многие десятилетия работы на ниве исследования Петербурга из-под пера Густава Богуславского не вышло ни одной книги. Объяснение простое: Густав Александрович никогда не стремился к «печатной славе». Своей главной миссией он считал просветительство. И действительно, его можно назвать не только учителем, но и просветителем с большой буквы. Именно за заслуги на просветительском поприще он по праву был удостоен высших наград петербурговедения – Анциферовского диплома и Анциферовской премии.

Быть просветителем ему помог незаурядный ораторский дар. Густав Богуславский умеет удивительно чувствовать аудиторию, находить с ней общий язык, воодушевлять людей, и его лекции – не просто рассказ о каком-то факте или событии, это страстный монолог (иногда переходящий в диалог), нередко сопровождающийся историческими параллелями и экскурсами совсем в иные эпохи. А иногда – публицистическими отступлениями на злобу дня.

Помню, что первые школьные лекции Богуславского произвели на меня поистине ошеломляющее впечатление. Признаться, я был восхищен. С годами пришло понимание: публичные лекции были для Густава Александровича не просто его потребностью, способом самовыражения, – это была настоящая страсть. И какие бы грустные мысли ни одолевали его, Густав Александрович всегда преображается, едва только поднимается на лекторскую кафедру (иногда достаточно и воображаемой «кафедры»). И тогда наступает его очередной «звездный час».

Мне не раз доводилось убеждаться: Густав Александрович – натура увлекающаяся. Он, несомненно, принадлежит к породе людей, генерирующих идеи. И творческий импульс для него важнее дальнейшей жизни его любимого детища. Он создает его и отпускает в свободное плавание. Так было и со школьными историческими классами, которые он создавал, и с Университетом Петербурга. Именно ему принадлежало авторство и названия (речь шла об универсальных знаниях о Петербурге), и первой программы этого учебного заведения.

Густава Александровича всегда привлекала школьная работа – здесь он был не только педагогом, но и опять-таки просветителем. Он сам набирал классы, чему свидетель автор этих строк. И «экзамен», который требовалось сдать для поступления в его класс лично Богуславскому, проходил только по ему ведомым требованиям и критериям.

Со времени окончания мной исторического класса Богуславского прошло уже двадцать лет. Что-то стерлось из памяти. Забылись мелкие и досадные школьные неприятности. Но осталось ощущение сопричастности к исторической личности. Те два года в классе Богуславского были подлинным университетом…

Сергей Глезеров

От редактора

Сергей Глезеров прав, Густав Александрович Богуславский – уникальный человек. Сказать о Г.А. Богуславском, что он «широко известен в узких кругах», подразумевая под «узким кругом» специалистов по истории Санкт-Петербурга, – несправедливо. Тысячи бывших студентов и школьников помнят замечательного, удивительного учителя. Тем не менее хочется дополнить очерк С. Глезерова. Говорить о Г.А. Богуславском, не впадая в панегирический тон, трудно, но я попытаюсь обойтись без пафоса.

Я удостоился знакомства с ним по служебному поводу, мы многократно встречались дома у Густава Александровича для обсуждения структуры и содержания этой книги, подбирали иллюстрации. Естественно, в беседах иногда отклонялись от сугубо деловых моментов. Так я узнал о необычном начале профессионального пути Густава Александровича. Мне представляется важным упомянуть об этом. Эпизод говорит о нравах и людях той поры.

Московский мальчик-восьмиклассник «заболел» темой истории возникновения Санкт-Петербурга и эпохи Петра I в историческом кружке своей школы. Летом 1940 года ему довелось присутствовать в Московском государственном университете на защите диссертации (по теме «Ништадтский мир») одного высокопоставленного морского чина, и там он удивил ученый совет парой вопросов к диссертанту, обнаруживших его недюжинную эрудицию. Декан исторического факультета Московского государственного университета решил познакомиться с любознательным мальчиком поближе. Впечатлениями о знакомстве с сыном мамы-библиотекаря (отец умер в 1930 году) он поделился с министром высшего образования Потемкиным. Тот пригласил Густава к себе на прием и после обстоятельного разговора предложил ему без экзаменов поступить на исторический факультет МГУ – для этого, правда, требовалось за один год пройти курсы 9-го и 10-го классов школы. Густав это обязательство исполнил.

Любопытная деталь: во время беседы министр поинтересовался, о чем мечтает мальчик. Густав произнес: «Побывать в Ленинграде, поработать в исторических архивах. Но мне негде там остановиться…» «Эта проблема решаемая», – заявил Потемкин. Через некоторое время Густав получил приглашение от ленинградских властей приехать и поселиться в комнате в роскошном доме № 26–28 по Каменноостровскому проспекту. Сюжет по нынешним временам – сказочный. Случайность – подумает кто-то, но, говорят, случайность есть проявление скрытой закономерности…

С выпускного школьного бала Густав отправился на вокзал. Утром 22 июня 1941 года он приехал в Ленинград. Дальше – война. Поступление в МГУ пришлось отложить. Из-за слабого зрения его комиссовали, но он фактически оказался «вольнонаемным» на военной службе – лектором в Политуправлении Северного флота. Выступал с докладами об исторических подвигах русского флота на кораблях и в береговых частях. Юного лектора периодически слушали и офицеры штаба Северного флота во главе с командующим флотом адмиралом Арсением Головко.

После окончания войны, не воспользовавшись имеющейся привилегией, Густав блестяще сдал вступительные экзамены на исторический факультет МГУ Завершив обучение, преподавал историографию и источниковедение в университетах Москвы и Ленинграда (и сегодня в свои 87 лет читает этот курс в Санкт-Петербургском государственном университете!), вел курс по военно-морской истории Инженерном училище им. Ф.Э. Дзержинского (его учениками были известные ныне всем морякам атомного подводного флота адмиралы Б.П. Акулов и М.М. Будаев).

Работу в вузах Густав Александрович совмещал с преподаванием в средних школах курсов истории и обществоведения. В конце 1970-х годов удостоился звания «Лучший учи-

тель года Ленинграда» по своей специальности. Летние каникулы он всегда проводил вместе с учениками в путешествиях по стране, в пеших и шлюпочных походах. Исходил всю страну… Не случайно позже он станет почетным членом Географического общества России. Со знаменитой трибуны лекционного зала этого Общества им будут прочитаны 235 (!) лекций (с Л.Н. Гумилевым они «состязались»: у кого больше слушательская аудитория…).

Впечатления от путешествий помогут Г.А. Богуславскому в составлении комментариев к книгам-альбомам «Память России», «Памятники Поволжья», «Памятники Сибири». Его книга «Вечные сыны отчизны» была номинирована на Ленинскую премию. Он первым в Советской России опубликует исследование «Острова Соловецкие». Эта книга получила самую доброжелательную оценку Д.С. Лихачева и послужила поводом для их знакомства, переросшего в доверительные дружеские отношения. Густав Александрович – один из авторов идеи создания Всемирного клуба петербуржцев и один из его первых членов. Можно долго рассказать о заслугах Г.А. Богуславского в области исследования истории Санкт-Петербурга, но надо знать меру.

Несколько слов об этой книге. Она не является изложением истории Санкт-Петербурга в строго хронологической последовательности. Автор по собственному усмотрению коснулся отдельных событий, примечательных мест и персон, оставивших след в судьбе города на Неве.

Но фрагментарность изложения не мешает восприятию и пониманию замысла и идеи книги. Главная особенность очерков Г.А. Богуславского: даже рассказывая о многократно упоминавшихся другими знатоками моментах истории Санкт-Петербурга, он всегда находит что-то новое в фактологии или в совершенно неожиданном ракурсе, по-своему трактует, казалось бы, общеизвестное и общепринятое, нередко соединяя ассоциативными «мостиками» проблемы давних времен с реальностями современной России.

Совокупность предлагаемых очерков вполне может быть отнесена к работе в жанре «неизвестное об известном».

Очевидные достоинства предлагаемой книги – чистый и живой русский язык, проникновенная интонация, основательный анализ затрагиваемых тем (при «камерности» формата – очерки), ощущение безмерной любви автора к городу, ставшему для него родным.

Владимир Середняков

Начало

Государева дорога

Осударева дорога – священное место народного труда в далеком-далеком прошлом.
М. Пришвин

Петербург родился при обстоятельствах, основанию нового города вроде бы совсем не способствовавших. Он был рожден в ходе войны, на самом театре военных действий, среди боев. И создание его было продиктовано в первую очередь нуждами войны.

Россия давно уже была удалена от морских побережий, замкнута в сухопутных границах. Черное море было как бы «внутренним озером» Османской империи, Турции, а Балтика – внутренним озером могучего тогда Шведского королевства. Территории, бывшие исконной частью Руси, входившие в состав Новгородской земли, места, по которым проходил не только древний «путь из варяг в греки», но и пути направленной на север новгородской средневековой канонизации, оказались отторгнутыми от России, стали отдаленной провинцией Швеции.

Великая Северная война России со Швецией, продолжавшаяся 21 год, была начата 28-летним царем Петром I в августе 1700 года. В начале войны задача сводилась к захвату какого-либо важного, существенного, пункта на берегу Финского залива – закрепиться здесь, получить жизненно необходимый России выход к морю – такова была задача, для решения которой наскоро собранные, обученные и вооруженные русские полки осадили важную шведскую крепость Нарву.

Здесь, под Нарвой, в ноябре того же года русское войско потерпело жестокое поражение от главных шведских сил, возглавляемых 18-летним королем Карлом XII. Собранная Петром «армия» практически перестала существовать. Другой бы, оплакивая потери, покорился судьбе, сложил руки – но не таков был Петр. Много лет спустя, называя нарвскую катастрофу «счастием», он писал, что после нее «неволя (небходимость действовать. – *Г. Б.)* леность отогнала и ко трудолюбию и искусству (т. е. к неустанной и серьезной, профессиональной деятельности. – *Г. Б)*… принудила».

И уже в следующем, 1701 году в Прибалтике были одержаны первые, пусть и незначительные в военном отношении, но важные сами по себе, успехи, летом 1702 года – новые.

Тут и возникает у Петра идея перейти от отдельных мелких «уколов» неприятелю к планомерному завоеванию важной операционной линии – реки Невы, напрямую выводящей в Финский залив. Задача была архисложной: операционную линию надежно держали две шведские крепости – Нотебург (бывшая новогородская крепость Орешек) в начале Невы, на острове, образованном двумя протоками, которыми река вытекает из Ладожского озера, и Ниеншанц – ближе к устью Невы, на правом ее берегу, при впадении в Неву реки Охты.

Пётр понимал, что островной Нотебург защищен водой и взять его атакой только с суши, хотя бы и при мощной артиллерийской поддержке, невозможно: нужен одновременный штурм и с суши, и с воды. Но военных кораблей для этого на Ладоге нет и взяться им неоткуда, хотя значительная часть побережья озера принадлежала России.

В. Суриков. Пётр I перетаскивает суда из Онежского залива в Онежское озеро в 1702 году. 1872 год

И тут у Петра возникает невероятная, грандиозная идея: переправить в Ладогу военные корабли, протащив их посуху из Белого моря… Так родилась затея прокладки «Государевой дороги».

План был грандиозный. И не только по необычности, даже невероятности самого замысла и значительности предполагаемых результатов, но и по объему разнообразных подготовительных работ. Предстояло подготовить – а это значило построить – и корабли, и саму дорогу.

Затевалась не частная, местная акция. Ее предстояло развернуть на огромной территории, и вовлекалось в нее множество людей. И задача сохранения этого предприятия в тайне от противника осознавалась как одна из важнейших. Взятие Нотебурга было важно не само по себе, а как начало освобождения исконных русских земель и овладения операционной линией реки Невы – прямого пути в Балтику Пётр еще годом ранее намеревался «достать по льду Орешек», но намерение «оное пресеклось»…

Теперь время наступило. 18 апреля 1702 года Пётр с двенадцатилетним царевичем Алексеем, с большой свитой и полками своей гвардии, Преображенским и Семеновским, покинул Москву и через месяц добрался до Архангельска. Неподалеку отсюда, в двинском селении Вавчуга, жители которого издавна строили парусные суда для морских плаваний местных поморов, были заложены два 12-пушечных трехмачтовых фрегата (длина их была по 21,5 м, ширина по 2,5, а осадка не достигала и 3 м). Названы они были «Святой Дух» (капитан Памбург) и «Курьер» (капитан Валрант) и в Троицын день торжественно спущены на воду («было торжество великое с пушечного стрельбою и потешными огнями»).

А через несколько дней, 8 июня, царь призывает двух своих особо доверенных людей – Ипата Муханова и Михаила Щепотева – и приказывает им приступить к исполнению «некоего ухищрения». Надлежит обследовать морской берег в районе Онеги и найти «ближайший и спокойный водяной и сухой путь» в направлении озер и рек Балтийского бассейна.

5 августа Пётр писал Федору Апраксину: «Мы с обоими полками только ветру ожидаем, который получа, пойдем на море до Нюхты, и оттоль, переправяся сухим путем на Онегу-озеро… и из того озера Свирью в Ладогу»…

А сержант Михаил Щепотев тем временем прокладывал «Государеву дорогу» через перешеек, отделявший Белое море от Онежского озера. В его подчинении было до 5 тысяч крестьян, согнанных из поморских вотчин Соловецкого монастыря, из Заонежья, Каргопольского и Боломорского уездов. Щепотев доносил царю, что был послан «для чистки дорожной» и для оборудования пристаней для фрегатов. Но на самом деле все было куда сложнее. Предстояло прорубить просеки, очистив их от камней, пней и обрубков, застлать гатями путь через болота и трясины, через коварные «мхи»; заготовлялись подводы для перевозки грузов, корабельного и воинского имущества, плоты для наведения плавучих мостов через многочисленные реки и речки на трассе, заготовлялся лес для устройства пристаней и настилки кладей, строились сараи на местах будущих ночовок («ямы»).

Трасса дороги была выверена точно. Она проходила в стороне от нечастых в этих местах малолюдных деревень и лишь частично совпадала с той древней дорогой, по которой продвигалась на север в XIV–XV веках новгородская колонизация и по которой иногда шли на Соловки богомольцы. Дорога шла через дебри и болота, через реки и рытвины, по склонам холмов – шла с поистине петровской прямолинейностью. И длина ее превышала 180 км.

В одной из старинных народных песен об этом подвиге говорится так: «По зыбям и трясовинам, по горам и водам, по мхам дыбучим и лесам дремучим лес рубили, клади клали, плоты и мосты делали». Достаточно сказать, что когда в 1821 году возник проект восстановления «Государевой дороги», подсчитали, что для этого понадобится привлечь не менее семи с половиной тысяч работников и три с половиной тысячи лошадей…

Работы начались в середине июня, а уже в начале августа Михаил Щепотев доносил царю, что «дорога готова, и пристань, и подводы и суда на Онеге готовы… а подвод собрано 2 тысячи и еще будет прибавка»…

В четверг 6 августа царь со свитой и полками гвардии «от города Архангельского учинил морем транспорт на 4 своих и на 6 нанятых голландских и английских кораблях» к Соловецким островам, куда и прибыли 10 августа.

Несколько дней пребывания в знаменитом монастыре были заполнены богослужениями и празднествами – нарочито громкими в целях дезинформации шведов. А 16 августа из Залива Благополучия, на берегу которого возвышаются стены Соловецкого монастыря, началось осуществление задуманного Петром «некоего ухищрения», коему суждено было перевернуть весь ход войны и завершиться выходом к Балтийскому побережью и основанием Петербурга. В час дня раздался сигнальный выстрел из корабельной пушки, «а после выстрела на всех кораблях, побрав из моря якори и распустив паруса, попутным ветром пошли… к новопостроенному на взморьи у Вардегоры корабельному пристанищу».

Расстояние в 85 миль по Белому морю было пройдено спокойно, флотилия достигла Вардегоры (в 15 верстах от старинного поморского селения Нюхчи). Полтора века спустя путешественник и писатель С. Максимов еще видел на месте той пристани в Вардегоре груду размытых водой камней.

Оба фрегата были разоружены, такелаж и рангоут сняты, а оголенные их корпуса поставлены на специальные сани с полозьями; под полозья подведены катки – каждый корабль тянули канатами 100 лошадей с подводчиками и 100 солдат.

На обычно пустынном беломорском берегу царило небывалое оживление: тысячи людей суетились, торопясь как можно скорее начать небывалый трудный поход.

Двинулись 17 августа. Шли десять дней. Выбивались из сил, страдали от ненастья, постоянных дождей, тянули корабли и грузы по кладям через болота, по просекам через лесные дебри, переправлялись через встречавшиеся на пути реки. Но ночам отдыхали

под открытым небом на привалах – «ямах», где только для «особ» были приготовлены «зимушки», а все остальные просто согревались у костров на заранее приготовленных для этого дощатых помостах. Вековая тишина леса и «мхов» нарушалась шумом, производимым тысячами людей, в облачное небо поднимался дым сотен костров.

Остановок на «ямах» было девять – по числу ночей, проведенных в этом беспримерном походе. 27 августа, в четверг, на десятый день по отправлении из Вардегоры, прибыли в Повенец на северном берегу Онежского озера. Нелегкий путь, во время которого преодолели водораздел между Беломорским и Балтийским бассейнами (у Масельги), остался позади. «Святой Дух» и «Курьер» были спущены на воду, на них поставили рангоут, натянули такелаж, установили пушки – и побежали фрегаты по озеру. Мимо Заонежья, минуя Шуньгу и Толвую, мимо Кижей – на юг, к началу Свири, а потом по ней – в Ладожское озеро.

И совершенно неожиданно для неприятеля оказались корабли у Нотебурга – крепости, которую шведы считали неприступным оплотом своего владычества в этих краях…

Небывалый поход был закончен.

В конце сентября Нотебург был осажден – и с воды, и с суши, с берега, войсками фельдмаршала Бориса Шереметева. All октября 1702 года после яростной бомбардировки и ожесточенного штурма крепость была взята. Путь в Неву был открыт – и «Орех-крепость» переименовали в «Ключ-крепость». Нотебург стал Шлиссельбургом – ключом ко всем дальнейшим успехам в этом районе.

День взятия Нотебурга ежегодно отмечался как одна из главных дат всей Северной войны. Через 16 лет в этот день, будучи в Шлиссельбурге, Пётр напишет, что поздравляет с «сим счастливым днем, в котором русская нога в этих землях фут взяла и сим ключом много замком отперто».

Первым из таких «замков» была крепость Ниеншанц, в 12 км вверх по Неве от устья реки. И весной следующего 1703 года войска двинулись сюда от истока Невы, от Шлиссельбурга, по правому берегу реки.

Осада Ниеншанца была недолгой. 1 мая крепость капитулировала. Пётр переименовал ее в Шлотбург – «замок-крепость». Шлиссельбургский ключ точно подошел к этому замку.

Так завершилась история «Государевой дороги». Впереди были крупные и важные события. Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Государева дорога – подвиг русских людей. Это была прежде всего трудная работа, потребовавшая огромного физического и психологического напряжения всех причастных к ней людей. Сверхчеловеческих усилий и, конечно, немалых жертв. Михаил Пришвин еще в начале XX века передавал записанные им слова местного старожила: «Отец, когда завидит Осудареву дорогу, непременно шапку снимает и скажет: что тут народу легло. Так наши отцы шапки снимали на священных местах».

Нынче дорога эта затерялась, она поглощена природой. Но память о ней осталась в народе как об одной из ярчайших страниц его истории. А в истории Петербурга – в особенности: ведь «Государева дорога» явилась непосредственной предшественницей нашего города, прологом всей его истории.

Морская столица

Когда благословил Бога поморския страны возвратити себе с и другими вновь завладеть – что было бы, аще бы не было готового флота, как бы места сии удержати, не токме что оборонитися…
Ф. Прокопович. «Слово похвальное о российском флоте». 8 сентября 1720 года

Тысячи приморских городов раскинулись по берегам всех океанов и морей нашей планеты. Гигантские мегаполисы и маленькие рыбацкие городки – их объединяет не просто близость к воде, «причастность» к ней, а то, что эта прекрасная и таинственная стихия полностью определяет и судьбу этих городов и городков, и их историческое предназначение, и стиль мышления, мировосприятия, свойственный их жителям, и весь уклад повседневной жизни.

Многие такие города возникли и выросли как порты мирового значения, иные – как крупнейшие центры судостроения, некоторые – как важнейшие очаги морской науки и культуры, как хранители «морской памяти» человечества. А она, эта память, составляет одну из важнейших граней цивилизации…

Но есть ли среди этих тысяч приморских городов такие, которые заслуживают названия морской столицы своей страны? Ведь понятие это включает, вмещает в себя множество разнообразных функций: это и резиденция управления флотом, и его главная база, и порт, и место, где формируются национальная морская идеология и морская культура, и центр образования и воспитания моряков. И просто город, жизнь которого неразрывно связана с морскими традициями, с верностью им и гордостью ими.

Путешествуя по морской карте, вспоминая мировую историю мореходства, задумываясь над вековой судьбой крупнейших приморских городов, приходишь к выводу, что «морских столиц» в полном, «энциклопедическом», значении этого слова, объединяющих в себе самые разные смыслы и значения, почти нет. В одном городе – гигантский порт, в другом – великолепные верфи, в третьем – Адмиралтейство… А вот чтобы все вместе, в одной, неразрывной «связке», в теснейшем взаимовлиянии – такого примера почти нет…

Почти – потому что единственным, кажется, подобным примером является Петербург. Здесь все, все отрасли науки и практики, связанные с морем. Управление флотом и морское образование, кораблестроение и торговый флот, начальный и конечный пункт выдающихся плаваний и крупнейший центр изучения Мирового океана. И – уникальный случай – совпадение на протяжении двух с лишним веков ранга и обязанностей морской столицы и столицы огромного государства.

Более того, этот город, Петербург, и задуман был, и создан, и развивался, и столицей России стал в первую очередь и главным образом из-за своего приморского положения. Северная война, начинавшаяся как борьба за выход к морю, быстро стала войной за выход России в море, и закладка крепости на первом же отвоеванном кусочке Балтийского побережья, на одном из небольших островов архипелага, образованного Невской дельтой, имела не столько военное, сколько преобразовательное значение. Этот акт был вызовом и Европе, и самой России, началом ломки традиционного «сухопутного» менталитета, началом одного из глубочайших его преобразований. Крепость соединилась с верфью, и это соединение стало ядром будущего города, который рос и развивался ради флота, многим жертвуя при этом.

Город этот и флот на его верфях строила вся страна. Страна, уподобившаяся, по образному выражению Пушкина, «спущенному на воду кораблю». «Петербургские призывы»

строителей и мастеров по всей европейской России решали проблемы кадров и населения «юного града». Морское побережье, река, водная стихия стали источником энергии этого города. Его градостроительная идея и уличная сеть формировались на основе гидрографического фактора, царские дворцы и резиденции располагались непременно у воды – набережная Невы, Петергоф, Стрельна, Дубки. Левобережье Невы, вся территория вокруг Адмиралтейства были отданы флоту – строителям кораблей и «морского флота служителям». Кроме главной, Адмиралтейской, верфи появились и другие центры судостроения: верфи Галерная, Охтинская, Партикулярная. Нева была главной магистралью, главным «проспектом» Петербурга. На огромной акватории Невы торжественно праздновались триумфы военных побед, а в обычные дни, в повседневной жизни, река представляла удивительное зрелище: корабли всех рангов, военные и торговые, с живописными палубными надстройками, с дивной геометрией рангоутов, сотни лодок, яхт, парусных и гребных, сновали по реке во всех направлениях – город распахнулся к воде, открылся ей со всей своей красотой, своей необычностью.

Напомним, что именно тогда, когда в Петербург, которому и десяти лет еще не исполнилось, переносилась из Москвы столица России, Пётр намеревался центр этой новой столицы расположить на острове Котлин, совсем посреди залива. Есть столицы, расположенные на островах, но остров, превращенный в столицу…

Первый «пласт» населения Петербурга непосредственно, профессионально и житейски, связан с морем или с обслуживанием этого «морского люда». И первым регулярным учебным заведением новой столицы становится переведенная из Москвы и в Петербурге радикально преобразованная Морская академия. Морским кадетским корпусом, Морским училищем, а ныне Морским институтом Петра Великого, начинается великолепная история петербургского образования, петербургской педагогики – морской, военной и гражданской. А в конце XVIII века созданием при Павле I в 1798 году Училища корабельной архитектуры закладываются основы отечественного кораблестроительного образования. До революции Петербург с его высшими морскими учебными заведениями, с Морской академией и Училищем торгового мореплавания был единственным в России центром высочайшей по качеству подготовки кадров морских офицеров и кораблестроителей. Из здешних учебных заведений выходили все те, кто побеждал в морских сражениях, кто совершал удивительные по своим профессиональным и научным результатам долгие кругосветные плавания, кто своими научными трудами обогащал мировую науку и море – навигацию, гидрографию, океанографию. Те, кто открывал Антарктиду и внес неоценимый вклад в изучение и освоение Арктического бассейна.

Вся богатейшая русская морская литература вырастает из «петербургского корня». Здесь работал Морской ученый комитет, здесь в 1848 году родился и вот уже более 160 лет издается – без какого-либо перерыва – «Морской сборник» – единственный отечественный журнал, сохранивший за полтора века не только свое название, но и свое направление. Во второй половине XIX века журнал этот был одним из самых прогрессивных, влиятельных и читаемых изданий в России, его передовая роль в общественной жизни формировалась участием в нем знаменитых моряков, выдающихся ученых и первоклассных литераторов и публицистов.

В самом центре Петербурга, в Адмиралтействе, с петровского времени размещалось управление российским флотом: Адмиралтейств-коллегия, Морское министерство и Адмиралтейств-совет. И главной базой Балтийского флота были Петербург и его «младший и любимый брат» – Кронштадт. Здесь родились, отсюда «отпочковались» все другие российские флоты: Черноморский, Тихоокеанский и, уже в советское время, Северный. Здесь формировалась российская морская идеология, национальная морская доктрина. И – это чрезвычайно существенно – здесь на протяжении всех трех веков истории нашего города постепенно вырабатывалась отечественная морская культура.

Она стала важнейшей гранью, неотъемлемой составной частью того феномена мировой цивилизации, который мы называем «петербургской культурой». Корпоративный дух моряков, высокий профессионализм и великолепная образованность «морских служителей» предполагаются в качестве непременного условия самой «природой» этой профессии, охватывающей практически все науки, точные и гуманитарные, и все стороны практической жизни и человеческих отношений.

И вряд ли покажется натянутым утверждение, что эта универсальная и в то же время специфическая «морская культура» является одной из важнейших частей петербургской «культурной конструкции» в целом. «Морской дух», осознание петербуржцами себя жителями морской столицы, особое настроение, атмосфера, возникающая из этого самоосознания, – один из «столпов», на которых стоит Петербург. Моряки, представляющие одну из самых образованных в стране корпораций, из которой вышли многие выдающиеся люди. Очень заметное в истории Петербурга, в его жизни морское сообщество, не замыкавшееся в себе, а «прораставшее» в различные ячейки научной и общественной жизни столицы, даже сама праздничность морской формы, пресловутый «морской шик» всегда были непременной – и очень важной – частью культурного бытия Петербурга – Ленинграда, парадного и повседневного…

Да и сам город всегда очень дорожил всем, что выявляло его «морскую сущность», хранило его «морскую память». Здесь и крупнейшие флотские культурные очаги: Центральный Военно-морской музей, военно-морские архивы и знаменитая Военно-морская библиотека. Здесь памятники русским морякам – адмиралам, «плавателям вокруг света» и подвигам простых матросов. Здесь морские храмы: и потрясающий своим архитектурным совершенством Богоявленский собор, более известный под именем Никольского морского, и Пантелеймоновская церковь, сооруженная в честь победы молодого Балтийского флота при Гангуте, и Чесменская церковь. И отмеченные изображением якорей надгробия на могилах русских моряков на разных кладбищах Петербурга.

Не следует забывать о том, что два скрещенных якоря, морской и речной, являются главным элементом исторического герба Петербурга. И о том, что одним из символов нашего города является кораблик на шпиле Адмиралтейства, летящий на всех парусах над вечно родным для него городом!

Таковы основания весьма важного для нас утверждения, что Петербург – не только «морская столица» России, но, может быть, единственный приморский город в мире, в котором сосредоточены все без исключения грани этого многозначного понятия, все разнообразные функции, его определяющие. Петербург не просто был и жил рядом с морем – Петербург сросся с проникшим в него морским духом, настроением.

Приходится, однако, отметить, что в нынешнем Петербурге многое от этой морской столичности утрачено. Город как бы «отвернулся от воды» – от стихии, ради которой он был триста лет назад замыслен и рожден. Далеко на запад переместилась главная база Краснознаменного Балтийского флота. Совершенно опустела акватория Невы, прежде самая оживленная часть города. Пока что нет у города и «морского флота». Имеющий великолепные традиции петербургский парусный спорт переживает нынче очень нелегкие времена. И очень обидно идти по тротуару Дворцовой набережной, почти не встречая и не обгоняя других прохожих. Замечали ли вы, что набережные Невы в обычное, непраздничное время стали самым пустынным местом в городе, не говоря, разумеется, о сотнях машин, несущихся мимо тебя по мостовой вдоль пустынной реки?

Нева, ее рукава и притоки, старинные каналы как-то перестали быть «главными проспектами и улицами» Петербурга, ушли из контекста повседневной жизни, оставшись приметами «парадного», «плакатного» Петербурга, сюжетом для открыток. И хотя есть в Петербурге Морской совет, работают музеи, благополучно проходит каждый год прием в

разнообразные морские учебные заведения Петербурга – академии и высшие училища, университеты, единственное в стране Нахимовское училище и Морской кадетский корпус в Кронштадте – все же утрата «морского духа», его «выветривание» из повседневной жизни города, разобщение «морского сообщества» ощущается явственно.

Это грустно и тревожно. Город, рожденный великой идеей выхода России в море, не может этой идеи ни забыть, ни исказить. Недаром ведь его осеняет золоченый кораблик, парящий над ним на свежем балтийском ветру, дующем в тугие паруса.

А начиналось все одновременно с рождением Петербурга. Мы знаем, в день закладки крепости на Заячьем острове Пётр находился на Олонецкой верфи, где спешно сооружались корабли для первой балтийской флотилии. И после «крещения» города в конце июня 1703 года царь снова там же. 22 августа спущен на воду 28-пушечный «Штандарт», построенный мастером Геренсом, – на нем Пётр в начале сентября (в «Юрнале» запись: «8 сентября корабли пошли в Санктпитербурх») возвратился в свой новый город, заложив на Олонецкой верфи 6 фрегатов и 9 шняв.

Кстати, «Штандарту», как и петровской шняве «Мункер», суждено было стать одними из первых в России флотских «мемориалов». 27 сентября 1729 года последовал указ Петра, которым предписывалось «оный корабль починить и ввесть в Кронверкскую гавань» – в самом центре Петербурга, рядом с крепостью (правда, позднее он был разобран)…

Через полтора года после закладки крепости, 5 ноября 1704 года, состоялась закладка Адмиралтейства на пустынном левом берегу, почти напротив крепости. «Заложили Адмиралтейский дом, – читаем мы «Юрнале» Петра, – и были во остерии и веселились».

Адмиралтейство задумывалось Петром как крупнейшее по тем временам промышленное предприятие – верфь и как крепость, не просто оберегающая невское побережье, но способная своим огнем взаимодействовать с крепостью на Заячьем острове, создавая при входе в Неву непреодолимую огневую преграду. Чертеж Адмиралтейства, исполненный собственноручно Петром и содержащий множество его указаний о размещении мастерских и подсобных помещений, сохранился в архиве. Задумывался грандиозный производственный комплекс, открытый на Неву и окруженный земляными валами, стенами и рвом. Длина его вдоль Невы равнялась 200 саженям (425 м), ширина – 100 саженям.

Петровское Адмиралтейство строилось и совершенствовалось на протяжении долгого времени. Оно стало ядром застройки всего левого берега Невы, получившего название сперва Адмиралтейского острова, а затем Адмиралтейской стороны, части города: она росла и формировалась как единое целое с Адмиралтейством. Его значение не ограничивается ролью крепости и огромной верфи (военные корабли строились здесь до середины XIX века, пока не завершилась эпоха парусного флота) – Адмиралтейство было «мастерской» особого рода. Сюда со всей России присылались (одни на время, другие на «вечное житье») мастера десятков рабочих специальностей, строившие корабли. Здесь формировались отечественные кадры корабелов.

Где бы ни находился царь, какие заботы не одолевали бы его, об Адмиралтействе, его делах и нуждах, присылке рабочих и снабжении всеми припасами для кораблестроения Пётр думал и писал ответственным за эти дела людям постоянно. Находясь в Петербурге, Пётр бывал здесь чаще, чем в каком-либо ином месте, – появлялся здесь и во время закладки и торжественного спуска кораблей, и неожиданно, чтобы проверить ход работ и аккуратность исполнения всех инструкций. Только за два месяца 1714 года – ноябрь и декабрь – царь посетил Адмиралтейство 24 раза; в 1720 году он был здесь 44 раза, с января по август 1721 года – 21 раз…

Но не только строительство кораблей, их вооружение и снабжение, их боевая подготовка и участие в походах заботили Петра. Создание флота – задача, включающая множество элементов. Комплектование и обучение «матрозов» и обучение «матросских детей» (указ

28 ноября 1717 года), подготовка офицерских кадров для флота, взаимоотношения иностранных и русских «морских служителей», переводы и издание книг по морскому делу (их в царствование Петра вышло в свет более 20), разработка нормативных документов для флота – все эти вопросы находились в поле зрения Петра и решались им. Знаменитый «Устав морской» был создан при непосредственном участии царя; огромный по объему (52 главы) и исчерпывающий по содержанию «Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи», утвержденный 9 апреля 1722 года, создавался при непосредственном участии Петра («Юрнал» отмечает, что только в феврале 1721 года царь 12 раз «слушал регламент Адмиралтейской»).

С 1710 года почти ежегодно Пётр участвовал в летних плаваниях и маневрах флота на Балтике, имея свой флаг на разных кораблях. Так, в 1714 году (год Гангутской победы) плавание продолжилось 4 месяца, в 1719 и 1720 – по 3 месяца, в 1721 году – два с половиной месяца…

А торжественные празднования побед русского флота на Балтике, которые отмечались в Петербурге как самые значительные и памятные события? Все это сближало юный город с юным флотом – они строились одновременно, у них были общий быт и общие правила жизни, общие – для флота и для города – будни, когда работали «до упаду», и праздники, когда «веселились изрядно»…

Особая тема – взаимоотношения царя и мастеров-корабелов, русских и иностранцев, которые были среди ближайших сотрудников Петра и пользовались его уважением и доверием. Документы убедительно рассказывают о личных, человеческих отношениях между «царем-плотником» и его ближайшими помощниками. Это был тесный профессиональный круг, в которых входили и сам царь, готовивший корабельные чертежи и строивший корабли под именем Петра Михайлова, и Федосей Скляев, и Иван Немцов, и Гаврила Меншиков, и Филипп Пальчиков. И иностранцы: Осип Най и Ричард Козенц, Роберт Девенпорт и Ричард Броун. Их сотрудничество – один из первых примеров такого рода в отечественной истории. С них начинается история отечественной технической интеллигенции. И русские мастера, собранные со всей России, исполнители их идей – те, без чьего труда ничего бы не состоялось…

Вот почему наш город с момента своего рождения был и навсегда останется морской столицей страны, столицей Флота Российского.

Спуск корабля

В 1696 году началось новое в России дело строение кораблей. И дабы то вечно утвердилось в России, умыслил искусство дела того весть в народ свой.
Пётр I. Вступление к «Уставу морскому». 1720 год

В январе 1707 года Пётр писал директору Олонецкой верфи Ивану Яковлеву: «Сперва на Олонецком верфу флот зачинался»… Первые военные корабли для Балтики строились на берегах Свири, но серьезные трудности лишали этот район оснований претендовать на то, чтобы стать главным судостроительным центром. Верфи в Воронеже и Таврове для Балтики оказались бесперспективными, недавняя кораблестроительная горячка здесь кончилась, верфи эти были обречены. На первое место выдвигался Петербург, расположенный на балтийском берегу, в непосредственной близости от театра военных действий.

Вспомним пушкинское уподобление России спущенному на воду кораблю. Кораблестроение, сопровождающееся «стуком топора», стало одним из главных дел нового города, определяющих его рост, развитие, самую его жизнь. Оно началось здесь с первых недель и месяцев его истории.

Еще летом 1703 года, за полтора года до основания Адмиралтейства, на правом берегу Невы, на Городском острове, у протоки, отделявшей Заячий остров, под защитой строящейся крепости, была основана первая в Петербурге верфь, предназначенная для постройки и ремонта небольших морских судов. Позднее, когда рядом возвели Кронверк, верфь эта, как и сама протока, получила название Кронверкской. В июле 1704 года появляется указ о строительстве в Петербурге 34 двухмачтовых бригантин, а в начале мая вице-адмирал Корнелиус Крюйс сообщает Петру «которой флот в Питербурхе в строении плотничном готов будет, и тогда флоту вон в малое море итти».

Сохранилось немало документов о работе этой верфи: о нехватке плотников и материалов для ремонта кораблей – плотников присылали с Олонецкой верфи; недостаток материалов восполняли, разбирая избы и заборы в городе; после нападения на Кронштадт в начале июля 1705 года шведской эскадры на Кронверкской верфи ремонтировался поврежденный в этом бою фрегат «Нарва»…

Петербургский историк Игорь Богатырев подсчитал, что с 1704 по 1724 год было построено и отремонтировано 137 кораблей, в том числе в 1707 году – 17, в 1719 – 25, в 1724 – 35…

Работали в Петербурге в петровское время и другие верфи: Галерная (на левом берегу Невы, там, где начинается Английская набережная), Партикулярная, на которой строились парусные и гребные суда разных классов по заказам частных лиц (она находилась на берегу Фонтанки, против Летнего сада), Охтенская… Но главной была Адмиралтейская крепость-верфь – огромное промышленное предприятие «градообразующего», как теперь принято говорить, значения (недаром же вся освоенная левобережная часть города называлась «Адмиралтейским островом», «Адмиралтейской стороной»)… Здесь строились только крупные корабли, и в их создании принимали участие тысячи людей десятков специальностей; они собирались со всей России, составляя важную часть населения нового города. Они участвовали в одном огромном общем деле – и могли видеть реальные плоды своего нелегкого труда. И, несмотря на все трудности и невзгоды, гордились своим трудом и его результатами.

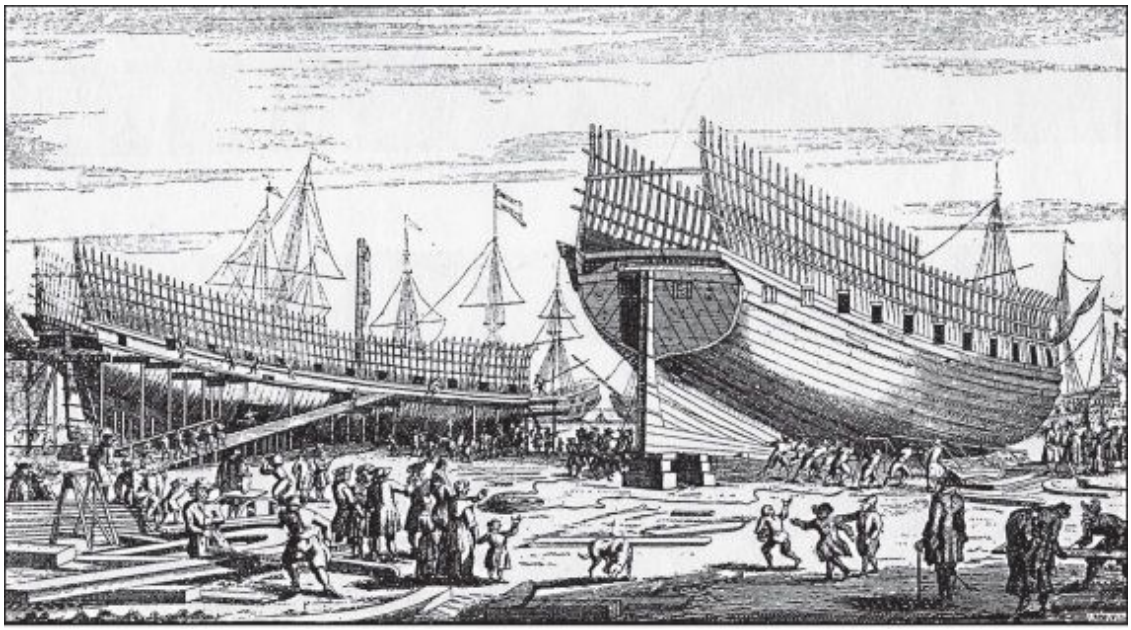
К. Беггров. Адмиралтейская верфь. Литография

О масштабах и общероссийском значении этого гигантского по тем временам промышленного предприятия можно судить по составленной Петром 18 сентября 1718 года «росписи» числа работников, необходимых для строительства семи заложенных в Адмиралтействе кораблей. На 90-пушечный корабль требуется 500 работников разных специальностей, на четыре 80-пушечных – 300, на три 66-пушечных – 700. Всего 2400 человек.

Впрочем, пора уже рассказать о самой церемонии спуска.

Вот что читаем мы в записках Христиана Вебера, ганноверского резидента в Петербурге, о спуске в конце июня 1718 года в Адмиралтействе корабля «Лесное»: «Богатейший военный корабль в 90 пушек, построенный самим Его Величеством и одними русскими мастерами, без пособия иноземцев, спущен был на воду и все дивились отличной работе этого корабля. Он пошел в воду так легко и благополучно, что Его Величество сам махал шляпою и восклицал обычное «Ура!» вместе с возгласами более 20 человек, бывших на борту, и затем позволил пройти на борт корабля всем желающим…»

Подобные рассказы встречаем мы на страницах многих сочинений современников-иностранцев: офицеров, моряков, дипломатов, путешественников. Спуск корабля в Адмиралтействе был всегда важнейшем событием городской жизни и большим праздником – не только для строителей и «морских служителей», но и для всех горожан.



Постройка корабля. С гравюры времен Петра

Накануне спуска о предстоящей церемонии широко, непременно с барабанным боем, оповещалось все петербургское население. В день спуска сигналом собираться на торжество были выстрелы из крепостных орудий; а в самый момент спуска, когда корпус корабля входил в воду, крепость приветствовала его 13 пушечными выстрелами – это был торжественный сигнал о рождении новой боевой единицы флота российского.

Иногда спуск корабля сопровождался обстоятельствами особенными. Так, при спуске 80-пушечного трехпалубного корабля «Фридемакер» 5 марта 1721 года пришлось специально разбивать лед на Неве против Адмиралтейства; а после спуска состоялся «маскарад», в котором участвовали, как говорится в документе, «восемь «маленьких матросов»… Огромный корабль «Лесное» («трудов Его Величества» и корабельного мастера Федосея Скляева) был спущен 29 июня 1718 года – через два дня после смерти царевича Алексея Петровича и накануне его похорон, а год спустя, 28 апреля 1719 года, спускался «Гангут» – через день после похорон любимого сына Петра царевича Петра Петровича…Это свидетельствует не только о некоем «своеобразии» тогдашних нравов, но и о том, что спуск нового корабля представлялся царю «нужнейшим делом», более важным, чем личные беды и несчастья. «Рождение» корабля словно противопоставлялось факту смерти…

Присутствие на церемонии спуска, участие в общем торжестве было для Петра чрезвычайно важным, обязательным. Давая в мае 1707 года указание адмиралу Апраксину о спуске на воду новых бригантин, царь разрешает ему, если позволят обстоятельства, «обождать, дабы и нам причастниками того дела быть». 21 октября 1717 года, возвратившись из-за границы, где он пробыл почти полтора года, и торжественно встреченный в столице, Пётр «по приезде изволил, немного мешкав во дворце, пойти в Адмиралтейство, где довольно по работам изволил ходить, – пишет В. Нащекин, – за ним мастера корабельные, а из Адмиралтейства при самой ночи изволил идти во дворец».

«Юрналы» Петра сообщают о его визитах в Адмиралтейство весьма аккуратно. И вот результаты наших подсчетов этих сведений: в 1715 году Пётр посетил Адмиралтейство 13 раз, в 1714 – 27 раз (в ноябре и декабре по 12 посещений), в 1720 – 44 раза, а в следующем году– 21 раз!.. Это были чаще всего деловые визиты: наблюдение за ходом работ, контроль, решение возникших вопросов…

А церемонии спуска кораблей обычно завершались банкетом: «веселились изрядно» (или «веселились довольно»). И во время банкетов этих Пётр непременно провозглашал тосты за «новорожденный» корабль и за «детей» («сыновей») обер-сервайера Ивана Михайловича Головина – руководителя всех кораблестроительных работ: его «дети» – это и созданные его подчиненными корабли, и сами эти подчиненные, мастера-корабелы, создатели всех этих кораблей, среди которых многие носили славные, победные имена («Полтава», «Лесное», «Гангут», «Нарва» и другие) или имена «со значением», подобно уже упоминавшемуся «Фридемакеру» (миротворцу)…

С корабелами Петра связывали особые отношения. Они были не просто мастерами, специалистами, они были соратниками царя по важнейшему общему делу, непременными членами его ближайшего не только делового, но и личного окружения. Многочисленные письма Петра к ним, уважительное обращение, многократные частые визиты в дом красноречиво свидетельствуют об этом.

Следует отметить, что кораблестроение было одной из тех областей, где русские и иностранные специалисты трудились в теснейшем сотрудничестве. Между опытными иностранцами Ричардом Козенцем, Ричардом Брауном, Осипом Наем, Робертом Девенпортом и русскими мастерами Феодосием Скляевым, Иваном Немцовым, Гаврилой Меншиковым Пётр не делал различий. Гаврила Меншиков участвовал в «Великом посольстве» в Европу (из которого Пётр привез в Россию мастера Осипа Ная), потом долгие годы был учеником у корабельных мастеров, а сам получил высокое звание лишь в 1726 году. Филипп Пальчиков вышел из матросов, учился в Голландии, а потом 14 лет трудился «корабельным подмастерьем» и, как говорит документ, «в сем художестве обретался от начала радетельно, в оном градус по градусу всходил»…

Кораблестроение – одна из самых «энциклопедических» отраслей техники: в нем слились, сплавились ремесло (десятки разных ремесел), наука (множество ее областей) и искусство. Замечательно сказал в 1716 году о кораблях Феофан Прокопович: «Сии ковчего, сии крылаты и бег пространный любящие палаты», которым нужно «место и поле, течении их подобающее». Пётр владел и ремеслом (царь-плотник), и наукой кораблестроения, и искусством. «Царь, как говорят, знает это дело едва ли не лучше всех русских», – читаем мы в дневнике Берхгольца. В Российском государственном архиве древних актов в Москве в огромном документальном фонде «Кабинета Петра Великого» хранится 50-й том, весь состоящий из собственноручных кораблестроительных чертежей и рисунков Петра. Рассматривая в конце 1710 года чертежи, выполненные мастерами Наем и Козенцем, царь замечает: «Кажется, оные в двух местах исправления требуют… к носу остры… и то в стоянии на якоре недобро, ибо, не имея довольной толстоты напереди, корабль ныряет в воду». В мае 1721 года, будучи в Риге, Пётр «рисовал корабль линейной в 90 пушек», записи об этом сделаны в «Юрнале» 28,29,30 мая, 2,4 и 6 июня… В марте 1723 года обер-полицеймейстер Антон Девиер пишет Александру Меншикову, что царь «ныне тому дней с пять изволит ездить в Адмиралтейство в модель-камору и рисовать корабль пропорциею свыше 100 пушек».

Нет, не «царь-плотник» он был, а царь-инженер, технически хорошо подготовленный, системно мыслящий, видящий будущее творение не фрагментарно, не отдельными частями и узлами, а в целом. Корабль был для него подобен живому существу – и относился он к каждому кораблю российского флота как к живому организму, сложному, в чем-то капризному, но прекрасному.

Крупнейший историк русского флота Феодосий Веселаго еще 125 лет назад опубликовал итоги своего подсчета числа кораблей, сооруженных при Петре. Всего – 895, из них построенных в Петербурге – 541. В их числе 52 крупных корабля и 489 малых (галеры, бригантины и пр.). Количество заложенных и спущенных на воду кораблей по годам очень различно: закладывалось от 8 (1716 год) и 7 (1721 год) до 1 (1717 год), а спускалось от 5 (1719

год) и 4 (1713, 1714, 1720, 1721 и 1724 годы) до 1 небольшого (в 1716 году). Сроки строительства от закладки до спуска колебались от 1 года 5 месяцев до 5,5 лет; средний же срок (по 30 позициям) составлял 3 года 3 месяца. Таковы наши подсчеты.

Следует отметить, что были случаи сооружения «серии» однотипных кораблей. И у каждого из построенных кораблей – своя биография, своя боевая история, своя судьба. К сожалению, уже к середине XVIII века почти все они обветшали настолько, что оказались списанными, обреченными на смерть и были разобраны. Сохранились только их модели, изображения в гравюрах и множество документов об их биографии. История их не только увлекательна и разнообразна (иногда печальна, даже трагична), но внушает гордость за них. И за город, где они были задуманы и построены руками простых русских мастеров. И за наше Адмиралтейство…

В заключении, еще один рассказ о спуске корабля, извлеченный из дневниковых записей Фридриха Берхгольца за 23 июня 1723 года, когда в Адмиралтействе спускался 36-пушечный фрегат. «Мы отправились в Адмиралтейство и на корабль, который был уже совсем готов к спуску. По приезде императора фрегат освятили… После этой церемонии приступили к окончательным работам, и корабль еще до 6-ти часов благополучно сошел на воду… Он на сей раз был спущен кормою. Вероятно, это новый способ, придуманный кораблестроителем. Когда корабль отошел от берега, брошен был якорь, отчего он развернулся носом. И все наперебой спешили поздравить на нем его величество с благополучным спуском…» Столица флота отмечала рождение еще одного своего «сына».

Новый город для нового времени

Этот день и происходившие в нем события никогда, ни разу не отмечались и даже не вспоминались в нашем городе за все три с лишним века его существования. Нам даже неизвестно, было ли это событие связано с какой-то официальной церемонией, или прошло совершенно незамеченным (подобно тому, как незамеченной осталась происходившая ровно за 45 дней до этого скромная церемония закладки крепости на Заячьем острове). Но совершенно бесспорно, что именно 29 июня 1703 года (по современному календарю – 10 июля) крепость и будущий город рядом с ней получили свое имя. Имя города – не только обозначение его места на карте; оно и своеобразный прогноз его истории, и «заявка» на ту роль, на то место в жизнь страны, которое этот город мог бы занимать. Бывают похожие названия городов, но редко бывают похожими их судьбы – любой город всегда своеобразен, самобытен, уникален.

Вряд ли у Петербурга найдутся в мире соперники. Уже не говоря о том, что город трижды менял свое название, он самобытен с первого дня. Расположенный на архипелаге из нескольких десятков островов в невской дельте, среди невыразительного, однообразного ландшафта, на низменной плоскости, город был заложен не только дни войны, охватившей этот край, но буквально на переднем крае боевых действий, в ходе проведения широко задуманной военной операции. Он располагался в малонаселенной местности, которая издавна была пограничной между двумя могучими соседними государствами – Россией и Швецией. Он нес на себе с первых своих дней нелегкий груз сомнений и поисков, связанных с тем, что Россия веками не могла окончательно определиться, к какой цивилизации, в какую сторону ее «тянут» и история, и природа – на Запад, к Европе, или на Восток, к Азии. А Петербург возник не только у морского берега, но в том меридиональном поясе, в котором находятся и многие другие исторические и энергетические центры континента.

И вся дальнейшая история Петербурга насыщена событиями и размышлениями, смысл которых – в том сложнейшем процессе самоидентификации, не только под знаком, но и в поисках которого происходило историческое движение той эпохи, которую мы не случайно называем «петербургской» (иногда «императорской» или «имперской») эпохой нашей национальной истории. Именно в этот период на протяжении XVIII–XIX столетий напряженно шел сложнейший и важнейший процесс самоутверждения России в ее национальной самобытности и национальном достоинстве – процесс, во главе которого неизменно находился Петербург. И не только как столица империи, но и как символ, знак, главный носитель смысла и суть этого процесса.

Мы обычно отмечаем день рождения нашего города в конце мая. Традиция эта возникла в начале XIX века, через два года после вступления на престол Александра I – в то время, которое Пушкин позднее обозначил как «дней Александровых прекрасное начало». Российскому императору нужно было утвердить свой престиж в глазах Европы, нужен был повод для пропаганды своих либеральных мечтаний и идеи всеевропейского величия России. Столетие Петербурга (в праздновании которого, кстати, приняли участие несколько стариков-ветеранов, служивших еще в петровской армии) было для этого пропагандистского натиска на Европу прекрасным поводом.

(Нередки укоризны историков в адрес императрицы Елизаветы Петровны за то, что она никак не отметила первый, пятидесятилетний, юбилей своего родного города и своей столицы; более того, и сама императрица, и весь двор с осени 1752 до весны 1754 года находились в Москве… Однако обвинения эти не совсем справедливы: ведь именно в юбилейный год императрица из Москвы шлет начальствующему в Петербурге генералу Фермору

указ о срочном проектировании «обер-архитектором де Растрелием» нового, четвертого по счету, доныне существующего Зимнего дворца.)

Очень жаль, что мы редко видим в основании Петербурга тот громадного, всеевропейского значения факт, что наш город – ровесник XVIII века, что с основания Петербурга начинает отсчет своей истории это «столетье безумно и мудро» (Александр Радищев) – век могучего прорыва, век Просвещения. Пройдя насквозь, «ворвавшись» в европейское политическое и культурное пространство, буквально пронзив его, Петербург стал носителем и передовых идей, и выдающихся культурных достижений, и мучительных, часто безвыходных противоречий этого нового времени. Слишком велик был объем накопленного к этому времени реального знания о мире, слишком значительными – философские постижения и технологические достижения, чтобы именно XVIII веку пришлось в них разбираться. Англичанин Ньютон и его законы классической механики, француз Декарт с его философскими обобщениями и немец Лейбниц с новыми методами математического анализа сформулировали те фундаментальные основы человеческого знания, на которых до сегодняшнего дня базируется современная наука. Восемнадцатый век не только обозначил роль человека в обществе и людского сообщества в государстве, но и сформулировал основные принципы гуманизма; он объединил три мира, в которых живет человек: мир природы, мир человеческого духа и рукотворный, вещный мир, создаваемый самим человеком.

Век Просвещения начался основанием Петербурга и превращением еще не существующего, не «состоявшегося» города в столицу огромного Российского государства (ас 1741 года – Российской империи). В том же веке жили и творили Руссо, Вольтер, энциклопедисты и Ломоносов, а к концу его произошли свержение британского колониального господства в Америке, Декларация независимости и конституция Соединенных Штатов, а немного позднее – Великая Французская буржуазная революция, и также Термидор и Бонапарт.

И все это, как бы далеко, «в стороне» от Петербурга, ни происходило, отражалось в процессе развития нашего города, в формировании его образа и его умонастроения. Чуткость Невской столицы к тому, что определяло момент, всегда была очень высока, и основные события, покорявшие или тревожившие мир, непременно на Петербурге отражались. Лицо города несет явственный отпечаток всех эпох, всех главных достижений и потрясений, пережитых Россией и миром за три последние столетия.

Иначе и быть не могло. Ведь Петербург собирал в своих пределах все лучшие, наиболее яркие, молодые, энергичные, честолюбивые силы России. Город был аккумулятором лучшей части потенциала нации. Те, кто приходил сюда, приносили в столицу вековые традиции народного быта, местной культуры, отношение к миру и людям.

И в то же время шел мощный встречный поток. Из всех стран Европы в Петербург съезжались в огромном количестве представители не только художественной элиты, военные и моряки, но и, как бы сейчас сказали, «представители массовых профессий»: учителя, лекари, ремесленники, купцы.

Петербург находился на стыке важнейших цивилизационных потоков и был предназначен играть роль своеобразного «котла», в котором эти потоки перемешивались и переплавлялись в «продукт», который мы не просто называем феноменом петербургской культуры, но и относим к числу самых выдающихся явлений мирового культурного процесса.

В жизни Петербурга, в его развитии выдающуюся роль всегда играли те, кого мы сегодня несколько свысока называем мигрантами. Приехавшие с разных концов страны и из разных уголков Европы представители самых различных этносов и религий, они строили этот город, сооружали в нем великолепные корабли и огромные заводы, возводили здания и ансамбли, навсегда включенные в разряд мировых архитектурных шедевров, создали и усовершенствовали первоклассные учебные заведения и культурные сокровищницы, формировали то, что мы привыкли с гордостью называть петербургским стилем. Город был с

первого своего дня проникнут духом интернационализма, толерантности. Немецкая, Французская, Татарская и другие слободы, поселки, обжитые выходцами из разных местностей России, слободы, заселенные представителями определенной профессии, и тому подобное – такова была изначальная структура молодой столицы, существовавшей как город еще не в реальности, а в мечтах и снах его создателя и в архитектурных проектах.

Да, значительная часть населения переезжала сюда подневольно, по строгим царским указам, часто под конвоем. Но, приехав, люди начинали здесь трудиться, быстро ассимилируясь в этом новом для них мире и не пытаясь навязать ему свои взгляды и правила жизни.

А иностранцев привлекало сюда небывалое и недостижимое нигде больше в пределах «старушки Европы» ощущение простора, воздушности, внутренней свободы. Город строился «на чистом месте», по продуманной, четкой и системной программе, в соответствии с общим замыслом и планом – и это было его главным признаком, самым привлекательным и перспективным. И неповторимым в масштабах всей Европы. Пётр был очень озабочен тем, чтобы будущий город был заселен людьми умелыми и добрыми, настоящими профессионалами, обладающими чувством профессионального достоинства и гордости, людьми «пожиточными» (владеющими имуществом, пожитками). Личное расположение царя именно к людям такого сорта накладывало на город сильнейший отпечаток: здесь формировались замечательные профессиональные (например, корабелы) и культурные «гнезда», где выращивались и собирались «птенцы гнезда Петрова» – чаще всего именно «умельцы», настоящие мастера, истинная «соль» будущей России.

Выбрав западный, европейский вектор развития страны (при сохранении интереса к азиатским проблемам и влияниям), Пётр жестко и даже жестоко боролся против традиционного московского консерватизма, против политики самоизоляции от окружающего мира, против подозрительности и недоверия ко всем «инаким». Понимая, насколько Россия отстала от передовых европейских стран, что догнать их невозможно как без помощи с их стороны, так и без создания собственных национальных кадров, Пётр отлично осознавал, что решение грандиозных задач «вхождения в европейское пространство» сводится в конечном счете к реформам в области образования и культуры. Именно поэтому царь избирает генеральным направлением, главной перспективой, стратегической установкой для своей новой столицы вопросы культуры. Культура становится доминантной гранью всей программы развития Петербурга. Основой идеи развития этого города. К сожалению, мы и сейчас не очень задумываемся об этом и не очень четко представляем себе, в каком массиве культурных ценностей, задач и достижений лежит будущее нашего города.

Новый город не просто находился в зависимости от нового времени, выражал его. Обращенный в будущее, он не развивался стихийно, его программа рассчитывалась надолго вперед. Мне не хотелось бы упреков читателя в злоупотреблении суперсовременных терминов, но я глубоко убежден, что строительство Петербурга, его замысел и программу, динамику его развития можно смело назвать первым в истории России национальным проектом, успешно осуществленным для блага не только нашей страны, но и мира. Последнюю строку пушкинской поэмы «Полтава» о Петре Великом, воздвигнувшем «огромный памятник себе», я всегда воспринимал как выражение восторга перед русским народом, в истории которого создание Петербурга было одним из величайших подвигов.

В таком ключе «крещение» Петербурга воспринимается как факт более значительный, чем скромная, немноголюдная, проходившая как-то буднично (и к тому же в отсутствии Петра), очень кратко и сухо изложенная в немногочисленных документах церемония закладки крепости на Заячьем острове. Там была заложена только крепость, а состоявшееся ровно полтора месяца спустя «крещение» нового города означало его рождение.

На Городском острове

О! Прежде дебрь, се коль населена!
Мы град в тебе пристальный видим ныне!
В. Тредиаковский. 1752 год

Весной 1713 года Петербург вступил во второе десятилетие своей истории. От этого времени до нас дошло несколько отзывов о юном городе на Неве, принадлежащих приезжавшим сюда иностранцам. Анонимный автор «Описания Петербурга 1710 года», датский посланник Юст Юль, немец Вебер, швед Эренмальм, шотландский офицер Брюс – военные, дипломаты, публицисты. Их отзывы о городе как таковом далеки от восторга. Например, Вебер в феврале 1714 года записал: «Вместо воображаемого мною порядочного города, я нашел тогда кучу сдвинутых друг к другу селений, похожих на селения американских колоний…»

Но при этом нельзя не отметить общую тональность даже таких негативных оценок: их авторы – все без исключения – не могут, да и не пытаются скрыть своего удивления ни видом города, еще не получившего сложившегося образа, ни самим фактом появления такого города за столь короткое время на столь неудобном месте, как архипелаг островов, образованных дельтой реки – по воле одного человека.

«Непостижимо, – запишет 2 августа 1721 года в своем дневнике Фридрих-Вильгельм Берхгольц, – как царь, несмотря на трудную и продолжительную войну, мог в столь короткое время построить Петербург,… и так много увеселительных замков и дворцов, не говоря уже о каналах…»

Десятилетний Петербург уже был столицей огромной России, но еще не стал городом в полном смысле этого слова. Дворцы «изрядной», но лишенной изощренности архитектуры, отнюдь не поражавшие своими размерами, прекрасные сады соседствовали с небольшими деревянными избами традиционного для русской жилой архитектуры типа, с мазанковыми постройками, в которых располагались даже правительственные учреждения. Лишь 4 апреля 1714 года появился царский указ, строго предписывавший на Городском (Санкт-Петербургском острове – нынешней Петроградской стороне), на Адмиралтейском острове и на набережных строить не деревянные дома, а только мазанки и каменные здания.

Петербург был разбросанным по большой территории, деревянным, неблагоустроенным, очень пожароопасным. Да и тех, кого мы привыкли называть «коренным населением», здесь еще не появилось: все жители были пришлыми, «мигрантами»; одни приехали сюда по своей воле, ради интересов и успеха своего дела, своего промысла, другие – по царскому приказу, под солдатским конвоем, на время или «на вечное житье»…

Но, как бы то ни было, Петербург в эти годы быстро рос и энергично застраивался. Население его сосредоточилось в нескольких районах, ставших историческими «ядрами» города: Городской остров, Адмиралтейский остров (на левом берегу Невы, между Невой и Мойкой), Московская сторона в районе дороги на Новгород и Москву, Выборгская сторона, Острова – Васильевский, Крестовский, Каменный, Мишин (Елагин), Петровский – находились в частном владении Меншикова, царевны Наталии Алексеевны, вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны, канцлера Головкина…

Основная часть петербургского населения была сосредоточена на Городском (прежде Фомина, потом Березовом) острове, позднее получившем название Санкт-Петербургского или просто Петербургского острова. Архитектор Трезини в своей «записке» февраля 1724 года отмечает, что «строение партикулярных людей (частных лиц) на Санкт-Петербургском острове началось еще в 1704 году», когда городу был всего лишь один год «от роду».

Здесь были и порт, и первый в городе храм (Троицкая церковь), и первая городская площадь (Троицкая), и первый Гостиный двор, и первые улицы и кварталы более или менее регулярной застройки. Сюда с разных концов страны приезжали новые люди, привозя свои привычки, свой бытовой уклад, свое профессиональное мастерство, свои представления о жизни. И остров стал в эти годы как бы эпицентром всей российской жизни – она отличалась энергией, динамизмом, подвижностью.

Через полвека первый историк Петербурга Андрей Богданов напишет, что в те годы «сей царствующий град, будучи еще в юных своих летах, пал, некрасив, грязен, нерегулярен был…» О том, что представлял собой Городской остров, нам дают достаточно полное представление два документа-ровесника.

Летом 1714 года военный инженер Лепинас исполнил рукописный план Городского острова – самый ранний из дошедших до нас. На плане – именно населенная, «городская» часть острова, крепость и кронверк показаны лишь условно. Почти лишена нагрузки и та часть чертежа, на которой изображена середина острова, – но берега Невы и Большой Невки и прилегающие к ним, к Троицкой площади и к кронверку места показаны густо заселенными: 112 строений на Городском и 12 на Аптекарском островах, из них 90 по берегам рек.

Чертежу Лепинаса предшествует другой, гораздо более полный и важный для нас документ – первая перепись дворов Городского острова и их владельцев, составленная в декабре 1713 года.

К этому времени на острове стояло только одно каменное здание – сооруженный в 1710 году дом канцлера Гаврила Головкина. Остальные дома и дворовые строения – деревянные и, следовательно, пожароопасные. Деревянный Петербург жестоко страдал от пожаров, и установление правил пожарной безопасности и контроль их соблюдения были «задачей номер один». И прежде всего требовалось точно учесть все очаги – печи в домах, в «кухарных» и «людских избах», в кузницах и разных мастерских.

Именно с этой целью 8 декабря 1713 года генерал-губернатор Петербурга князи Александр Меншиков распорядился «на Санкт-Петербургском острове переписать дворы и солдатские избы и за ними все, что есть и что в каждом дворе изб и бань, и поварен, и всякого строения». Поручили это подьячим Городской канцелярии (которая, как и Военная и Гарнизонная канцелярии, находилась тут же, на Городском острове) Якову Семенову, Алексею Маркову и Андрею Уланову. Между ними распределили три крупных участка городской застройки на острове: нынешние Петровская и Петроградская набережные с кварталами, расположенными за ними, участок от Кронверка на север и район от кронверка на запад, по набережным Невы и Малой Невы до Петровского острова.

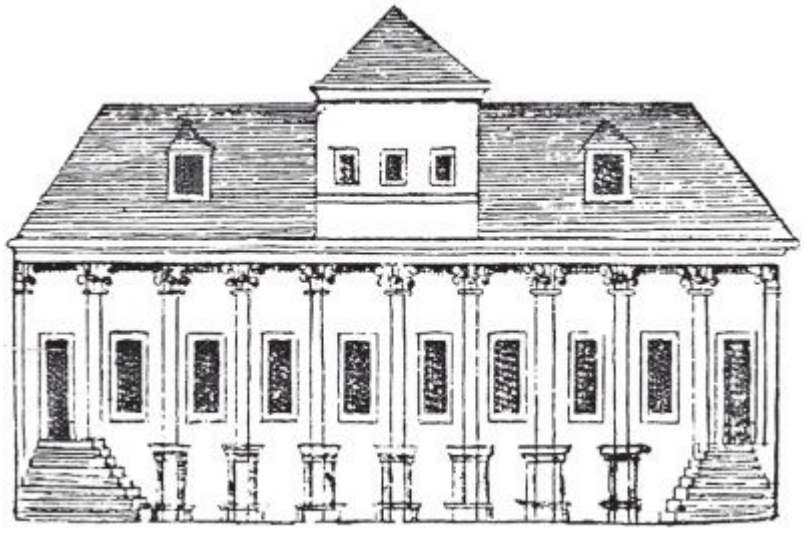
Ф.А. Васильев. Троицкая площадь на Городовом острове. 1719 год

Перепись провели в короткий срок, а итоговый документ получился весьма обширным. Мы попытаемся обобщить его содержание, объединив встречающиеся в разных частях переписи интересные сведения и детали и произведя самостоятельный итоговый подсчет. Что же нашли в разных дворах и включили в перепись проводившие ее городские чиновники? Каждое владение ограждено забором с «воротами створчатыми» – иногда и вторыми, выходящими на заднюю улицу. Часто встречается «изба приворотная: обширные участки нередко разделяются на «передний» и «задний» дворы, причем на заднем дворе часто располагаются огороды и «хлевы скотные с амшанником для скота».

Жилые помещения также разнообразны: «светлицы» (их может быть очень много – до 14–17) подразделяются на теплые, с сенями, и холодные, летние. Встречаются светлицы на «жилом подклете» (полуподвале) и «светлицы отхожие (отдельно стоящие) с печью». Персонал, обслуга обычно живет в отдельных «людских» избах («черная изба людская»)…

Чрезвычайно разнообразны те служебные и бытовые помещения, что встречаются на разных дворах: «мыльня с чердаком» или баня с предбанником, кладовые сараи и чуланы, «кухарни» («черная стряпушная изба»), погреба с напогребицей и ледники, хлебни и «избы судовые». А рядом – конюшня с сенником, каретный сарай, кузницы с угольными сараями и мастерские избы. Набор этих служб на каждом дворе разный в зависимости от ряда занятий и имущественного положения владельца или его социального статуса.

Всего в перепись включено 980 дворов, не считая солдатских казарм и «госпитальных изб». Наиболее «элитный» район – набережные и соседние с ними улицы, не случайно названные Дворянскими (нынешние улицы Куйбышева и Мичуринская). Здесь несколько десятков владений. Среди них «первоначальный дворец» царя («Домик Петра») и его ближайших сподвижников: коменданта Романа Брюса и его брата, знаменитого Якоба Брюса, начальника российской артиллерии, дипломатов Головкина и Шафирова (Меншиков к этому времени уже перебрался в свой дворец на Васильевском острове), Никиты Зотова и Стсешневых, адмирала Апраксика, князей Шербатого и Черкасского. Здесь проживали министры и генералы, 29 князей, графов и придворных высших рангов, 20 высокопоставленных чиновников, офицеры гвардейских полков – и всего один «пушкарь» и один «посадский человек».



Брюсов дом

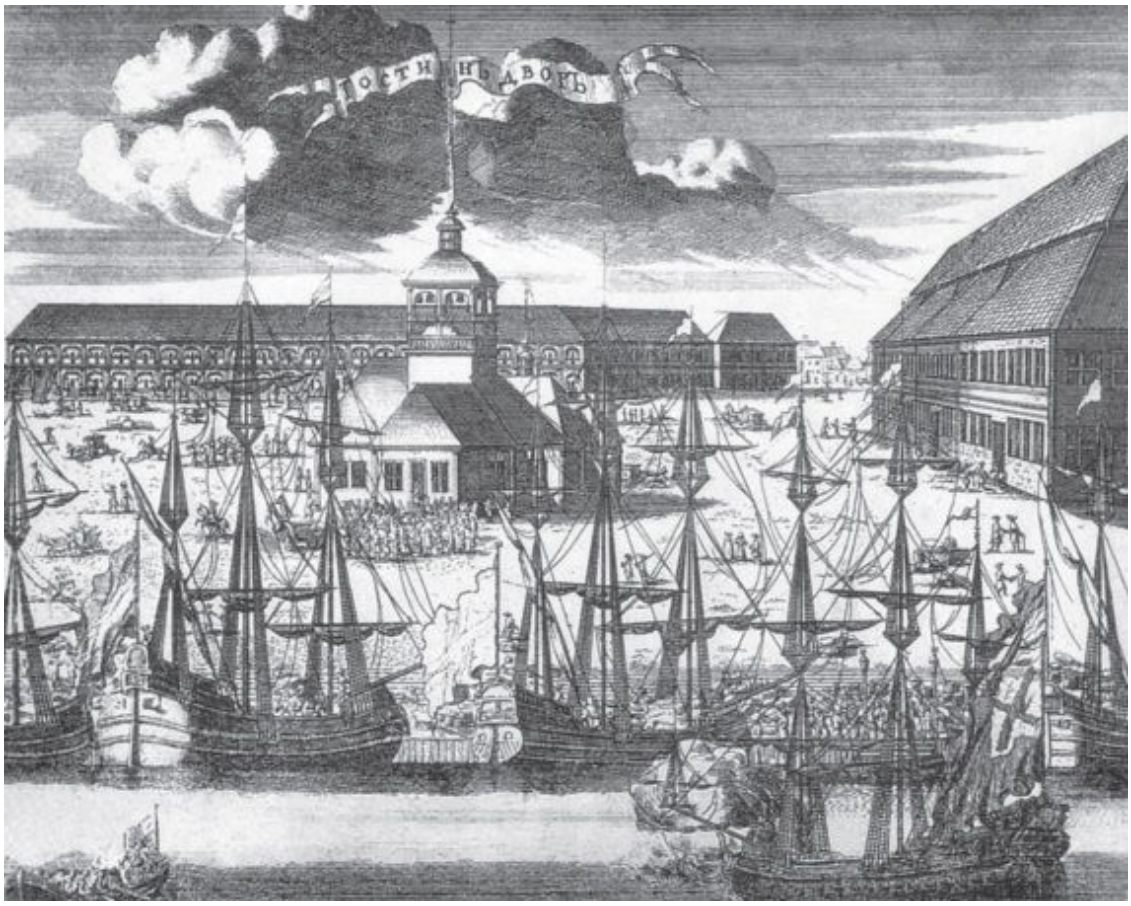
Гораздо разнообразнее население второго участка. Здесь, в районе Посадских, Монетных, Ружейных улиц находятся 19 мазанок Посольского двора, Гостиный двор, Малый и Новый («Сытный») рынки, таможня и купеческая биржа. Среди населения мы встречаем

царского секретаря Алексея Макарова, прославленного генерала Михаила Голицына, новгородского купца Ивана Посошкова (он позднее прославится своим сочинением «Книга о скудости и богатстве»), сенатора Григория Волконского, коменданта полковника Михаила Чемесова, главу Оружейной канцелярии и типографии Михаила Аврамова. Здесь живут и видные чиновники дьяки – Анисим Щукин и Лука Тареуков. Все это – люди, игравшие в тогдашней России первые роли.

Среди владельцев домов в этой части Городского острова знаменитые граверы петровского времени Алексей Зубов, Гендрик Девит и Алексей Ростовцев. Тут же и первый двор царевича Алексея Петровича и его учителя Никифора Вяземского. И часовщик Троицкого собора, и знаменитый строительный подрядчик Семен Крюков, именем которого назван канал. Значительную часть населения этого участка составляли военные: 49 генералов и офицеров и 59 дворов, принадлежавших унтер-офицерам, солдатам и отставным. Чиновников было 60, иноземцев-мастеров – 23, посадских людей – ремесленников, торговцев – 87; отсюда и названия Посадских улиц – Большой и Малой…

В переписи указаны не только имена и фамилии, прозвища этих людей, но и что особенно интересно, – места, откуда они приехали в новую столицу. И представлена большая часть Европейской России, Петербург уже в это время собирал на невских берегах выходцев из многих регионов страны. 20 москвичей и 21 петербуржец, шестеро приезжих из Ростова Великого и столько же из Старой Ладоги, осташковцы и ярославцы, посадские люди из Вологды и Костромы, Рязани, со Старой Руссы, из Пскова и Зарайска, Белева и Великих Лук… Особую категорию населения этой части острова составляли переведенные из Москвы мастера Оружейной палаты – 57 мастеров-оружейников разных специальностей и 7 живописцев. Интересно, что здесь же проживали и 57 крестьян, включенных в перепись в качестве владельцев собственных дворов.

Третий участок Городского острова имел очень специфическое население. Именно здесь находились полковые слободы – помимо казарм, в которых проживала основная масса солдат, еще 50 офицеров и 140 унтер-офицеров и солдат владели собственными дворами. Здесь же мы встречаем почти 60 чиновников «средней» и «молодой руки», 27 пушкарей. Особая категория – 95 каменщиков – «переведенцев»: их мы не найдем ни в какой иной части острова. Особую категорию петербургского населения этой поры составляли иноземцы. Помимо живших в Немецкой и Французской слободах мастеров и купцов на Городском острове находились дворы 28 иноземных мастеров разных специальностей и 50 «шведских арестантов» – пленных шведов, получивших право жить в столице в «свободном режиме». Если в первой, «элитной» части Городского острова перепись указывает всего 63 владения, то во второй их уже 430, а в третьей – 487.



Гостиный двор. Клеймо гравюры А.Ф. Зубова «Панорама Петербурга». 1716 год

А проведенная уже через год, в ноябре-декабре 1714 года, новая перепись сообщает, что «на Санкт-петербургском острове 17 улиц, в них 1605 дворов», в которых проживают 4042 человека. А в 1717 году здесь уже 1779 дворов, но население Адмиралтейского острова растет быстрее – здесь 1727 дворов (из общего числа 5075 владений в городе). Образуются новые районы, претендующие на роль городского центра (Васильевский остров, потом Адмиралтейская сторона), – и роль Городского острова в жизни города, столь большая в первое десятилетие, заметно снижается. В градостроительных планах Петра и его архитекторов Городской остров занимает более чем скромное место…

И все же Петербург начинался как город именно отсюда, с невского правобережья – с этой частью города связаны и первые трудные годы становления новой столицы, и имена многих замечательных людей той поры.

«Канцелярия от строений»

У царя нет недостатка ни в хороших мастерах-строителях, ни в рабочих людях всякого рода, ни в потребных для возведения разных зданий материалах…
Х. – Ф. Вебер. 1716 год

Петровский Петербург был новым городом не только по возрасту своему, но и по новизне градостроительной идеи. Он был задуман не в подражание какому-то уже существующему европейскому городу (Амстердаму, например, или Венеции – распространенное, к сожалению, мнение об этих «образцах» основано на некоторых приметах чисто внешнего сходства) и строился по-новому. Величайшее достоинство архитектуры – ее связь с ландшафтом, слитность с природным окружением – в Петербурге представлена с поразительным совершенством. Оно проходит через всю историю нашего города – через все эпохи, стили и ломки.

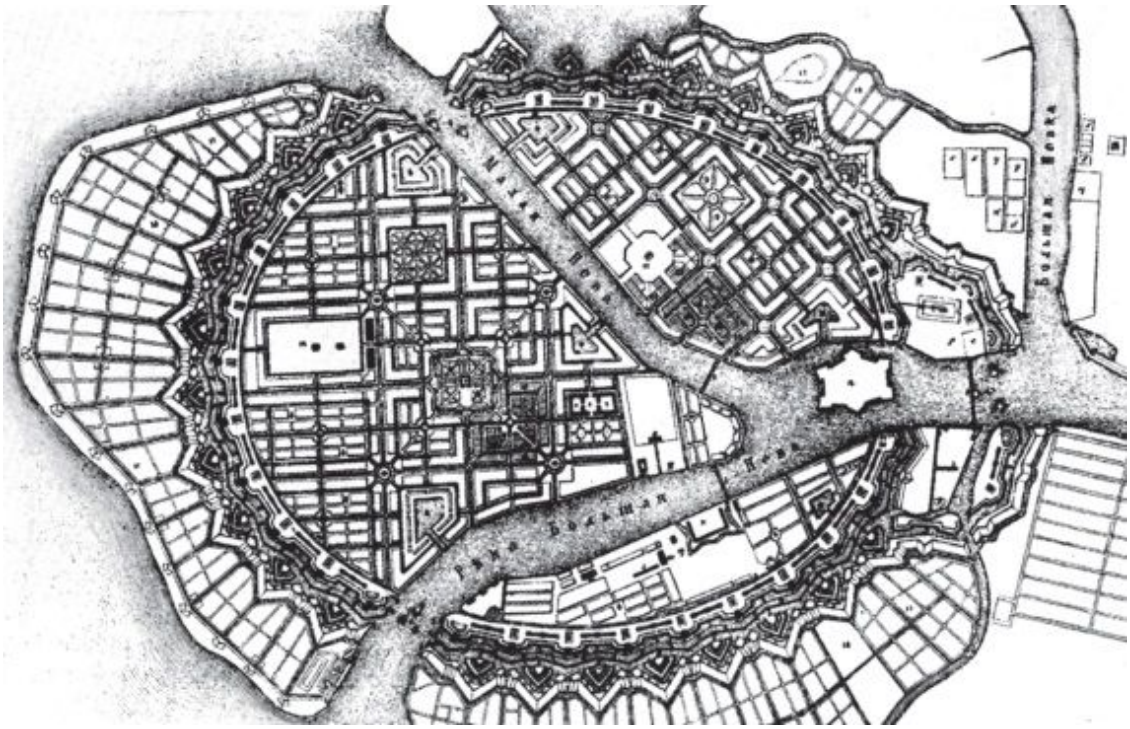
Давно уже сложилось мнение, что Пётр – едва ли не единственный создатель этого удивительного города. Зачинатель – да. «Генератор» градостроительной идеи – да. Автор особой «кадровой политики» на всех уровнях: верхнем (архитекторы), среднем (мастера различных специальностей) и нижнем (рабочие-строители) – да. И в этом смысле он может быть назван «первым главным архитектором» Петербурга.

Но рядом с Петром («рядом» в буквальном смысле слова – настолько тесными и регулярными были связи его с ними) находился обширный круг людей, которые, улавливая указания и намеки царя, иногда поспешные и не очень определенные, придавали им профессиональное воплощение. Именно их – от архитектора до простого «работного человека», пригнанного сюда за тридевять земель, – профессионализм был в представлении Петра главным критерием (вплоть до определения жалования, размер которого очень сильно различался) отношенья к этим людям, доверия к ним.

В петровском Петербурге не просто интенсивно строились отдельные здания, здесь сложилась особая архитектурная школа, сформировался особый архитектурный стиль, получивший название «петровского барокко», он не был «изобретен», придуман – он сложился естественно, органично, как итог осмысления, освоения и самобытного российского зодчества, и достижений европейской архитектуры. Недаром, вероятно, при Петре трижды издавался (в 1709, 1712 и 1722 годы) классический труд Джакомо Вильолы «Правило о пяти членах архитектуры»…

Новый город строился «с нуля», его создание требовало не только идей и их исполнителей – архитекторов, мастеров и рабочих-строителей, но совершенно новой организации всей строительной отрасли и строительной практики. Эта задача была осознана в 1710–1712 годы, когда история молодого города вступила в новую фазу.

В российском государственном архиве сохранилась составленная Доменико Трезини в феврале 1724 года записка, в которой перечисляются все основные постройки Петербурга петровского времени. Начало каменного строительства (закладка в мае 1710 года дома графа Головкина на Городском острове и в августе того же года «большого каменного дома светлейшего князя» Александра Меншикова на Васильевском острове) знаменовало новый этап застройки города, до этого сооружавшегося как бы на временной основе.



План Леблона

Число объектов, сооружаемых в Петербурге, росло не только из года в год, но и из месяца в месяц. И в 1712 году создается особое ведомство, Городовая канцелярия, предназначенное выполнять эти работы. Князь Алексей Черкасов возглавил новое ведомство.

Это было уникальное учреждение, практически не имевшее европейских (не говоря о российских) аналогов. Его создание и деятельность – любопытнейшая и поучительная история. В нем соединялись теория и практика, административные и производственные функции. Некое «министерство строительства», существовавшее в начале XVIII века.

Городовая канцелярия ведала всеми русскими и приглашенными по контракту из-за границы архитекторами и мастерами (резчиками, штукатурами, декораторами, художниками и пр.); ей подчинялись и все присылаемые на берега Невы из разных концов России «работные люди». Проектирование отдельных объектов, составление планов (города в целом, как знаменитый план Леблона, созданный в 1716 – январе 1717 года, и отдельных частей города, как план застройки Васильевского острова, составленный Трезини и утвержденный Петром в первый день 1716 года), заготовка строительных материалов, подряды на отдельные строительные работы и, наконец, само строительство множества различных объектов одновременно, таковы были функции Городовой канцелярии – административного, творческого учреждения и одновременно крупнейшего производственного предприятия.

Канцелярия распоряжалась огромными денежными средствами, ее бюджет составлял 200 тысяч рублей в год. В ее ведении были многочисленные кирпичные заводы, расположенные на берегах Невы, выше города (производительность – несколько миллионов штук в год), и заводы по производству извести на берегах реки Сяси в Тосно. Заводы, изготовлявшие изразцы («образцы» на манер голландских) и стекло, также подчинялись Городовой канцелярии.

Я. Челнаков. Первоначальная Петропавловская церковь

Особых забот требовала заготовка лесных материалов для строительства. Основные лесные массивы края были объявлены заповедными, рубка здесь категорически запрещена; лесоматериалы пригонялись издалека (из Казанской губернии, например), для строительства использовались и доски от разобранных барж, на которых в новую столицу доставлялись различные материалы и припасы (чтобы не гонять обратно порожняком – очень интересный способ утилизации транспортных средств: сами корпуса грузовых судов становились стройматериалом). Только жжением древесного угля в окрестностях занимались более 2 тысяч «работных людей».

Подряды на поставку строительных материалов были огромными: так, в 1721 году заключается подряд на изготовление кузнецами 350 тысяч строительных гвоздей…

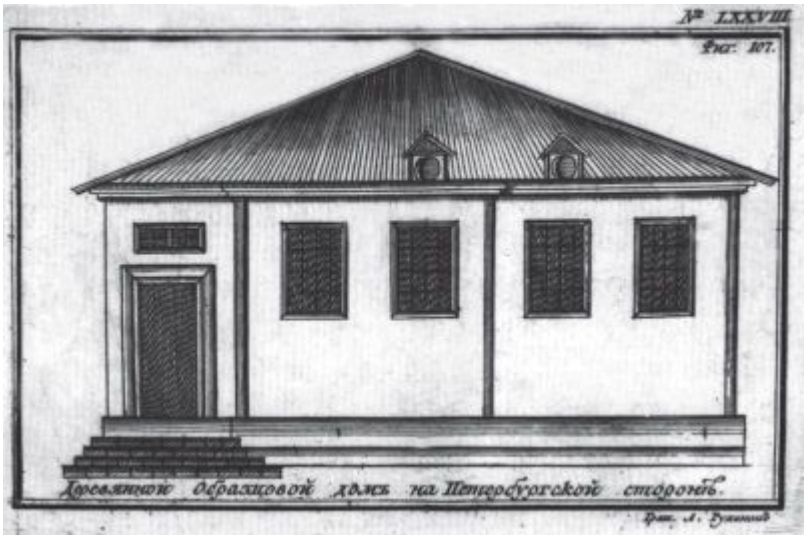
Число объектов, сооружение которых возлагалось на Городскую канцелярию, было очень велико. Причем строили «под ключ». В этом списке – все дошедшие до нас архитектурные комплексы и отдельные здания петровского времени: все царские дворцы в городе и пригородах, здания Двенадцати коллегий и Кунсткамеры, Петропавловский собор и Конюшенный двор, сухопутный и морской госпитали на Выборгской стороне и Исаакиевская церковь, стоявшая на том месте, где сейчас «Медный всадник», огромный «Гостин двор» на

Васильевском острове, на берегу Малой Невы, и каменный пороховой погреб на острове Малой Невы, напротив Гостиного двора. И сооружение в 1723 году «комедианского дома». И строительство частных домов для петровских вельмож – отпуск материалов из казенных запасов и сами строительные работы осуществлялись Городовой канцелярией в виде платных услуг.

Особенно интересна практика создания для «обывательского» строительства в Петербурге домов по «типовым проектам» (их называли «обрасцовые дома» или «манерные дома»). В мае 1717 года Пётр из-за границы прислал «черчеж, по которому всем, на реку строящемся, строить таковым образом»… Архитекторы Леблон, Трезини, Гербель составили проекты таких домов для разных социальных групп – от «именитых» до «подлых» (слово означало человека, платящего подати).

Дом «для именитых», например, был двухэтажным на подвале, в семь окон по фасаду, с высоким крыльцом, балконом над ним и мезонином; подробный рисунок фасада дополнялся планами расположения внутренних помещений в обоих этажах.

Планы «образцовых домов», гравированные и тиражированные, продавались всем желающим по 25 копеек за оттиск гравюры.



А. Рудаков. Вверху: Комендантский дом. Внизу: Образцовый дом на Петербургской стороне

В записке Д. Трезини говорится, что в 1716 году на Васильевском острове начат «под регулярное строение отвод места партикулярным людям по берегу реки Невы» и что «строится зачали того ж году каменное строение в июле»; в документе, датированном маем 1720 года, говорится, что на строительстве «обрасцового дома» занято 55 рабочих.

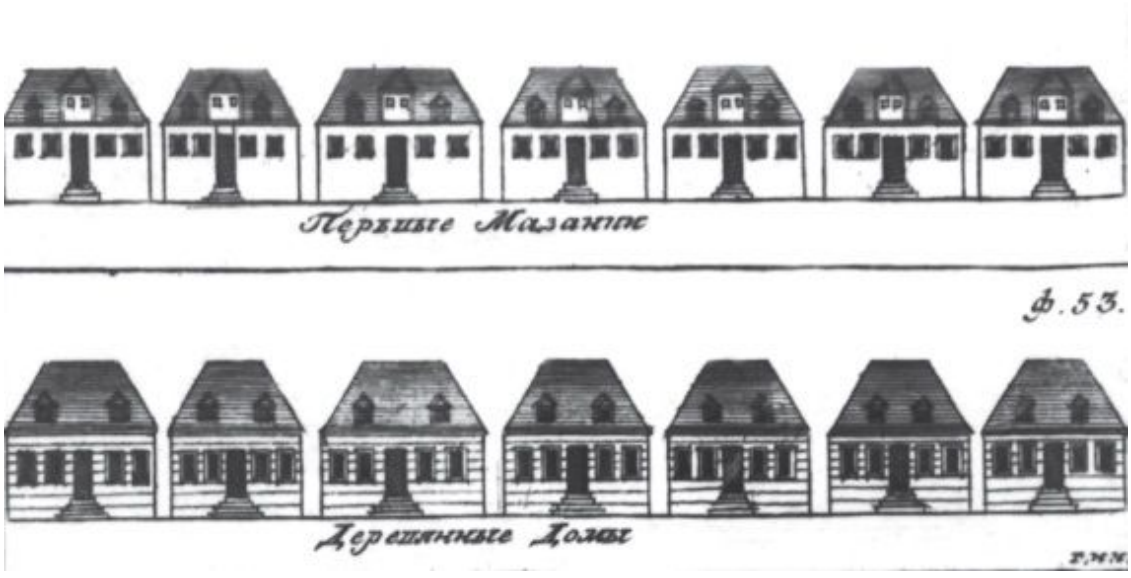
Так началась застройка – сперва на Васильевском острове, а позднее в других частях города – кварталов, состоявших из тесно один к другому стоявших однотипных домов; строго зарегулированная застройка этих кварталов определило их название – «колонны» (от итальянского columne и произошла петербургская «Коломна», по поводу именования которой так много было споров…)

В ведении Городовой канцелярии были не только тысячи «работных людей» со всей России, но и специальное строительное подразделение, названное по имени его начальника «Синявиным батальоном»; насчитывал батальон около 600 человек – постоянные кадры квалифицированных строителей – и дислоцировался на Выборгской стороне, на берегу Большой Невки, между нынешнем Сампсониевским и Гренадерским мостами. (Второй подобный батальон, строивший только адмиралтейские объекты, находился под командованием подполковника Михаила Онуфриевича Аничкова…)

В роли начальника батальона, созданного еще в 1709 году, перед нами возникает замечательная фигура одного из близких сподвижников Петра, выдающегося администратора петровского времени Ульяна Акимовича Синявина.

Когда в 1725 году Екатерина I произвела Ульяна Синявина в генерал-майоры, в выданном ему патенте на чин, говорилось: «Он употреблен был к строению крепости Шлисельбурха, Нарвы, Питербурха и прочих строениев, что более касалось до архитектуры милитарис (военной) и ныне по прежнему при тех же крепостей и протчих государственных строениев вышнюю дирекцию и притом несколько полков в команде своей имеет…»

В 1703 году Ульян Синявин – комиссар при ответственных строительных работах, в 1711 году – обер-комиссар, в 1718 году он сменил князя Черкасского на посту руководителя Городовой канцелярии (она с 1723 года стала именоваться «Канцелярией от строений») (блестяще руководил ею до марта 1732 года. Место «директора над строениями» с очень высоким (1000 рублей в год) жалованьем в чиновном, административном, деловом мире молодой столицы было очень заметным и почетным. (Дом Ульяна Синявина был последним, который посетил Пётр накануне того дня, когда слег в смертельной болезни…)



Н. Челнаков. Образцовые мазанковые и деревянные дома

Это удивительная династия – Синявины. Отец, Аким Синявин, в 1700 году был воеводой в сугубо сухопутном городе Волхове, неподалеку от Тулы, но его дети и потомки прославились в российском флоте. Сын Наум (умер в 1738 году) – первый (после Петра) русский человек, дослужившийся до вице-адмиральского звания; сын Иван (умер в 1726 году) был главным командиром Каспийской флотилии; внук Алексей Наумович – адмирал; внук Николай Иванович – вице-адмирал, главный командир Кронштадского порта; правнук Дмитрий Николаевич – прославленный герой морских сражений первой трети XIX века.

Ульян Синявин прославился на другом поприще – гражданском, административном, строительном. Он и его помощники в Канцелярии от строений майор Иван Румянцев и полковник Иван Лутковский сделали очень много не только для застройки новой столицы, но и для создания при их активном непосредственном участии законодательной базы строительства Петербурга.

Весной 1732 года руководство всеми строительными работами в Петербурге передали Дворцовой канцелярии. Ульян Акимович Синявин прожил после этого восемь лет. И еще при его жизни, в 1737 году, было создано новое учреждение, названное Комиссией о Санкт-Петербургском строении. Она многое восприняла от своей предшественницы – Канцелярии от строений. Но это были уже совсем иное учреждение и совсем другая история. О ней рассказ впереди.

Встреча ботика

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел на встречу деда
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком…
А. Пушкин. 1835 год

Мы привыкли считать, что старейший памятником в нашем городе – тот, который принято называть «Медным всадником». Это верно, если под памятником понимать только специально созданное скульптурно-архитектурное сооружение – монумент, посвященный определенному событию или персонажу истории, напоминающий о нем.

Но если понимать памятник шире – как любое рукотворное произведение мемориального характера, восстанавливающее в памяти поколений значительные события прошлого, «поворотные пункты истории», ее «звездные часы», – придется признать, что привычное наше мнение подлежит пересмотру. Ведь являются бесспорными памятниками национальной истории и петербургская «Аврора», и находящиеся в норвежском «скансене» нансеновский «Фрам», и корабль викингов, и плот «Кон-Тики»…

И в нашем городе есть такой памятник – петровский ботик, обычно называемый «Дедушкой русского флота». Хотя сегодня он всего лишь – музейный экспонат, что вряд ли справедливо по отношению к его истории.

Пётр придавал ботику особое мемориальное значение, для него это был кораблик особенный, единственный в своем роде; слишком о многом говорил он стране и народу, создававшим свой могучий флот.

Тема увековечения воинских подвигов и побед, боевой славы армии и флота вообще была близка царю, волновала его. Потому-то и сооружаются в молодом городе на Троицкой площади триумфальная арка в честь победы при Гангуте и «перемида четырех фрегатов», посвященная победе флота при Гренгаме в 1720 году. Долгое время царь вынашивал идею сооружения «триумфального столпа», на котором в больших чеканных «медалях» должны быть изображены все крупнейшие события Северной войны – эскизный проект этого памятника находится в Эрмитаже. Но среди всех этих затей (включая и конную статую Петра, исполненную в 1719 году скульптором Карло Растрелли) «Дедушка русского флота» занимал особое место. Он всегда «жил» отдельно – этим подчеркивалась, утверждалась его исключительность, «особость».

Некоторые авторы пишут, что Пётр после своих юношеских «забав» на ботике забыл о нем и вспомнил, лишь случайно увидав его вновь в 1722 году.

Но вряд ли это так: ведь о своей первой «встрече» с ботиком и плаваниях на нем Пётр подробно рассказал в своем вступлении к «Уставу морскому» еще в 1720 году И новая «встреча» в Москве в начале 1722 года была, вероятно, не случайной… Московский архитектор и художник Иван Зарудный (Заруднев) получает приказание царя оформить специальную «тумбу» – постамент, на котором ботик должен быть торжественно водружен в центре Москвы. «Картины» на «гранях» тумбы изображали морские пейзажи, корабль под парусами и «Ноев ковчег под радугой». А сопровождавшие их надписи были следующие: «Децкая утеха принесла мужеский триумф. От Бога сим токмо получен сей вожделенный вестник». Именно таким и изображен ботик на известной гравюре Ивана Зубова.

В донесении иностранца-очевидца, саксонского резидента, мы читаем: «В сем же 1722 году ботик сей впервые народу выставлен и презентован, того ради… что мир сей его

(ботика) нарещися может»… Впрочем, Христиан Вебер сообщает, что еще в 1716 году ботик, «сохраненный теперь как редкость», был установлен в специально устроенном доме «вместе с глобусом».

Именно тогда, в дни московского празднования Ништадтского мира и родилась у Петра идея перевозки ботика в новую столицу, ближе к флоту и к царскому дому. 29 января сержант Коренев получает указ: «Ехать тебе с ботиком и везть до Шлиссельбурга на ямских подводах и, будучи в дороге, смотреть прилежно, чтоб его не испортить… того ради ежать днем, а ночью стоять, и где есть выбоины, спускать потихоньку». Ночевать следовало не в населенных пунктах (из опасения пожаров), а на полях, под постоянном наблюдением. Вместе с Кореневым ботик сопровождали капрал, 12 солдат и 2 матроса; на пути следования предписывалось «беречь от всяких случаев», а 16 ямских подвод давать «без всякого медления и отговорки»…

И еще один любопытный документ: указ от 1 февраля об отпуске московского Сытного двора «собственных Его Величества буеров матросу Михаилу Ракову, который ныне посылается с старым ботиком в Санкт-Петербург на сей февраль месяц вина простого по чарке на день».

Путешествие было неспешным, но прошло благополучно. В Шлиссельбурге ботик поставили посреди площади, против церкви, надежно его укрыв…

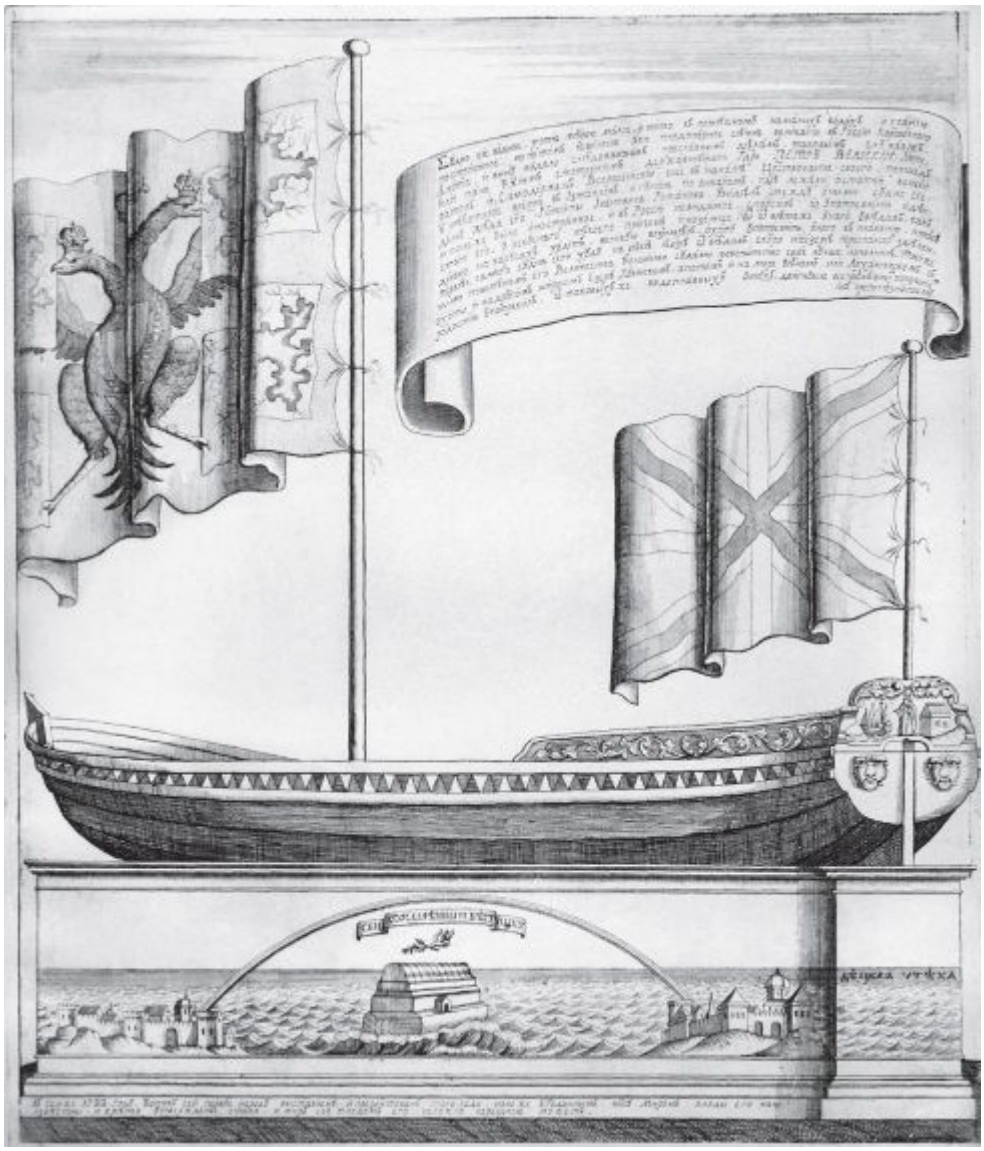
Он невелик, тот старый «Дедушка». Длина его – 6 м (5,7 м по килю), ширина – 1,65 м, вес с веслами, мачтой и рулем – 1286 кг (по данным 1837 года), высота мачты – 6,4 м, высота кормового флагштока – 2,7 м.

Наступил конец мая. Приближалось 30-е, день рождения Петра. Именно на этот день как его главное, торжественное событие и было назначено прибытие ботика в Петербург. Это вообще стало центральным событием всего 1723 года.

26 мая в Адмиралтействе спустили на воду корабль «Св. Михаил», а на следующее утро Пётр отправился в Шлиссельбург навстречу ботику. 29 мая вверх по Неве до Александро-Невского монастыря отправился весь столичный гребной и буерный флот с императрицей, всем генералитетом и министрами. Есть версия, что уклонившихся владельцев «партикулярных» судов царь «за такую знатную вину» велел оштрафовать по 15 рублей каждого!..

Вечером того же дня ботик подошел к монастырской пристани. На нем по Неве от Шлиссельбурга шли сам царь, контр-адмирал Наум Синявин и обер-сервайер (главный кораблестроитель) Иван Головин. Стоявшие вокруг гребные суда приспустили флаги, над водой разнесся грохот орудийных выстрелов, звуки труб и литавр. С ботика отвечали тремя выстрелами из установленных на нем пушечек.

Ночь у монастырской пристани. Почетный караул от Преображенского полка. Петербург готовился к встрече. «Флотилия должна была составлять, – сообщает голландский резидент в Петербурге, – триумфальный конвой для первого мореходного судна, подавшего императору мысль о построении других парусных судов».



Ботик Петра Великого. Левый борт. И.Ф. Зубов по рисунку И.П. Зарудного. 1722 год

И вот наступило долгожданное утро 30 мая. После заутрени в монастыре «новорожденный» (51 год) Пётр на ботике в сопровождении 9 галер и всех встречавших судов двинулся вниз по Неве к Троицкой пристани, где было назначено главное торжество. Когда ботик подошел к тому месту на реке, где ныне Литейный мост, с обеих крепостей раздались два оружейных залпа, а выстроенные на Троицкой площади оба гвардейских полка стреляли «беглым огнем». В тот момент, когда царь на ботике подошел к Троицкой пристани, грянул мощный залп из всех крепостных пушек, а после литургии в Троицкой церкви – еще один… Над Государевым бастионом крепости был поднят штандарт.

А потом сотни приглашенных направились на банкет в «Сенатские покои», находившиеся тут же, на краю площади, близ крепости. На банкете этом Пётр под орудийные салюты с царской яхты провозгласил свои традиционные четыре тоста, из которых третий был в честь «Дедушки», а заключительный, как всегда на торжествах, связанных с флотом, за «семейство» (детей) Ивана Головина – за построенные и строящиеся под его главным начальством корабли флота российского…

А вечером, в призрачном свете белой ночи, с воды устроили огромный фейерверк. «На реке, – читаем мы в дневнике Ф. Берхгольца, – прямо против Летнего сада на обширных

паромах приготовлен был большой фейерверк, и по первоначальному распоряжению положено было в Сенате только обедать, а после обеда танцевать в саду и смотреть оттуда на фейерверк. Фейерверк, как обычно, состоял из множества ракет, водяных и воздушных шаров, огненных колес, но, кроме того, горел еще большой девиз из голубого огня с изображением привезенного в этот день ботика и с надписью «Что от малых причин могут быть большие следствия»…» 3 июня в честь ботика состоялась ассамблея в Летнем саду.

А самого «виновника торжества» перевели в Адмиралтейство, и в тот же день, 2 июня, контр-адмиралу Науму Синякову приказано особо оберегать его, а при опасности (от огня, молнии) «оставляя другую нужду, спускать на воду, чтоб оному какова повреждения не было».

Продолжение торжества состоялось ровно три месяца спустя, в конце августа, ботик вышел из Петербурга в Кронштадт, где его встречал и приветствовал весь Балтийский линейный флот – 20 больших кораблей и один фрегат; на всех этих кораблях насчитывалось более полутора тысяч орудий. Под грохот орудийных залпов с кораблей ботик гордо шел среди огромных кораблей, приветствовавших его; на руле сидел сам царь, на веслах четыре адмирала (Синявин, Сивере, Гордон и Сандерс), князь Меншиков на носу ботика промерял глубину залива, исполняя роль боцмана. Это был единственный в истории случай – ни один корабль не удостаивался такого «торжествования»

30 августа, в день памяти Александра Невского, вторая годовщина заключения Ништадтского мира отмечалась в Петербурге огромным маскарадом, в котором участвовали все «знатные персоны». Ботик шел по Неве в сторону крепости – мимо выведенных на Неву против Троицкой пристани пленных шведских кораблей. За ними шла вся Невская флотилия – несметное множество гребных судов. Они провожали ботик к месту его стоянки – дело в том, что именно в этот день был издан указ о содержании ботика в крепости, в Государевом бастионе, куда его торжественно, с участием Петра, водворили под грохот 21 залпа орудийного салюта. Вечером – иллюминация и «зажжены были во всех домах по окнам свечи».

Ровно через год, в такой же день, 30 августа, ботик снова вывели из крепости – вверх по Неве, к Александро-Невскому монастырю. А через два дня появился указ, предписывающий ежегодно 30 августа выводить «Дедушку» из крепости по Неве к монастырю. Но традиция не утвердилась: умер Петр, и указ его почти не исполнялся.

В начале 60-х годов XVIII века в центре крепости, на обширной площади перед собором – очень почетное место! – по проекту архитектора А.Виста был построен «Ботный дом», новая постоянная «квартира» знаменитого кораблика.

Был он и одним из главных участников юбилейных торжеств, посвященных 100-летию и 200-летию Петербурга.

А вообще «Дедушка русского флота» оказался заядлым путешественником. Из Москвы в Петербург в 1723 году, а через 149 лет – обратно в Москву. В 1872 году в честь двухсотлетия со дня рождения Петра в Москве в течение трех месяцев, с 30 мая по 31 августа, работала грандиозная Всероссийская выставка. И ботик Петра, естественно, был одним из главных ее экспонатов. С невероятной пышностью и торжественностью его провожал почти весь город, ботик был доставлен по Неве из крепости на Путиловскую верфь и здесь погружен на платформу специального, только для него предназначенного, экстренного поезда. 1 сентября он тем же путем возвратился на берег Невы. Когда охраняемый почетным караулом ботик под штандартом проходил (на палубе баржи) мимо Зимнего дворца, крепость салютовала ему 31 залпом, а он отвечал ей тремя выстрелами из своих маленьких пушечек.

Став экспонатом Центрального Военно-морского музея, ботик вместе с другими его ценностями с 1941 по 1946 год находился в эвакуации в Ульяновске. А с 20 января по 10 марта 1997 года он был одним из уникальнейших экспонатов выставки «Салют, Санкт-

Петербург», проходившей в Нью-Йорке; это было его первое уже не морское, а океанское «путешествие».

Мне жаль, что этот удивительный памятник нашей истории, переживший столько торжественных, славных чествований, стоит сегодня в огромном музейном зале, теряясь среди окружающих его экспонатов. Все-таки он – один из самых замечательных, уникальных памятников нашей истории. Памятник!.. Вот бы построить ему в подходящем месте в центре нашего города надежный, прозрачный дом. Чтобы город всегда видел его, а он – город…

Ништадтский мир

Надлежит трудитца о пользе и прибытке общем… от чего облегчен будет народ.
Из речи Петра Великого на торжественном праздновании заключения Ништадтского мира. 22 октября 1721 года

К 1719 году военная судьба окончательно склонилась на сторону Петровской России. Некогда могучее шведское государство изнемогало под бременем военных тягот, страна переживала тяжелый военный и политический кризис, обострившийся после гибели от шальной пули короля Карла XII в 1718 году.

Россия же, наоборот, окрепла «в трудах державства и войны», победы на суше и на море упрочили положение страны в Европе, повысили авторитет власти, вызвали подъем патриотической гордости. Но при всем этом война ложилась тяжелым бременем на плечи народа и государства – а основные цели войны были достигнуты: Россия стала мировой державой, прочно вошла в европейское политическое и экономическое пространство, получила и закрепила выход к морю, возвратила потерянные до того земли, издавна принадлежавшие Руси.

Окончание войны вышло в первый ряд государственных задач, стало проблемой «номер один». И с 1718 года начинаются затянувшиеся почти на три года очень непростые переговоры о мире, потребовавшие от обеих сторон немалых усилий и высокого дипломатического искусства.

Переговоры эти проходили на фоне военных действий «нового типа». На шведское побережье с кораблей русского флота высаживались десанты, не раз приближавшиеся к Стокгольму и реально угрожавшие ему; победа, одержанная в июле 1720 года при Гренгаме, убедительно демонстрировала российскую мощь на море – и как ни старалась Великобритания, серьезно обеспокоенная утверждением России на Балтике и возможными последствиями этого, ничего, кроме демонстративного крейсерования в водах Восточной Балтики, она предпринять не решилась.

Продолжавшаяся 21 год Северная война подошла к логическому концу. Мирные переговоры, происходившие в небольшом городке Ништадте в Финляндии, активизировались. Россию на этих переговорах представляли один из самых замечательных «птенцов гнезда Петрова» генерал-фельдцейхмейстер (начальник всей российской артиллерии) и президент Берг-и Мануфактур – коллегии Якоб Брюс и тайный советник барон Андрей Остерман. Шведскими уполномоченными были Иоганн Лилиенштедт и барон Отто-Рейнгольд Штремфельт.

30 августа 1721 года трактат «вечного мира» между Россией и Швецией подписали в Ништадте. Северная война окончилась.

Было постановлено окончить «долгобывшую и вредительную» (в другом месте мирного трактата она характеризуется как «тяжелая и разорительная») войну и «до сего времени бывшему кровопролитию окончание учинить и земле разорительное зло как наискорее прекратить» и установить «между обоими государствами, землями и подданными… истинный, безопасный и постоянный мир и вечно пребывающее дружебное обязательство между обеих стран».

Трактат Ништадтского мира состоял из преамбулы и 24 статей. По нему территория Ингерманландии (Петербург и Санкт-Петербургская губерния, дотоле располагавшиеся на «чужой», не принадлежавшей России земле), часть Карелии с Выборгом и Кексгольмом (нынешний Приозерск). Эстляндия с Ревелем и Лифляндия с Ригой входили в состав России.

Занятая в ходе войны русскими войсками часть Финляндии возвращалась Швеции. Между обеими странами не только восстанавливалась, но и получала широкий размах и существенные льготы традиционная торговля.

Мирный договор, заключенный в Ништадте, был крупным событием в истории не только русско-шведских отношений, но и в мировой истории. Статус России как европейской державы, ее выход в Балтику, ее новая столица на Балтийском берегу были надежно закреплены; значительная территория исконных земель «отич и дедич» возвратилась в состав России.

И никакого злорадства над побежденными, никакого превознесения самих себя и своей победы. И глубокое уважение к мужеству и чести вчерашнего противника…

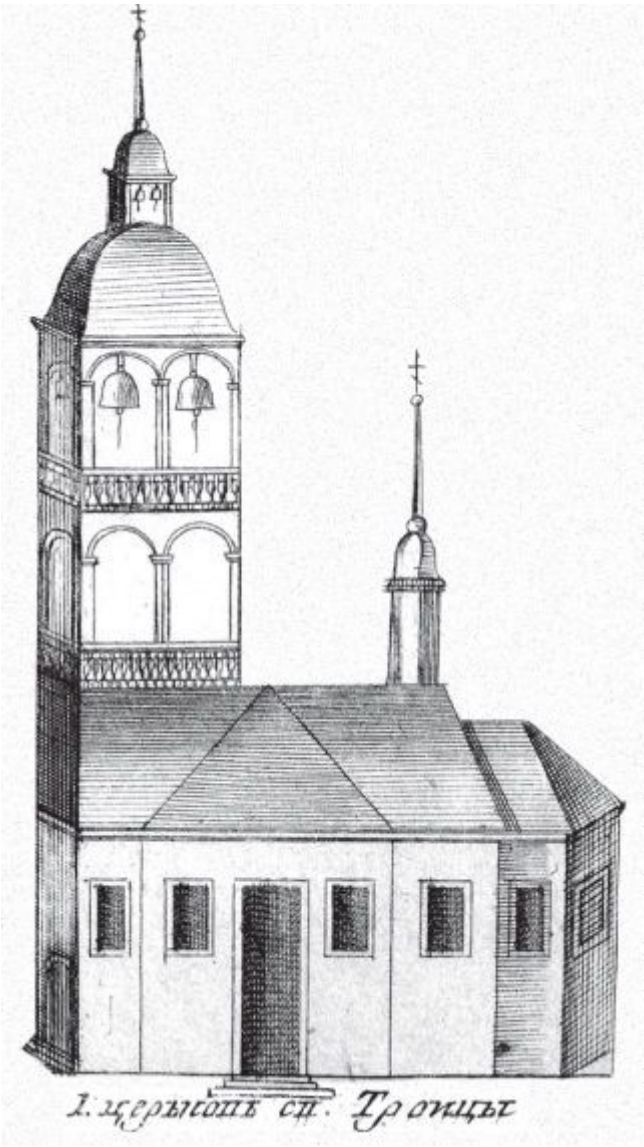
Пётр большую часть 1721 года – в общей сложности 270 дней – провел в Петербурге и рядом с ним; только с середины марта до середины июня он находился в Прибалтике (Нарва, Ревель, Рига). В середине августа царь «гулял по всем каналам», последнюю декаду этого месяца провел в Петергофе, Кронштадте, Дубках. 3 сентября с утра в Кронштадте живописец Иван Никитин писал портрет («персону») царя, потом направились в Дубки – одну из любимых резиденций Петра, находившуюся на окраине нынешнего Сестрорецка на берегу залива – и здесь, в Дубках, царь получил известие о заключении мирного трактата.

Немедленно в Петербург… На следующий день в столице было объявлено о Ништадтском мире и состоялся благодарственный молебен, а с 11 по 17 и с 21 по 26 сентября, две полные недели, в столице происходили нескончаемые маскарады. Петербург торжествовал.

В начале октября Пётр постоянно перемещается: Кронштадт, Петергоф, снова Кронштадт; 2 октября – традиционная, ежегодная в этот день поездка в Шлиссельбург – там отмечается годовщина взятия крепости, а в Петербурге в этот день «для воспоминанья Шлюссельбургского» был дан салют из 21 орудия. Потом царь снова на два дня едет в Кронштадт.

Мы так подробно рассказываем об этом потому, что именно в эти дни произошли в столице события важнейшие.

Отдел редкой книги Российской Национальной библиотеки. За окном садик с памятником Екатерине II. За моей спиной – дверь в знаменитый «кабинет Фауста» – одно из богатейших в мире хранилищ первопечатных книг. В каких-нибудь пятнадцати шагах от стола, за которым я сижу, – огромные шкафы, в которых хранится вся библиотека Вольтера (о ней подробный рассказ впереди). А на моем столе – тонкая книга в переплете с золотым тиснением на корешке и небольшая папка темно-вишневого цвета. А в них – единственные дошедшие до нас экземпляры двух замечательных документов, связанных с торжественными празднованием Ништадтского мира в Петербурге 22 октября 1721 года: «Реляция (как о военной победе), что прежде и при отправлении… торжества о заключении с короною шведскою вечного мира чинилось» и текст речи, которую от имени Сената во время этого торжества произнес в Троицкой церкви 60-летний канцлер граф Гавриил Головкин.

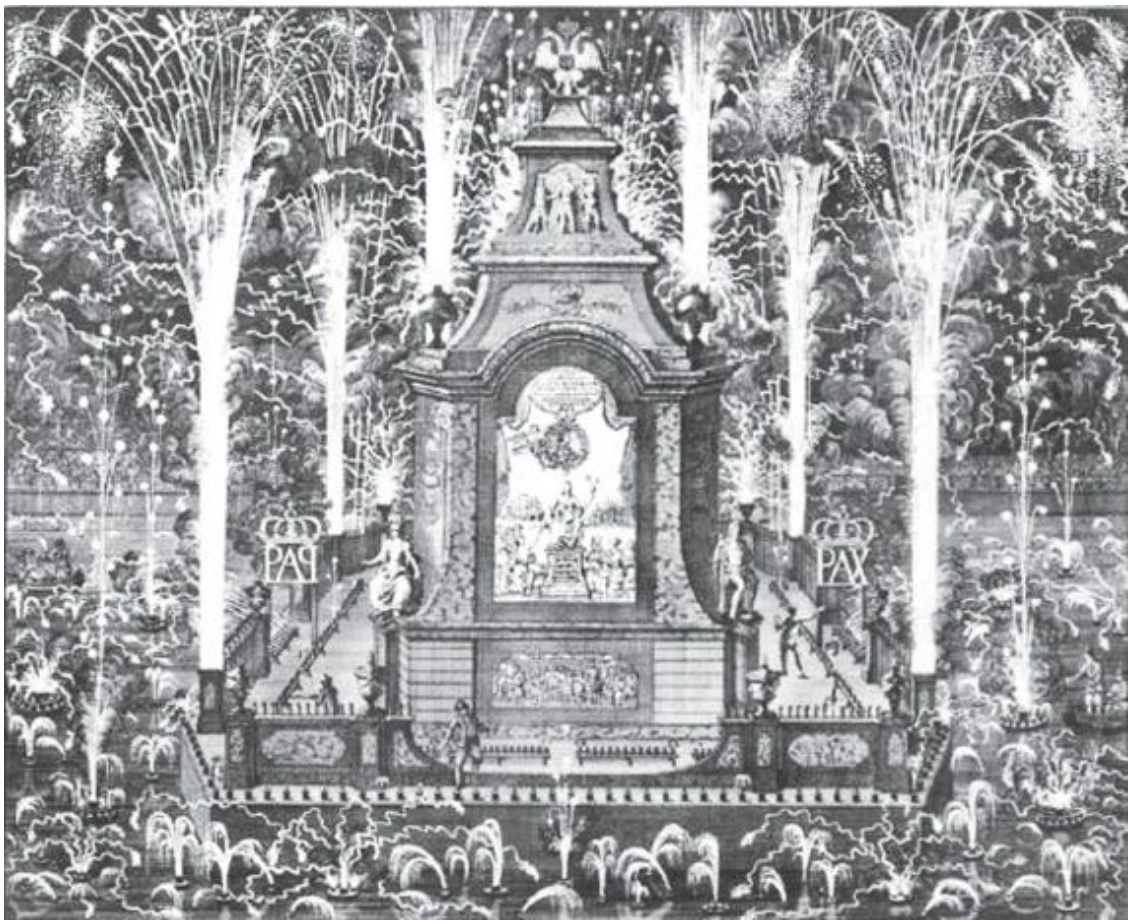


Деревянная Троицкая церковь

В «Реляции» рассказывается, что незадолго до торжественного празднования Ништадтского мира к Петру явились несколько сенаторов и высокопоставленных духовных лиц с просьбой о принятии царем титула Императора и Отца Отечества. И «Его Величество по своей обыкновенной… умеренности того принять долго отказывался и многими явленными резонами от того уклоняться изволил. Но по долгом оных господ сенаторов прошении и предложенным представлениям последи (наконец) склонился».

В один из следующих дней царь, будучи в Сенате, высказал пожелание в честь и память «надежного мира… милосердие к народу своему сказать и Генеральное прощение и отпущение вин во всем своем Государстве (в документе это слово везде написано с заглавной буквы!) явить». Провозглашалась небывалая в истории России амнистия – всем, виновным в «тяжких и других преступлениях», заключенным в тюрьмах, должникам и недоимщикам, «которые по нужде до того времени за скудостию заплатить не могли», и тем арестантам, которые отбывали наказание на галерах и в тюрьмах, которые «против Его Величества собственной высокой особы совершили преступление за то в вечную галерную работу осуждены».

Сенат принял по этому поводу соответствующий указ, а 20 октября Меншиков был отправлен к царю с официальной миссией: «Имянем всего народа Российского просить его о принятии титула Отца Отечества, Императора Петра Великого» – «за отеческое попечение и старание, которое он к благополучию Государства… и особливо во время пришедшия швецкия войны явить и изволил и Всероссийское Государство в такое сильное и доброе состояние и народ свой в такую славу… чрез единое свое руководжение привел»… В письме, обращенном к Петру, сенаторы просили «им позволить в церкве при отправлении торжества чрез сочиненную о том речь… принесть».



Фейерверк в честь заключения Ништадтского мира

Эту речь «именем Сената и всего народа» и произнес канцлер Головкин в Троицкой церкви в день торжества.

Торжество началось литургией в храме, вокруг которого на Троицкой площади стояли не только 27 полков в строю, но и тысячные толпы жителей столицы. Небывалая гордая торжественность царила в настроении всех присутствующих, всего Петербурга. На Неве стояли 125 галер.

После литургии был зачитан текст мирного договора, потом архиепископ Феофан Прокопович с церковной кафедры произнес «поучение», в котором прославлял величие и заслуги Петра и утверждал, что царю предлагаемый ему титул «имети подобает». Затем весь состав Сената «приступил к Его Величеству» – и тут Головкин произнес заготовленную речь.

Она коротка, произнесение ее не заняло и пяти минут. Речь заканчивалась троекратным «виват», которое не только провозгласил оратор и все сенаторы, но было подхвачено «от всего народа, как внутрь, так и вне церкви великим и радостным воплем… и при том

трубным гласом, литаврами и барабанным боем украшены, а потом пушечную стрельбою с обеих крепостей».

Этот момент и следует, вероятно, считать кульминацией всего торжества – он был моментом рождения нового государства – Российской империи.

Пётр ответил краткой речью, главная мысль которой вынесена в эпиграф этого очерка. Еще он говорил о том, что военные победы и заключение мира – свидетельство Божьего расположения к России, но что, однако, благодаря за это Бога, «надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так сталось, как с монархиею греческою»…

Сенаторы «с поклонами» благодарили царя, затем был отслужен благодарственный молебен, по окончании которого дан салют из всех крепостных и корабельных пушек и из тысяч мушкетов стоявших в строю солдат. Третий грандиозный залп прозвучал в момент выхода Петра и сопровождающих его из церкви на площадь. Здесь царя и царицу поздравляли высокие особы и присутствовавшие на торжестве иностранные послы: французский, цесарский, прусский, польский, датский, мекленбургский и «страны Господ штатов соединенных Нидерландов».

Затем все двинулись к Сенатским палатам, с крыльца которых было объявлено о повышении в чинах офицеров армии и флота, и о награждении Якова Брюса, Андрея Остермана; тут же был оглашен указ об амнистии.

А потом – торжественный обед и бал; на обеде присутствовали тысячи персон – представьте размер палат в тогдашнем старом мазанковом доме Сената на Троицкой площади.

В 9 часов вечера начались небывалый фейерверк и народное гуляние. Царь «сам ту огненную потеху управлял». В центре продолжавшегося два часа фейерверка были созданный огнями торжественный «храм Янусов», венки, щиты, огненные колеса и фонтаны, «потешные ядра и верховные ракеты», различные фигуры на воде и водные ракеты. На одном из щитов был изображен плывущий по морю корабль и надпись: «Конец дело венчает», а рядом сияли белым огнем две пирамиды и «казалось якобы Алмазы Брулианты были»…

Во время этого торжества прозвучала тысяча выстрелов из пушек и ручного оружия. «Такой огонь сочинило, что казалось, якобы залы Санктъ Петербурга и река Нева, которая галерами наполнена была, загорелися…»

Вдруг забили на освещенной фейерверком Троицкой площади «два фонтана: из одной белое, а из другой красное вино испущали, и оное, також и целой жареной и многими птицами наполненной бык, поставленный на полку на шести степенях (ступенях), народу на употребление отданы».

А бал в Сенате продолжался до 3 часов утра – «и тогда все веселы и с великим довольствием… разъехались». Но балы и маскарады с участием тысяч людей продолжались еще несколько дней.

Это было самое великое торжество, пережитое Петербургом в XVIII веке. Им открывается новый, двухвековой период российской истории, именуемый «петербургским».

К политесу и парадизу

Почтовый двор

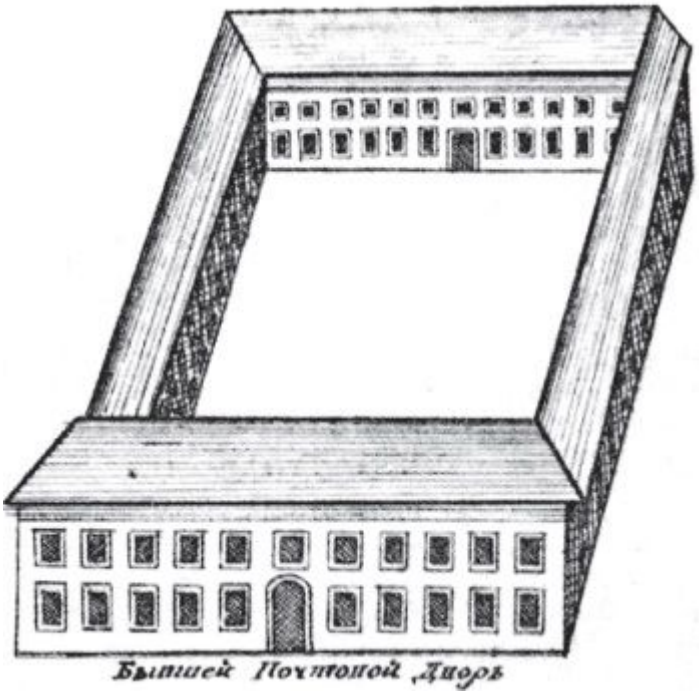
Почта – весьма странное учреждение. С одной стороны, она является одной из самых востребованных и наиболее часто посещаемых нами государственных служб, снабжает нас информацией (нередко, впрочем, бесполезной, никчемной, а часто и очень печальной), приносит нам различные известия (как давно ожидаемые, так и совсем неожиданные). Она, как традиционная, письменная, так и самая современная, оснащенная умопомрачительно сложным техническим инструментарием (при этом остается связью, коммуникацией, т. е. почтой в собственном значении этого слова), является главным средством общения, диалога между странами и народами, между государством и его гражданами – теми, кого мы с недавних пор привыкли называть неуклюжим понятием «юридические и физические лица». Быть может, это ее важнейшая функция – связь между людьми, помощь им в обмене радостями и горестями, впечатлениями и размышлениями, переживаниями и сомнениями…

И никакие технические новинки никогда не избавят ни государства, ни людей от необходимости всецело владеть тем арсеналом средств общения, который с древнейших времен представляет только почта – любой ее вид: голубиная, звуковая, узелковая, клинописная, ямская, железнодорожная, авиационная, электронная, на собачьих упряжках и на велосипедах. Ведь единственным конкурентом почты, перед которым она пасует, является непосредственное общение людей – лицом к лицу, «глаза в глаза»…

Но о почте как таковой, о ее огромной роли в нашей повседневной жизни, официальной и частной, мы почти никогда не задумываемся, если не считать, разумеется, наших жалоб на работу самой почты, на неаккуратность этой сложнейшей разветвленной и, в общем-то, четко организованной государственной (непременно, только государственной) службы.

Впрочем, поводы для таких жалоб, для недовольства работой почти были не всегда. Например, сто лет назад почтовая служба в крупных городах России неукоснительно соблюдала правило доставки городской корреспонденции, опущенной в ящики до полудня, в течение того же дня. И хочется надеяться, что наша нынешняя «Почта России» когда-нибудь достигнет показателей столетней давности…

Любые почтовые отправления деловые бумаги, личные письма и бандероли, художественные открытки (их только посвященных Петербургу и его достопримечательностям в дореволюционное время было выпущено более 9 тысяч сюжетов), поздравительные открытки, почтовые конверты и штемпели на них, почтовые марки и все остальное, связанное с почтой составляет бесценный источник сведений, очень часто нигде больше не доступных, о жизни, общественной и частной, о достижениях и размышлениях сотен тысяч людей, в том числе выдающихся, каждая деталь жизни которых представляет огромные интерес для науки, для истории той или иной области знания, для биографии, культурологии, психологии, для изучения истории политической и общественной жизни, для уточнения «портрета» того или иного времени или поколения.



Бывший Почтовый двор

Нетрудно (хотя многие, вероятно, с этим не согласятся) представить, насколько обеднилось бы наше восприятие творчества Пушкина или Гоголя, Белинского или Достоевского, Тургенева и Толстого, Чехова и Блока, если бы тома их гениальных творений не сопровождались томами (а таких томов нередко издано большое число) писем к разным адресатам и по разным поводам. Потому что письма – это не только листы переписки, содержащие информацию, а особого жанра художественные произведения, раскрывающие тайну рождения и претворения замысла поэмы или романа, статьи или живописного полотна, публицистического памфлета или симфонии, которой суждено покорить мир.

Недаром, вероятно, в конце XVIII века, который был веком торжества эпистолярного (содержащего переписку) жанра, Николай Карамзин пишет и публикует свои знаменитые «Письма русского путешественника», а Александр Радищев четко определяет структуру своего «Путешествия из Петербурга в Москву» по названиям ямских станций главного почтового тракта России, соединяющего обе столицы.

В давние времена русского Средневековья, в Московской Руси, в Российской империи XVIII–XIX веков государственная почта, содержание почтовых трактов и станций, почтовые служащие (вспомните «Станционного смотрителя» Самона Вырина из пушкинской повести), казенный (по государственным делам) и платный (для обычных пассажиров) проезд в почтовых экипажах, само прибытие и убытие почты (строго по расписанию) были важными событиями городской или поселковой жизни во всех пунктах страны, «от столиц до окраин» ее. Не просто календарные даты, а вехи бытия.

Недаром ведь «от временных лет» доныне расстояние между населенными пунктами отмеряется не от главной площади города, не от места расположения властных структур, а от места, где находилось почтовое ведомство. В Петербурге – это Почтамт (его часто называют Главным, но это нелепость: почтамт в городе может быть только один, потому что это не почтовое отделение, а почтовое ведомство. Именно здесь размещалось Министерство почт и телеграфа России). И не случайно рядом с петербургским Почтамтом размещается потрясающий своим богатством, своими бесценными коллекциями почтовых раритетов один из

лучших в мире Музей связи. И какое счастье для города и его гостей, что музей этот недавно был после почти 30-летней консервации и реконструкции вновь открыт и восстановил свой давний имидж одной из главных музейных достопримечательностей Петербурга.

И как не коснуться, говоря о почте и ее роли в отечественной культуре и об особой «почтовой культуре» страны, еще двух тем: темы ямщика и «ямской гоньбы» и темы коллекционирования важнейших атрибутов почты – почтовых марок (филателия), почтовых открыток (фелумения), почтовых конвертов, штемпелей спецгашения и пр. Эти виды коллекционирования – и не только простого собирательства, но и тщательного, глубокого изучения – в России давно уже достигли и широкого распространения, и высочайшего уровня. И бесспорного мирового признания – как важная историко-прикладная дисциплина и как знак исторической памяти, непреходящего интереса и глубочайшего уважения ко всем сторонам и проявлениям исторической жизни.

А ямщики… Один из самых трогательных романтических образов и русского фольклора, и русской жизни. Одинокий человек на государственной службе среди бескрайних пустынных равнин и далей родной страны. Он вечно в пути, наедине со своими воспоминаниями и размышлениями, чувствующий, что все эти бескрайние просторы, леса и поля, простирающиеся вокруг в данный момент, принадлежат ему. Только ему одному…

* * *

На протяжении XVI и XVII веков дорога из Москвы на Тверь и Новгород была одной из главных дорог России. В этом направлении развивались важнейшие политические процессы, устанавливались (хотя эпизодические и очень сдержанные) связи России со странами Северо-Восточной Европы и Прибалтикой. По этой дороге двигалось в 1697 году «Великое посольство» Петра, по ней же шли осенью 1700 года новые русские «регулярные» полки в свой первый, такой провальный поход к Нарве, которым началась Северная война со Швецией.

С момента закладки в мае 1703 года крепости на Заячьем острове дорога от Москвы к берегам Невы приобрела особое значение – военное и политическое. А после Полтавской победы и успехов в Прибалтике и на северном берегу Финского залива она стала главной дорогой России и ее главным почтовым трактом, имевшим огромное значение и для переноса столицы из Москвы в Петербург, и для осуществления политики создания «окна в Европу».

И тогда, в начале 1710-х годов создается главный почтовый центр России – Петербургский, столичный, Почтовый двор, и при нем – особые части растущего города – Ямские слободы, где жили ямщики.

Почтовый двор находился там, где кончалась дорога, начинавшаяся от Москвы, – на самом берегу Невы, у пристани (она некоторое время так и называлась – «Почтовой», это название встречается и в документах 1780-х годов, когда самого Почтового двора в этих местах уже полвека как не было). Отсюда начинался перевоз на гребных судах на правый берег Невы, на Городской (Петербургский) остров, ставший ядром молодого города, к его первым кварталам, крепости и тогдашней главной городской площади – Троицкой.

Особое значение нового Почтового двора для города и государства подчеркивалось его расположением между обоими первыми царскими дворцами, стоявшими на берегу Невы, – Зимним и Летним. От Почтового двора и небольшой гавани при нем шел прямой и чистый канал к Мойке, называвшийся Красным. Теперь эта трасса – самый западный край Марсова поля, а бывшая территория самого Почтового двора, площади и гавани при нем занята выходящим к памятнику Суворову служебным корпусом Мраморного дворца и дворцового внутреннего двора.

Построенный наскоро, без всяких архитектурных затей и начавший действовать в начале 1714 года Почтовый двор был обширным, двухэтажным, почти квадратным в плане, мазанковым зданием с большим внутренним двором и с наружными, обращенными на все стороны деревянными «галереями для удобности, чтоб приезжие стоять могли» – как писал один из иностранцев, посещавших в те годы Петербург.

Здание было, употребляя нынешнее модное определение, «многофункциональным»: почтовое ведомство, гостиница для приезжих и принадлежавший приехавшему из Данцига купцу трактир. Кстати, вопреки мнению многих, старые трактиры, а их очень много было на почтовых станциях по всей Европейской России, были вовсе не харчевнями, низкопробными забегаловками, а вполне приличными общедоступными заведениями, а в названиях их соединяются немецкое «traktiem» – угощать с российским «тракт» – почтовая дорога.

Таким образом, петербургский Почтовый двор был не только «офисом» одной из важнейших государственных служб, отраслей государственного управления, но и своеобразным местом досуга горожан. Ведь именно здесь с того самого 1714 года проводились первые публичные ассамблеи – одна из важнейших «знаковых» подробностей общественного быта новой российской столицы. Для них и был предназначен большой «Ассамблейный зал» в Почтовом дворе – первое в городе (не считая, разумеется, культовых зданий) специальное помещение для публичного общения жителей, представляющих различные сословия, круги и кружки формировавшегося в те годы петербургского общества. Почтовый двор на невском берегу стал не только «информационным центром», где можно было узнать новые сведения, приходившие сюда из разных европейских столиц, не только окунуться в ту манящую сутолоку, которая в те времена непременно сопровождала «почтовую жизнь», прибытие и отправление почты. Здесь утверждались новые правила общественного поведения, новые формы проведения общественного досуга, новые нормы публичности. И в этом было исключительное значение столичного Почтового двора для развития российской светской культуры нового времени…

Почтовый двор на этом месте вблизи царских дворцов и с великолепным видом на Неву, на Троицкую площадь и крепость просуществовал недолго. Деревянное здание быстро ветшало (к тому же оно сильно пострадало от наводнения в ноябре 1725 года), оно оказалось в стороне от новых, возникавших в разных частях невского левобережья слобод и поселений. Значение Почтовой пристани и начинавшегося от нее перевоза на Петербургский остров резко упало, ассамблея постепенно перемещалась из общественного места в частные дома. Да и состоявшийся в начале 1728 года переезд двора и абсолютного большинства петербургского чиновничества и знати в Москву – все это «поставило точку» на 15-летнем «процветании» Почтового двора как важнейшего центра общественной жизни. И в 1729 году старый Почтовый двор был сломан, а почтовое ведомство перенесли в другое место. Но еще долго в разных документах мы встречаем упоминания «Старого Почтового двора» – и это было не только обозначение места, некий топографический код, – это была короткая по времени, но очень важная по сути глава истории петербургской культуры. Культуры специфической, почтовой, и культуры общественного быта.

Давайте серьезнее относиться к почте и к ее огромной и особой роли в нашей сегодняшней жизни. И давайте надеяться, что и сама «Почти России» будет серьезнее относиться к самой себе…

Ассамблеи

Ассамблея – слово французское, которого на русском языке одним словом выразить невозможно, но, обыкновенно сказать, вольное в котором доме собрание или съезд делаетца не для только забавы, но и для дела…
Из указа Петра I. 26 ноября 1718 года

«В большой комнате, освещенной сальными свечами, которые тускло горели в облаках табачного дыму, вельможи с голубыми лентами через плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардии в зеленых мундирах, корабельные мастера в куртках и полосатых панталонах толпою двигались взад и вперед при беспрерывном звуке духовой музыки. Дамы сидели около стен; молодые блистали всею роскошью моды…»

Так Пушкин в повести «Арап Петра Великого» описывает ассамблею в царском дворце. Множество описаний таких собраний оставили и современники – сюжет этот был весьма примечателен в образе жизни петровского Петербурга.

Христиан-Фридрих Вебер: «На этих ассамблеях одна комната предназначена для танцев, другая для всякого рода игр и особенно для шахматной (в которой отличаются самые простые русские люди), в третьей комнате играют и ведут беседы, а в четвертой женщины развлекаются фантами и другими забавными играми…»

Очень подробно об ассамблее, устроенной в Почтовом дворе (на берегу Невы, на месте нынешнего Мраморного дворца) 2 марта 1721 года, рассказывает в своем донесении в Париж французский посланник Кампредон. «Царь с царицей и со всем двором прибыли в пять часов вечера; для царицы, придворных и просто приглашенных дам имелся отдельный покой с изящно накрытым столом, куда не входил ни один мужчина, кроме прислуживавших.

Вдоль стен большого зала были расположены три длинных стола, каждый на 60 персон, установленных холодными мясными блюдами; царь поместился за столом, за которым сидели моряки. Распорядитель праздника, князь Меншиков, сидел в конце стола, за которым вперемешку, без всякого соблюдения чинов расположились сановники в голубых лентах, знатные персоны и иностранные министры, представители духовенства, казацкие депутаты…

Во время ужина царь несколько раз вставал, провозглашал тосты, время от времени выходил в покой царицы и подпевал певцам. Потом вдвоем с царицей протанцевали польский (полонез), и принцессы танцевали…»

«Великую ассамблею», устроенную 12 октября 1719 года в честь 2-летия царевича Петра (сына царевича Алексея), газета «Ведомости» описывала так: «В 4-м часу пополудни в новопостроенных галереях (в летнем саду) была великая ассамблея, и весь день, даже до полуночи, была пушечная стрельба и иллюминация…»

Таким образом, ассамблеями именовались не только домашние собрания, проводившиеся по определенным правилам и церемониалу, но и широкие многолюдные празднества в честь каких-то памятных, значительных дат или событий. Этим подчеркивалось общественное значение ассамблей.

Но кроме ассамблей были в Петербурге и различные вечеринки, банкеты (термины эти встречаются в документах тех лет), маскарады.

«Большой маскарад, – пишет Вебер о январском маскараде 1715 года, – к которому двор готовился три месяца… был назначен на 400 человек, при этом каждые четыре лица должны были иметь свой костюм и особый музыкальный инструмент. Вместе должны были быть представлены 400 различных костюмов и музыкальных мелодий.

Сам царь был одет французским крестьянином и вместе с тремя генералами искусно выколачивал на барабане… Из церкви процессия направилась во дворец, где веселое пирование продолжалось несколько дней и сопровождалось катанием на санях, во время которого также проделывались разные забавные потехи… Подобного маскарада, может быть, никогда не бывало на свете…»

Мы ошибемся, если будем считать введенные Петром в петербургский быт ассамблеи только развлечением. Это была, как говорил наш знаменитый историк В. Ключевский, «и биржа, и клуб, и танцевальный вечер». Ассамблейный церемониал был раз и навсегда установлен и строго соблюдался.

В зимнее время (а это был обычный сезон их проведения) ассамблеи начинались не ранее пяти часов вечера и заканчивались не позднее восьми. Место их проведения заранее объявлялось «письмом или иным знаком, куды всякому вольно пойтить, как мужскому полу, так и женскому». Состав гостей также определялся петровским указом: «знатные персоны», «вышние чины» – придворные вельможи, генералы, иностранные дипломаты, чиновники высоких рангов, «знатные купцы и начальные мастеровые люди» – особенно петровские корабелы. «То ж разумеетца и о женском поле, их жен и детей»…

Хозяева дома, где устраивалась ассамблея, особого участия в ее ходе не принимали; встречая гостей уже в комнатах, они потом «растворялись среди них». «Хозяин не повинен гостей ни встречать, ни провожать, ни потчевать, но только несколько покоев очистить, столы, свечи, питье приготовить». Одежда и прически гостей должны были быть «на европейский манер»…

Идея равенства всех присутствующих должна была определять дух ассамблеи, ее настрой. «Вольно сидеть, ходить, играть – ив том никто другому прешкодить (препятствовать) или унимать, также церемонии делать вставанеем, провожаньем и протчим отнюдь не дерзает под штрафом… но только при приезде и отъезде поклоном почтить должно…»

Непринужденность самочувствия, раскованность в поведении, полная свобода в выборе занятий и развлечений предписывались всем. Упоминание в указе о «штрафе» (знаменитый «Кубок Большого Орла») – не шутка и не пустая угроза. Известно, например, что в 1723 году адмирал Крюйс был оштрафован на 50 рублей (огромная по тем временам сумма) «за небытность на водяной ассамблее» – и такое тоже бывало…

Кто из гостей курил в курительной, кто играл (в шахматы или шашки – картежная игра запрещалась), кто беседовал у столов с напитками (вино, водка, пиво, мед, кофе, чай с вареньем, лимонад, шоколад), кто устремлялся в танцевальную залу – большую, нарядную, с большими окнами и зеркалами на стенах. Танцевальная программа тоже была определена: два менуэта, английский контрданс – своеобразная «пантомима ухаживания», полонез, «грософатер» – массовый танец…

Ассамблея при Петре I. С картины художника Хлебовского

Царь, бывший по рассказам искусным танцором, сам часто открывал танцы, беря на себя роль распорядителя, обучал танцам престарелых сановников, сам «изобрел» новые танцы – «цепной», например, или заключительный танец с поцелуями и поклонами. Но иной раз Пётр не танцевал, а молча, погруженный в свои мысли, тряся головой и дергая плечами, бродил по залам, наводя на гостей уныние, беспокойство и даже страх…

Потом начиналась вторая часть танцевального вечера: танцующие пары, возглавляемые скрипачом или несколькими музыкантами, обходили все основные помещения дома. Потом – музыкальный антракт, деловые разговоры мужчин и девичья болтовня с молодыми кавалерами. Ведь, как говорилось в царском указе, «съезд делаетца не для только забавы, но и для дела. Ибо тут может друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делаетца, при том же и забавы».

А потом – ужин и разъезд с обязательным объявлением о дате и месте проведения следующей ассамблеи. Впрочем, «тут быть сколько кто хочет и отъехать волен, когда хочет»…

Петровский указ полицеймейстеру столицы Антону Девиеру, «каким образом ассамблеи отправлятиш надлежит», издан был 26 ноября 1718 года Однако в быт Петербурга ассамблеи вошли гораздо раньше. Уже в немецкой брошюре, содержащей описание Петербурга в 1710–1711 годы, встречаются упоминания о «собраниях» у петровского «мундкоха» (личного повара) Яна Фельтена (отца знаменитого архитектора) и о том, что царь уже в эти годы иногда устраивал ассамблеи в питейном доме на берегу Невы, позднее перестроенном в Почтовый двор. На основании разных первоисточников мне удалось составить «календарь ассамблей» (явно неполный) в феврале 1714 года, причем в зимние и осенние месяцы этого года ассамблеи проходили и «в доме царского величества», и у царевича Алексея, и у сестры Петра царевны Наталии Алексеевны в ее новом дворце на Московской стороне (ныне – угол Шпалерной улицы и проспекта Чернышевского), и у Меншикова в его доме-

дворце на Васильевском острове, и у генералов Вейде и Долгорукого, и у вице-губернатора Якова Римского-Корсакова.

А после царского указа только в декабре 1718 года состоялось пять ассамблей (у адмирала Апраксина, у вице-адмирала Крюйса, у канцлера Головкина, у вице-канцлера Шафирова, у графа Петра Толстого). Всего по документам можно насчитать около 80 домов, где с 1714 по 1724 год проводились ассамблеи. Таким образом, в петербургском общественном быту это явление случайным или редким считать никак нельзя.

Ассамблеи стали важным фактором формирования общественного и культурного быта молодой российской столицы. Они выполняли множество важных функций. И первой, важнейшей была функция социальная. Петербург – центр страны, в котором складывалась и укреплялась «партия реформаторов», был настоящим «гнездом Петровым». Сплочение, объединение «птенцов» этого гнезда происходило в особых условиях, шло непрерывно, «в трудах державства и войны», в деле и на досуге. В процессе сплочения, в процессе выработки и уточнения идей реформы ассамблеи играли очень важную роль.

Вместе с тем они являлись первым информационным, коммуникационным центром. Здесь сообщались, «обращались» различные новости – политические, деловые, светские: в процессе общения рождались новые подробности, новые сюжеты, возникали новые повороты. И этой стороны значения ассамблей также нельзя преуменьшать.

В ассамблейном церемониале и традициях была реализована потребность общества в развлечениях, в организованном досуге; развлекательная функция ассамблей нередко выдвигалась на первый план, воспринималась некоторыми историками как главнейшая, едва ли не единственная. Это неверно, но роль ассамблей в выработке новой «культуры досуга» несомненно очень значительна.

В молодой российской столице, в новом городе, в новых условиях формировались новая культурная модель, новые культурные стереотипы. Это была модель, в которой доминировала элитарная, дворянская культура, но в тот период между ней и культурой массовой, «простонародной» культурой деревни и городского посада еще не появлялось того глубокого разрыва, который возник позднее. Новая культурная модель определяла новый стиль жизни, общения, поведения, была «школой» этого стиля.

Время реформ, европейская ориентация этих реформ требовали умения жить по-новому – открытости, преодоления традиционной замкнутости и кичливости, требовали «светскости» (ведь и само понятие «свет» в его социальном смысле возникло именно в эту пору российской истории). Во всем непростом ходе этого процесса явственно просматривается заметная роль ассамблей.

Естественно возникает вопрос: были ли у насаждавшихся петровскими указами и личным примером царя ассамблей какие-то «корни» в русской культуре – или это новшество было целиком «подсмотрено» в Европе и потом искусственно «пересажено» на еще не подготовленную для этого российскую почву.

Размышляя над этим, неизбежно вспоминаешь коллективные формы досуга, распространенные на Руси, традиционные для русской культурной традиции. Ассамблейная форма опиралась на эту традицию, продолжала ее, придавая ей иной внешний облик и разрушая «замкнутые» элементы российской культуры, соседствовавшие с ее коллективными формами. Ассамблеи, как, впрочем, и вся культурная реформа Петра, были насаждением, копированием новой, европейской формы, в которую укладывалось традиционное для национальной культуры содержание.

И еще одно очень важное обстоятельство – личная роль Петра как инициатора, хозяина, «распорядителя» и непременного участника петербургских ассамблей. Мы редко задумываемся над тем, что этот странный монарх нарушил все вековые законы и традиции, в соответствии с которыми он считался «наместником Бога», непонятным, малодоступным, таин-

ственным и сакральным. Пётр Великий «спустился с трона» на грешную землю, окунулся в гущу жизни, жизни простой, жизни солдат и матросов, работных людей, «мужиков». Он был первым русским царем, кто знал жизнь «подлого люда»… Недаром он так часто бывал в гостях не только у вельмож на ассамблеях, но и у простых людей – документы сохранили множество свидетельств на этот счет. Ассамблеи – одна из многих форм общения монарха с народом – с разными его слоями: от князей и генералов до простого корабельного подмастерья. Ведь владение профессией, достоинство профессионала были в представлении Петра главным критерием ценности человека. Это проявлялось и в духе петровских ассамблей.

Феофан Прокопович и его школа на Карповке

А еще быти дому сему (с которого премного российской пользы и Его Величеству славы надеемся), то… да прозван будет дом сей Сад Петров…
Ф. Прокопович. Март 1721 года

В энциклопедиях и справочниках статьи об этом человеке помещаются не по алфавиту его фамилии – Прокопович, а по имени Феофан, хотя имя это дано ему при пострижении в монахи.

Он сделал блестящую церковную карьеру – был членом Синода, архиепископом Псковским, а потом Новгородским (и погребен в новгородском Софийском соборе), но при этом церковная деятельность и богословие не были главным его жизненным поприщем. Гораздо больше и значительнее его заслуги на поприщах государственном и педагогическом.

Он был главным идеологом и пропагандистом фундаментальных идей петровского царствования – государственности и абсолютной монархии, самой крупной фигурой в идеологическом обеспечении петровских реформ. Он оставался им и после смерти Петра, негодуя против тех, кто «терзал славу Петра», и вызывая ненависть к себе светских и церковных ханжей и святош, карьеристов, лицемеров и суеверов. Прожитые Феофаном после Петра одиннадцать с половиной лет (он умер в сентябре 1736 года) не были легкими ни для него, ни для России – и именно эти годы он посвятил своей школе, ставшей его главным, любимым делом и превращенной им в лучшую школу России.

Он обладал острым чувством своего времени, исключительной чуткостью к современности. Его отличительным свойством – что странно для высокого духовного лица – было восприятие мира со светских позиций. А его глубоко гуманистическая педагогическая система явилась не только выдающимся – в европейском масштабе – новаторством для своего времени, но во многом актуальна и для времени нынешнего…

Феофан Прокопович родился в июне 1681 года в семье киевского купца. Получив образование в Киевской духовной академии, он на несколько лет уехал за границу (Львов, Вена, Феррара, Флоренция, Пиза, три года в Риме) и по возвращении в Киев и пострижении в монахи стал преподавателем в той же академии. В 1711 году он впервые встретился с Петром, который через четыре года вызвал его в свою новую столицу. В Петербург Феофан приехал в октябре 1716 года, в отсутствие царя, а с осени 1717 года, после возвращения Петра из-за границы (он был встречен двумя поздравительными речами Феофана – подлинными шедеврами пропагандистской риторики) начинается период их сближения и тесного сотрудничества, из года в год набиравшего силу.

Феофана Прокоповича редко числят среди «птенцов гнезда Петрова», хотя он не просто один из главных участников этого кружка (и единственное в нем духовное лицо), реформатор, но и один из наиболее значительных носителей важнейшего качества, объединявшего «птенцов» с самим царем, – умения ценить образование и образованность.

Феофан Прокопович

Феофан был не только человеком масштабной европейской культуры, образованнейшим среди сподвижников Петра, подлинным энциклопедистом, но и распространителем этой культуры в России, в Петербурге. Его обширное поместье на окраине тогдашней столицы, на берегу речки Карповки – там, где она вытекает из Большой Невки, было одним из важнейших центров петербургской светской культуры того времени. В доме Феофана, где находились его библиотека (около 30 тысяч томов) и коллекция картин (150 полотен), собирались на «аттические вечера», продолжавшиеся за полночь, представители столичного культурного круга. Стихи, беседы, музыка звучали здесь в непосредственном соседстве со школой, их отголоски доходили до ее учеников – и эта особенность «салона» Феофана тоже была необычной.

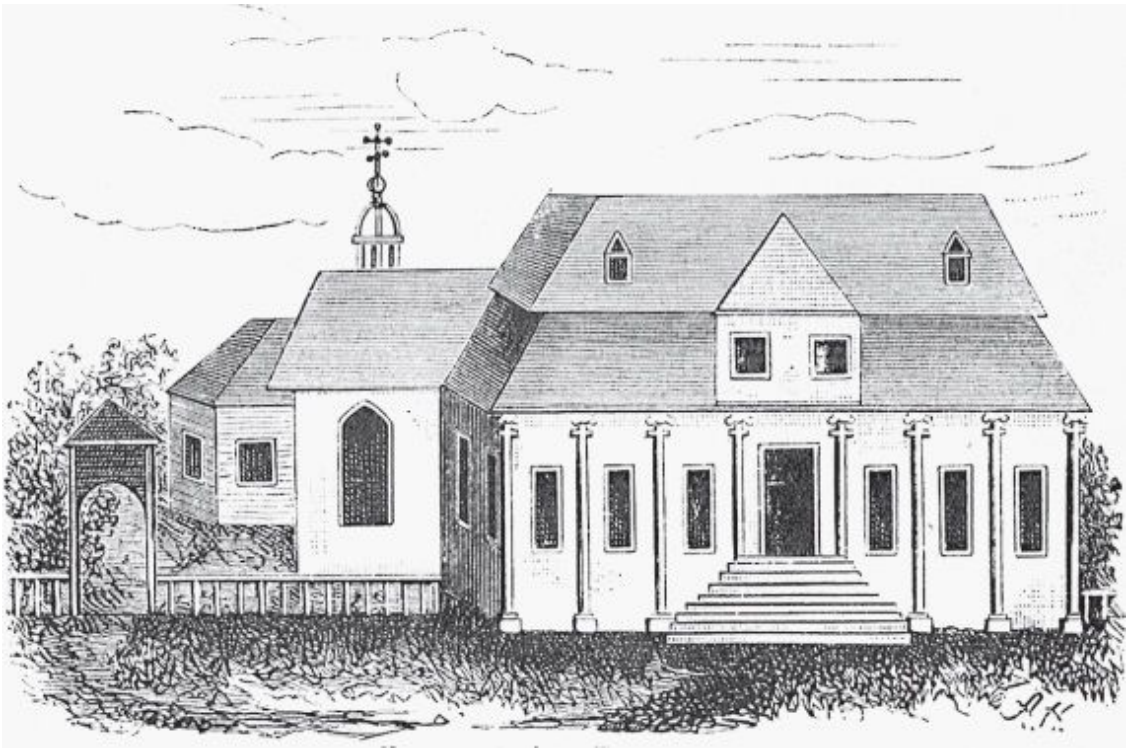
И здесь же, рядом со своими юными питомцами, он создавал многочисленные труды: «слова» и речи по разным поводам (позднее они будут собраны и изданы в трех томах), нравоучительные сочинения («Юности честное зерцало», 1717 год), произведения политической публицистики («Правда воли монаршей», 1722 год), яркие памфлеты против раскольников и церковных лицемеров, исторические труды («История царствования Петра Великого», 1717–1718 годы и «Розыск исторический, коих ради вин и в Яковом разуме были и нарицались императоры римские», 1721 год). Здесь же трудится он над одним из главных своих творений – «Духовным регламентом или Уставом Духовной коллегии» (Синода).

Работа эта началась еще в 1718 году по поручению царя. В феврале 1720 года Пётр рассматривал и дополнял первый вариант «регламента», а в январе 1721 году он был утвержден, и 14 февраля Феофан в Троицком соборе произнес знаменитое «Слово» по случаю создания Синода.

В «Регламенте» есть раздел «О домах училищных» – один из самых интересных и значительных. Подробно излагая свои педагогические воззрения, Феофан в то же самое время, в 1721 году, создает школу на Карповке, проверяя и утверждая на практике собственные педагогические принципы. Школа эта, просуществовавшая 15 лет (до смерти Феофана), стала

первой русской лабораторией гуманистической педагогики; о том, что она стала его главным делом, свидетельствует факт завещания Феофаном значительной части своего имущества школе и ее питомцам…

Это было время, когда в общественное сознание настойчиво внедрялась идея ценности образования и уважения к нему. Страна готовилась к переходу от «свободного невежества» к осознанию необходимости учиться – переходу долгому и трудному. Надо было преодолевать вековые предрассудки и «смеха достойные» суеверия, кичливое пренебрежение к знанию, в котором многие видели причину ересей и нестабильности. И Феофан пишет в «Духовном регламенте»: «Если посмотреть чрез историю, аки чрез зрительные трубки, на мимошедшие века, увидим все худшее в темных, нежели в светлых учением временах»…



Н. Челнаков. Подворье Феофана Прокоповича

«Светлые учением времена!» Феофан Прокопович видел их впереди, служил им. И понимал, что времена эти не настанут, если не бороться против «лжеучений» – схоластики, начетничества и против «лжеученості» – той беды, которую мы сейчас называем «образованщиной».

«Привиденного и мечтательного учения вкусивши, – читаем мы в «Регламенте», – человецы глупейши бывают от неученых, ибо… мнят себя бытии совершенных и, помышляя, что все, что знать можно, познали… не хотят больше учитися». «Есть учении, которые имени сего не достойны…» «Возымеет о себе мнение, что он мудрый – и от таковых нет горших бездельников…» Из таких – «враги властей, гордецы» – самодовольные, претендующие на посты, не способные признать своих ошибок. Не умеющие и не желающие всю жизнь учиться: «Просвещенный человек никогда сытости не имеет в познании своем, но не перестает никогда учитися», – пишет Феофан.

Его педагогика нацелена на решение двух нерасторжимо связанных между собой задач: воспитания и образования; в этом двуединстве на первом месте – воспитание, в результате которого «грубость отпадет». Надо делать все, чтобы избегать в воспитании и

обучении суеты, «суетного убытка» и скуки, чтобы жизнь, наполненная учением, была интересной.

Это поразительно, но почти три века назад ученый монах-энциклопедист Феофан в официальном документе, каким был «Духовный регламент», и в составленных им для своей школы «регулах» (правилах, нормах распорядка) чаще всего употребляет два слова: «остроумие» – острый, любознательный ум и «веселость», «веселье»… Учение должно быть «веселым», школа должна находиться «не в городе, но в стороне, на веселом месте, угодном, где несть народного шума». Речь идет о необходимости создания в школе особого настроения, устройства в ней жизни, заполненной учебным трудом, четко организованной – со строгими дисциплиной и надзором, с точным расписанием, в котором время учения и отдыха точно определено; во время прогулок, например, «не вольно никому учитися и ниже книжки в руках иметь… А гуляние было бы с играми честными и телоподвижными. Ибо сие и здравию полезно есть, и скуку отгоняет… Врачевание скуки», – пишет Феофан.

На этих принципах и основана выработанная Феофаном идея школы, которую он обозначает как «Сад Петров» («Петергартен»). Программа школы на Карповке, рассчитанная на «остроумного ученика», была программой светской школы. Духовный элемент образования (богословие – главные догматы православия и Закон Божий) явно стоял на втором плане. «Дела сего требует и самая крайняя Отечества нужда и польза Царскому Величеству, – читаем мы в письме Феофана секретарю Петра Алексею Макарову, – ибо в доме училищном не только богословское имеет быть учение…»

Программа была основана на «триязычном» (русском, латынь, греческий) принципе, причем все эти языки надлежало «правильно знать». Русский язык изучался живой, использовался «Лексикон» – «речений сокровище, собранное из разных новых и древних книг». Грамматика осваивалась в тесной и живой «межпредметной связи» с географией и историей: «Сие вельми полезно, ибо… когда невеселое языка учение толь веселым мира и мимошедших в мире говорится, что историю честь без ведения географического есть как бы с завязанными глазами по улице ходить…»

Гуманитарные предметы обучения – языки, «мир слова», история и география – составляли фундамент, на который опиралось «учение внешнее», продолжавшееся несколько лет и включавшее арифметику с геометрией, логику с диалектикой, риторику и поэзию, физику и метафизику, политику, римские древности, рисование и музыку.

«Таковое младых лет житие кажется быть стужительным и заключению пленническому подобно», – читаем мы в «Регламенте». И тут же это опасение отгоняется. Раз-два в месяц, летом, совершаются прогулки «на островы, к дворам загородным государевым и, хотя единожды в год, – в Санкт-Петербург». По праздникам в школе звучит «глас мусикийских (музыкальных) инструментов», а в летние каникулы проходят разыгрываемые учениками сценические представления под открытым небом и дважды в год – акции, диспуты, «риторские экзерциции» (открытые соревнования учеников в ораторском искусстве)…

«Школа на Карповке» была интернатом со строгой дисциплиной. Учеников отпускали на побывку домой лишь с третьего года и не дольше чем на неделю. Первые годы она была «частной» школой Феофана. «Несколько ребяток, при мне учимых и питаемых, – писал он в 1721 году, – потщуся очистить и угодные сделать пять изб в моем дому, где до 30 отроков вместить можно будет. Только б пропитание и одеяние их… было определено от Его Царского Величества…»

В «пропитании и одеянии» ученики «школы на Карповке» нуждались. Ведь набирались они из сирот, детей бедняков или людей «низкого звания» (мелких чиновников, солдат) – в отличие от контингента духовных школ здесь не было социальной замкнутости (только дети духовенства). Принимались в школу дети после «испытания памяти и остроумия» – в возрасте 10–12 лет («ибо в таком возрасте дети еще не вельми обучились злонра-

вию, в если обучились, однакож не закрепили обычаем, и таковых нетрудно отучить»). А обучать этих детей должен был «учитель умный и честный (в другом месте сказано: добрый), который бы детей учил не только читать ясно и точно, но учил бы и разуметь». А «отучать» было обязанностью находившегося в каждой избе воспитателя («префекта») – человека «честного житья… не свирепого и не меланхолика», который за поведением и нравственностью воспитанников наблюдал бы «без поноровки» и наказывал провинившихся: малых – розгой, а средних и старших – «словом угрозительным»…

Так жила эта необыкновенная для своего времени «школа на Карповке», в которой за 15 лет обучилось 160 человек (в 1736 году в школе было 42 ученика). Среди ее питомцев мы встречаем имена людей, позднее ставших известными: Григорий Теплов – академик и сенатор, Алексей Протасов (сын солдата Семеновского полка) – академик, как и Семен Котельников, сын солдата Преображенского полка; в списке учеников последнего года встречаем Ульяна и Антона Калмыковых…

Огромная Россия – и одна такая школа. «Капля в море…», но, понимая это, мы не смеем недооценивать того замечательного педагогического начинания почти трехсотлетней давности, которое неразрывно связано и с городом нашим, и с одним из самых ярких и выдающихся современников и сотрудников Петра – мыслителя и оратора, писателя и педагога, историка и литератора Феофана Прокоповича…

Начало Кунсткамеры

Что в академии я видел – и не счесть:
Во-первых, восковой портрет царя там есть,
А также кабинет сокровищ и диковин,
С которыми в цене ничто не станет вровень.
Там господин Отец всех глобусов стоит,
Настолько же велик, насколь и знаменит.
Из посвященной Петербургу поэмы И. – Х. Трёмера. 1735 год

Это здание и этот музей, основанный Петром Великим и носящий его имя, знает каждый петербуржец. Изящный силуэт венчающей здание Кунсткамеры башни давно уже стал одним из «знаков» нашего города, его образных символов. А Музей антропологии и этнографии, принадлежащий к числу музеев мирового класса и научного значения, – один из самых «модных» музеев Петербурга. И первый музей в России.

Его коллекции, начало собиранию которых положено Петром, не самые первые в нашей стране. Оружейная палата в Московском Кремле и «модель-камора» в петербургском Адмиралтействе по возрасту старше Кунсткамеры. Но первая была собранием великокняжеским и царским, а вторая – ведомственным; обе были не только хранилищами, но одновременно и производственными предприятиями. А Кунсткамера стала первым в стране *публичным,* открытым, общедоступным музеем. Ее создание было важной частью культурной реформы начала XVIII века – реформы, нацеленной на включение России в «европейское культурное пространство».

Идея собирания «куриозных» – необыкновенных, удивительных, чем-то «выходящих из ряда» – предметов принадлежала самому Петру и была естественным проявлением неукротимой и безграничной любознательности этого человека. Много сказано и написано о том, как Пётр покупал за границей целые коллекции (анатомические, минералогические, медалей, монет и др.), пользовавшиеся в начале XVIII века общеевропейской известностью. Путешествуя по Европе в 1716–1717 годах, встречаясь со знаменитыми европейскими учеными, принимая почести, которыми сопровождалось его избрание в Парижскую академию наук, Пётр сделал и немало приобретений для своей будущей «Куншт-Каморы», кабинета редкостей. В Данциге у доктора Готвальда куплена была богатая коллекция минералов, в Амстердаме Альбертус Себа продал царю свою знаменитую чрезвычайно разнообразную по составу и происхождению коллекцию «куриозов и самородных вещей» (чучела птиц, «чудественных странных зверей», африканских и американских «гадиков», насекомые, раковины, семена экзотических растений и пр.). В том же 1717 году у престарелого амстердамского анатома Фредерикуса Рюйша приобретается его знаменитая коллекция анатомических препаратов и различных «монструмов» – Пётр увидел эту коллекцию еще за 20 лет до того и был потрясен ею.

Но при всем этом нельзя воспринимать коллекцию петровской Кунст-Каморы только как сумму этих разнородных коллекций различного происхождения. Царь собирал *свою* коллекцию, и основным источником ее пополнения должна была стать сама Россия. Это – главная идея Кунсткамеры.

А. Рудаков. Кикины палаты

13 февраля 1718 года состоялся указ, которым царь поручал местным начальникам (губернаторам и комендантам) заботу о собрании и отправке в Петербург всех «натуралий и прочих раритетов», которые появлялись или находились на подведомственной территории. Вопреки распространенному мнению, что в Кунсткамеру собирались «уроды» человеческого и животного происхождения, программа будущего музея, предложенная Петром, была гораздо шире и интереснее. В указе говорилось: «Также, ежели кто найдет в земле или в воде какия старые вещи, а имянно каменья необыкновенные, кости… не такия, какия у нас ныне есть, или и такие, но зело велики или малы перед обыкновенным, также какия старые надписи на каменьях, железе или меди или какое старое, необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно – також бы приносили…»

Так, через несколько месяцев после возвращения Петра из полуторагодичной поездки по Европе было положено начало «Куншт-Каморе» – одному из крупнейший в мире музеев *историко-культурного и естественно-научного направления.* Он касался десятков наук, многие из которых (палеонтология или археология, например) еще не «оформились» к тому времени как самостоятельные научные дисциплины…

Собранные коллекции и их пополнение были «поручены в смотрение» лейб-медику царя 26-летнему Лаврентию Блюментросту. Сами коллекции были тогда же, вместе с библиотекой, перевезенной из Летнего двора, размещены в пяти комнатах (библиотека еще в трех) Кикиных палат. Штат Кунсткамеры в декабре 1718 года был определен в 9 человек.

Через два года иностранец, посетивший Кунсткамеру, отмечал, что «в нынешнем помещении уже тесно, так как там постоянно что-нибудь прибывает». Действительно, музей непрерывно пополнялся: сюда передаются серебряные ключи крепости Дербент, модели Иерусалимского храма, медали и монеты, купленные у Мушенброка, физические и математические инструменты. В 1724 году здесь появляются анатомические препараты, полученные при вскрытии тела «французского великана» Николя Буржуа, находившегося на службе у царя; из разных губерний присылаются разнообразные «монструмы». В Кикиных палатах Кунсткамера находилась ровно десять лет…

Одновременно с организацией самого музея начинается строительство специального здания для него. История этого «долгостроя», растянувшаяся больше чем на десять лет, интересна и сама по себе, и потому еще, что в ней выпукло отразилось то время – со всеми его особенностями и странностями, сменой ритма, «приливами и отливами», со всеми его положительными и дурными сторонами. Дата начала строительства нам точно известна. Но еще почти за полтора года до этого, когда царь путешествовал по Европе, 7 февраля 1717 года Меншиков писал главе Городовой канцелярии князю Черкасскому «о Куншт-Каморе» (сле-

довательно, уже к этому времени было задумано ее создание), а Черкасский сообщал в ответ, что «на то место» (!) уже перевезено 45 тысяч кирпичей.

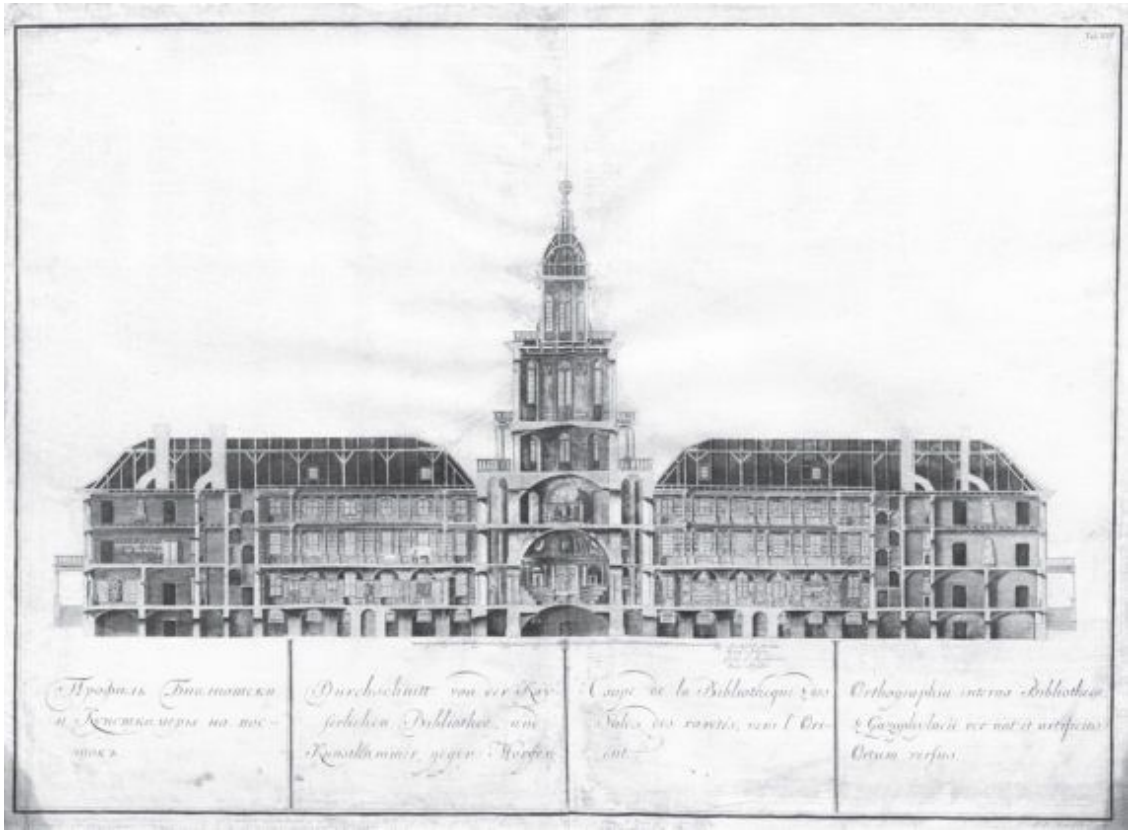
Здание Кунсткамеры. Фасад. Рисунок 1741 года

Под «тем местом» имеется, вероятно, в виду тот участок невской набережной на Васильевском острове, который (вместе с уже построенным домом самого Меншикова) «фланкировал» парадную часть этой набережной. Позднее на середине этой линии Доменико Трезини возведет здание «Двенадцати коллегий».

Существует, между прочим, легенда о том, что место это было во время одной из прогулок с Меншиковым по острову отмечено самим Петром: здесь росли две сосны, и ствол одной из них «пророс» в ствол другой – такой природный «раритет»…

Здание Кунсткамеры было вторым в Петербурге (после Почтового двора и не считая храмов) зданием публичного, общественного назначения и *первым в России зданием специального культурного назначения.*

В «Поденных записках» Александра Меншикова мы читаем, что 26 июня вечером (вот она, начальная дата!) он «ездил смотреть начатия строения библиотеки», но там же под 22 апреля отмечено, что Меншиков, находясь в своем доме, «вышел в переднюю полату и изволили подряжать строить *его царского величества дом, в котором быть библиотеке».*



Здание Кунсткамеры. Разрез. Рисунок 1741 года

Итак, решение о строительстве уже было принято, подряды оформлены, исполнение строительных работ было возложено на Канцелярию от строений, а «комиссаром» при этих работах назначался полковник Иван Ерофеевич Лутковский, бывший до того командиром Белозерского полка, – это свидетельствует о значении данного строительного объекта, о его «престиже».

И еще одно немаловажное обстоятельство: во всех документах, относящихся к первым годам этого строительства – вплоть до 1723 года, – строящееся здание именовалось только *«библиотекой»,* «Кунст-Камора» присоединяется позднее. Главным в этом «симбиозе» первой общедоступной библиотеки и первого музея в стране была все же бибилотека!..

Об истории Кунсткамеры немало написано, но неиспользованными остаются сотни документов, многие из которых таят в себе загадки. Многое в этой истории еще остается неясным.

Это проявилось и в том «курьезе», который каждый приметливый человек может обнаружить не внутри, а снаружи самого здания. На разных его стенах – две разные доски, дающие различные сведения о времени окончания строительства (причем обе даты неверны) и о строивших это здание архитекторах: 1718–1727 и 1718–1734 годы; начата Матарнови и закончена Киавери – на одной и упоминание Г. Матарнови, Г. Киавери и М. Земцова – на другой. Архитектор Николай Гербель, строивший здание с 1719 по 1724 год, не упомянут нигде!..

Вопрос об архитекторах действительно труден; в описании, изданном в 1741 году, отмечается, что «палаты Академии наук строены от разных архитекторов». Это действительно плод коллективного творчества.

Первоначальный проект здания принадлежал, безусловно, архитектору Георгу-Иоганну Матарнови, строителю «Зимнего дома» для царя. Но сам Матарнови был учени-

ком великого немецкого архитектора и скульптора Андреаса Шлютера, который в 1713–1714 годы несколько месяцев работал в Петербурге и скончался здесь; архив его проектов унаследовал Матарнови. Есть основания предполагать участие в проектировании здания для библиотеки и Кунсткамеры и знаменитого Леблона.

После смерти Матарнови в ноябре 1719 года строительство возглавил архитектор Гербель. Работы шли медленно, периоды оживления (стройка велась только летом) сменялись перерывами, долгими паузами. Медлили подрядчики, не хватало работников, не было необходимых материалов. Царь неоднократно торопил. Осенью 1722 года он из Астрахани шлет строгое указание Ульяну Синявину поторопиться с окончанием строительства.

Здание строилось состоящим из трех частей: двух больших корпусов, соединенных центральной башней. Боковые корпуса были в основном закончены к осени 1723 года, когда началась укладка кровли. С центральной башней было труднее, она попала в «полосу неудач». Сперва обнаружились трещины в столбах, поддерживавших внутренние своды, а в июле 1724 года и сами своды обрушились. Тяжело больной Гербель был отстранен, его заменил замечательный итальянец-архитектор Гаэтано Киавери, предложивший свой проект башни. В июле-сентябре 1725 года (уже после смерти Петра) все петербургские архитекторы пять раз собирались на «консилии», решая судьбу башни. Решено было разобрать ее до фундамента и строить вновь. Теперь строили скоро: уже в конце августа 1726 года на предназначенное ему место в башне был поднят знаменитый «Готторпский глобус», после чего каменщики завершили кладку бани, над которой был выведен деревянный обитый железом купол.

В августе 1727 года Киавери покинул Петербург, и с 29 марта 1728 года строительство было поручено Михаилу Земцову. На его долю выпала не только внутренняя отделка помещений, но и благоустройство прилегающей территории (двор, участок набережной, мощение дороги), и завершение наружной отделки здания (побелка и окраска, орнаменты на стенах, крытая галерея вокруг башни, возведение над башней «фонарика», который предназначался для астрономических наблюдений и столичной «службы времени»). Весной 1729 года возникает поект размещения вокруг башни 12 свинцовых аллегорических фигур, двух орлов и двух орнаментов по карнизам здания; потом решают вырезать из дерева и водрузить на башне «статую отласовую з глобусом». В 1730 году на башне Кунсткамеры воздвигается «великая деревянная спица», механик Пьер Виньон изготовляет «сферу армилярии», которую и устанавливают на куполе башни. 1 декабря 1731 года Ульян Синявин доносит Сенату об окончании всех строительных работ в здании Кунсткамеры (вот она, точная дата окончания – через тринадцать с половиной лет после начала)…

Но к этому времени Кунсткамера и библиотека уже три года «жили» в этом здании; осенью 1728 года они были перевезены на Васильевский остров из Кикиных палат, и через две недели после окончания всех строительных работ на башне, 25 ноября, одновременно с библиотекой Кунсткамера была торжественно открыта – правда, лишь один зал и «особенные покои, где императорский кабинет сохраняется» (имеется в виду «Кабинет Петра Великого» – мемориальное собрание личных вещей царя, разнообразных предметов его быта и занятий). «Кто кунст и натуральную камору осмотреть, – писали на следующий день «Сакнтпетербургские ведомости», – тому надлежит за день тому библиотекарю объявить». Библиотека и Кунсткамера в системе Академии наук продолжали составлять единое целое.

В Кунсткамере «всегда великое людство», – так написано в книге «Палаты Академии наук», изданной в 1741 году. Но первый период работы первого российского музея был недолгим – менее двадцати лет. Пожары 12 марта 1746 года и 5 декабря 1747 года стали рубежом в истории этого замечательного учреждения – научного и образовательно-просветительного.

Дивное творение

...Красота – не прихоть полубога,
а хищный глазомер простого столяра!
О. Мандельштам. «Адмиралтейство»

Трудно представить себе жителя или гостя Петербурга, который бы не видел иконостаса Петропавловского собора. Грандиозные размеры этого сооружения, его торжественная монументальность никого не оставляют равнодушным. Он, безусловно, важнейший элемент всего огромного, пронизанного светом пространства собора – хотя видеть его можно только частями: в целом он необозрим.

Но, являясь частью интерьера собора, он существует и сам по себе – как самостоятельное художественное пространство, архитектурно осмысленное и организованное. Архитектура, живопись и скульптура органично слились в иконостасе, каждое из этих искусств представлено в своих главных чертах монументально и значительно. Мотив триумфа, победного торжества звучит с необычайной силой, иконостас воспринимается не как культовое сооружение только, а как гигантская (высота в центральной части – 19 м) триумфальная арка.

Это естественно: идея создания иконостаса возникла у Петра в 1721 году Победное завершение Северной войны, «Вечный мир», заключенный в Ништадте, требовали увековечения. Проявляется и задумывается целая серия памятников: среди них и петергофский «Самсон», и проект грандиозного «Триумфального столпа», и конный памятник Петру-победителю, созданный скульптором Растрелли-отцом и лишь через 80 лет установленный перед Михайловским замком. И иконостас Петропавловского собора.

Культовая, религиозная и художественная сущности слиты в нем неразрывно. Но весь замысел этого сооружения приводит к мысли, что для его создателей главным стремлением было подчеркнуть *светскую,* художественную функцию памятника.

Но есть у него еще одна – важнейшая – сторона, о которой мы не имеем права забывать. Иконостас этот – выдающийся, занимающий особое место в отечественной культуре *памятник труда.* 46 мастеров в Москве в течение четырех лет создавали его; петропавловский иконостас стал вершиной и одновременно энциклопедией традиционной для русского искусства деревянной резьбы.

Дерево – древнейший, широко распространенный, привычный на Руси материал, в значительной степени определявший и русский быт, и русское искусство. Веками вырабатывались и совершенствовались и технология, и художественные приемы, и традиции обработки дерева – они рождены народной художественной стихией. В дереве исполнялись на протяжении нескольких веков иконостасы всех православных храмов, особенно богатыми и изысканными были те, что создавались в стиле барокко – но и среди них петропавловский иконостас выделяется: резные рамы икон, изящные колонны с богатыми капителями, фигурная резьба (ангелы и херувимы), роскошный балдахин с резными кистями (трудно поверить, что они из дерева, а не из ткани), сквозная и рельефная многофигурная резная композиция царских врат (сейчас мы видим их металлическую копию, выполненную 150 лет назад, а раньше они были деревянными), гравировка (во всю длину иконостаса протянулась надпись, в которой излагается история его создания, – в надписи этой 936 знаков) – таковы элементы иконостаса. И при этом – никакой перегруженности, многословия, утомительной помпезности – ощущение человечности, теплоты, проникновенности охватывает нас, когда мы смотрим на него и восхищаемся им. Все это делает петропавловский иконостас художественным памятником мирового значения.

Зиму и весну 1721–1722 годов Пётр провел в Москве. 10 декабря здесь состоялось торжественное празднование Ништадтского мира, к которому «суперинтендант» (он часто именовался архитектором) Иван Зарудный соорудил 7 огромных триумфальных ворот. Именно тогда и возникла у царя мысль о поручении Зарудному создания иконостаса-монумента для строившегося в столице Петропавловского собора.

Иван Петрович Зарудный (именно так он, украинец по национальности, подписывался всегда, а не «Заруднев», как во многих документах о нем) был одним из тех, кто прошел через всю историю петровской эпохи, будучи «у многих Его Величества нужнейших дел»; вся его деятельность протекала в Москве. Он – автор декоративного убранства храма Св. Гавриила в Москве на Чистых прудах со знаменитой колокольней («Меншиковой башней»), он «во всей Российской державе надзирает и ведает иконное и живописное письмо», он руководит сооружением иконостасов для храмов в Кронштадте и Ревеле, строит оборудование для перевоза из Владимира в Петербург мощей Александра Невского, его попечению поручены, пока еще они находились в Москве, знаменитый «Готторпский глобус» и петровский ботик…

У известного исследователя Петербурга профессора-химика В. Курбатова мы встречаем сомнение в том, что Иван Зарудный был автором архитектурной идеи, общего замысла петропавловского иконостаса; основанием для сомнения и для предположения, что истинным автором был архитектор-иностранец (Г. Матарнови или К. – Б. Растрелли), являются совершенство и законченность общего художественного замысла. И тем более важно, что документы не дают никаких оснований для такой версии и, наоборот, свидетельствуют, что Иван Зарудный был не только руководителем работ, но и *автором* общего замысла иконостаса.

В марте 1722 года, покидая Москву, Пётр запросил у Д. Трезини «меру, где быть иконостасу» и через несколько дней «словесно повелел Зарудневу строить иконостас в Санктпитербурх в соборную церковь». 3 мая последовал указ о выдаче «на строение Петропавловского иконостаса» 3 тысяч рублей, а еще через четыре дня – указ о назначении жалованья Зарудному, «дабы он, будучи при тех делах, имел без нужды пропитание»… Общий объем работ был огромен, и шли они без спешки. Любопытно, что общий замысел иконостаса сложился задолго до окончательного архитектурного проекта: сперва изготовлялись отдельные «штуки», детали, и уже потом – общий чертеж.

В январе 1725 года скончался Петр. Строительство Петропавловского собора, где был погребен император, ускорилось, и Зарудного торопят с работами по созданию иконостаса. В марте 1726 года он сообщает, что начал «сочинять обстоятельной чертеж всего иконостаса», но «в скорости не мог исправитца, а помощника не имею…» Постоянны и затруднения с финансированием работ.

Схема обрамления икон и расположения скульптур иконостаса Петропавловского собора

«Мастерские палаты» (столярня, резная, золотарня) находились при доме самого Зарудного в Москве. Работы форсировались, шли днем и ночью. Зарудный сообщает, что «одних свеч исходит каждую ночь до 85».

Уже 4 февраля 1726 года состоялся указ об отпуске двух тысяч рублей на золочение иконостаса, «понеже фигура великая и славная и золотить надлежит лучшим золотом». В начале марта мастер-сусальщик Иван Автономов приступает к изготовлению сусального золота из «золотых червонных».

Зарудный торопится: он требует присылки к нему 18 мастеров-золотарей «двух статей» (вроде современных разрядов), 17 столяров семи статей и 19 резчиков девяти статей. Нетрудно представить себе напряжение этих дней, когда работы шли одновременно «по всему фронту».

Одновременно начинается работа по написанию икон петропавловского иконостаса. Исполнялись они в столице. «Образы писать в Санктпитербурхе способнее, – писал Зарудный, – понеже мастеры тамо лутчие, которых в Москве таких не обрететца». Синод определил сюжеты будущих икон, а написание их поручили вызванным из Москвы еще в 1720 году иконописцам Андрею Меркульеву (Поспелову) и Филиппу Протопопову с пятью «товарищи». В июле того же года с ними заключается контракт (на 4 тысячи рублей), а директор типографии М.П. Аврамов отводит иконописцам «потребное число камор» на Петербургском острове, близ Троицкой площади.

Иконостас Петропавловского собора. Фрагмент. Современное фото

Работа по написанию икон продолжалась три с половиной года. Примечательно, что писались они *под готовый иконостас* «по той мере, как делаетца иконостас в Москве». Летом Иван Заруднев и Пётр Еропкин составляют в Москве «обстоятельной чертеж всего иконостаса,… назнача, в которых местах иконы и в какову меру надлежит быть иконам».

А в Москве работы шли полным ходом. Готовые отдельные части иконостаса, «штуки», после золочения заворачивались в просмоленный холст и укладывались в специально подготовленные еловые ящики. Уже 13 мая 1726 года состоялся указ, предписавший «из Москвы отправить в Санктпитербурх иконостас… с нарочно посланным Ингермоландского полку капитаном Андреяном Лопухиным». Ему предлагалось везти иконостас до Твери сухим путем, а далее – водой, на судах купленных или специально построенных.

Однако перевозка в том году не состоялась: кое-какие работы оставались незавершенными. В декабре Канцелярия от строений распоряжается перевезти иконостас зимней дорогой до Твери или Вышнего Волочка, «чтоб оттуда вешним временем привезть мочно было на судах в Санктпитербурх». В январе-марте 1727 года на 200 наемных подходах из Москвы в Тверь отправляются первые пять партий ящиков с деталями иконостаса.

Дело близилось в завершению, как неожиданно 19 марта 1727 года умирает Иван Зарудный. «А остался после него того дела подмастерья, которой был при нем (речь идет о столяре Иване Телеге) и пасынок Пётр Пузиков». Ульян Синявин поручает наблюдение за работами находившемуся в Москве архитектору Канцелярии от строений Тимофею Усову: «И велеть ему в деле иметь смотрение, чтоб тот иконостас по рисункам и по медалям делали правильно, со всяким посвящением, самым добрым и искусным мастерством…» Капитан Лопух сообщал, что «отделка кончиться может марта к 26 числу».

Сотни ящиков с деталями иконостаса (и отлитый в Москве колокол для Петропавловского собора) в последних числах марта 1727 года были отправлены из Москвы на 247 подводах; последняя партия (30 подвод) покинула Москву 28 марта.

От Твери до Ладоги ящики везли по реке на нанятых барках. В Ладоге по решению Адмиралтейств-коллегии Лопухин должен был нанять у купцов транспортные суда «большие и надежные; а буде на оных будут люки малы, что ящики не могут пройти – то б все велел переделать».

Все прошло благополучно, и в июле 1727 года ящики с деталями иконостаса прибыли по Неве в Петербург; их разместили в одном из амбаров на территории крепости, где они пролежали довольно долго. И решение Верховного тайного совета 5 октября 1727 года о завершении в следующем году строительных работ, включая установку иконостаса, в Петропавловском соборе, не было исполнено. (Из 42 икон к этому времени были написаны только четыре и еще две начаты.)

В начале апреля 1728 года Д. Трезини просит «для розбирания иконостаса и починки попорченных мест» разыскать в Москве и прислать в столицу столяров Трифона Иванова и Ивана Телегу, «которые в Москве тот иконостас делали и розбирали», и слесарных мастеров Степана и Петра Яковлевых для монтажа иконостаса «слесарного работою». Через полгода Трезини настаивает на установке иконостаса не позднее сентября, «понеже оному в ящиках лежать от больших весенних вод не без спасения».

К концу сентября 1728 года штукатурные и лепные работы в главном куполе собора были завершены, и в последний день этого месяца Трезини писал: «Ныне начнем мостить мост на три ступени, где будет иконостас стоять пред алтарем». Вскоре все ящики были перенесены в собор, и 12 ноября столяр Трифон Иванов приступил к их разборке и монтажу частей. Но сама установка грандиозного иконостаса началась только в мае 1729 года и завершилась к началу августа. Столяр Трифон Иванов, «который ставил иконостас и при том деле был за подмастерья», 8 августа покинул столицу и возвратился в Москву.

А к началу сентября были написаны все 42 иконы и в ноябре их освидетельствовала большая комиссия, в которую входили архитекторы Д. Трезини, М. Земцов, И. Коробов, И. Мордвинов, живописцы Андрей Матвеев, Александр Захаров, «персонных дел мастер» знаменитый Иван Никитин и другие. В январе 1729 года иконы установили на свои места в иконостасе.

Так закончилась история *создания* одного из самых удивительных и прекрасных творений русских мастеров петровского времени. Но не завершилась история самого иконостаса. 17 июля 1748 года ударом молнии его повредило, «позолоту попалило». Едва восстановили, как в ночь на 30 апреля 1756 года – новый удар молнии и грандиозный пожар, во время которого иконостас как главную ценность собора разобрали и вынесли по частям, но при этом он был «на многия и дробныя части розломан» – так что даже возникли сомнения в возможности его восстановления («исправлену быть в совершенство в надежде не имелось…»)

Но его восстановили и потом еще не раз реставрировали: в 1830-е, в 1860-е годы (замена обветшавших деревянных Царских врат после реставрационных работ).

Дивное творение русских мастеров живет, оставаясь для нас не только одним из первоклассных памятников петровской эпохи, но и образцом красоты и художественного вкуса.

«Academia Petropolitana»

Надлежит… такое здание учинить которым не только слава сего государства распространилась, но и… польза в народе впредь была.
Из проекта Академии. Январь 1724 год

Российская большая наука, имеющая мировое признание, родилась в нашем городе. И не случайно национальная Академия наук называлась Петербургской, а сама себя она гордо именовала звучным латинским «Academia Petropolitana» – академия Петрополя, «града Петрова».

Идея ее создания – одна из самых сокровенных идей Петра, венец его культурных преобразований. Она вынашивалась на протяжении многих лет и, как большинство петровских крупных начинаний, соединяла в себе уже наработанный в Европе и «подсмотренный» там опыт с самобытными российскими традициями и национальными особенностями. И заблуждениями тоже… При этом – никакого прямого заимствования, слепого копирования, «пересаживания» на российскую почву, – непременная адаптация европейского опыта к российской реальности.

В результате в петровской России родился совершенно новый тип научного «здания», в котором преодолевалась типичная для европейских стран разобщенность научного, исследовательского сообщества («социетета», как подобные сообщества ученых людей именовались в петровском указе) и учебного заведения, университета. Опираясь на опыт Парижской Академии наук, авторы проекта Петербургской Академии четко разделяли «собрание ученых и искусных людей», которые «во учении прочих никакого попечения не имеют», и тех, кто такое «попечение» имел, преподавая в университетах.

Петровская программа культурных реформ исходила из того, что в России «следовать в прочих государствах принятому образцу» невозможно – нет кадров, того «множества ученых людей, из которых разные собрания сочинить можно». Кадры эти надо было создать, воспитать – сделать это без помощи Европы Петру не представлялось возможным. И вопрос, быть ли будущей Академии собранием ученых людей или учебным заведением решается необычно: не *«или»,* а «и» – и тем и другим одновременно.

Впервые выстраивалась трехступенчатая модель, единый комплекс: академия – университет – гимназия. Академия утверждалась не как добровольное собрание ученых людей, а как государственное научное учреждение со своими программой, бюджетом и определенными обязанностями. И правами тоже: достаточно упомянуть о беспримерном в тогдашней России праве академиков избирать своего президента и об их праве присуждать ученые степени, то есть включать достойных в научное сообщество.

Так был решен главный вопрос и определена главная особенность Петербургской Академии наук.

И второе: что мыслилось основной задачей Академии в период ее создания – чисто научная деятельность или деятельность учебная? Очень любопытно, что в петровском указе «Об учреждении академии» не только подчеркивается, что «надлежит смотреть на состояние… как обучающих, так и обучающихся», и что «Академия также для приведения художеств и наук в лучшее состояние старается». Это «также» свидетельствует о приоритете задачи учебной в этот, ранний период истории Академии. Недаром предусматривалось, что члены Академии, «самолучшие ученые люди», обязаны были не только написать учебные пособия по своей научной дисциплине, но и еженедельно по одному часу читать лекции студентам, от чего «будет университету… прибыль».

И еще: Пётр был озабочен созданием Академии как единого научного коллектива, как «ученой коллегии», члены которой, служа науке, «для произведения наук друг друга вспомогать имеют»…

Создание Петербургской Академии наук было событием громадного значения – не только национального, но и европейского, общекультурного. По времени это стало последним великим делом Петра.

У Петербургской Академии многолетняя предыстория. «Модель» создавалась постепенно. Устройство в 1715 году в столице Морской академии – один из этапов. Очень важными были встречи и беседы Петра с великим немецким философом, математиком, историком, лингвистом Готфридом Лейбницем во время пребывания Петра в Европе в 1711 и 1712 годы; путешествуя по Европе в 1716 году, царь 25 мая посетил Ганновер, где жил Лейбниц и имел с ним беседу по проблемам развития образования и науки. Впечатления от встреч с учеными Германии, Дании, Голландии, Франции (Пётр был избран членом Парижской Академии наук) и Англии были наиболее серьезными и важными среди всех впечатлений, вынесенных из этого путешествия, продолжавшегося 21 месяц; программа культурной реформы формировалась постепенно, но целеустремленно.

Любопытна записка, написанная Алексеем Курбатовым и представленная царю. «Об установлении академии» называется она и подробно рассматривает вопросы финансирования, управления будущей Академии, ее размещение («чтоб от всех стран можно было надежно проходить»), обязанности членов Академии («испытуют они юных сердца и склонности» и должны «смотреть, чтоб во всей Академии один образ был языку и учению»).

Записка Курбатова, сохранившаяся в петровском архиве, не имеет даты; но то, что она составлена по «заказу» царя, не оставляет сомнений – настолько в духе идей Петра ее содержание. Чрезвычайно интересен и примечателен заключительный пункт, в котором «прибыль, которая из сей академии будет», определяется так: «Его императорское величество из своих подданных ученые люди получит; иноземцы будут приезжать в академию для обучения и деньги свои зде в земле тратить; которые поедут в иностранные земли… больше за один год научатся, нежели иной за десять лет» – и, следовательно, дешевле обойдутся казне…

Еще в 1718 году, возвратившись из европейского путешествия, царь, твердо решивший «зделать академию», поручает составление проекта советнику Фику, одному из ближайших своих сотрудников по разработке реформы управления – созданию коллегий. В 1719 году над подобным проектом работает и 27-летний Лаврентий Блюментрост, лейб-медик (личный врач) Петра. В поездке по Германии он встречается со знаменитым философом Христианом Вольфом и «обговаривает» с ним основные проблемы развития науки в России.

Пётр неоднократно встречался с Вольфом, обсуждая те же вопросы. Позднее Вольфу будет предложен пост президента создаваемой в Петербурге Академии, но он запросит огромную сумму, и проект будет отложен. В конце того же 1719 года Пётр в письме Вольфу излагал уже сложившуюся к этому времени идею слияния в единый научно-учебный комплекс Академии, Университета и гимназии при нем.

Л. Блюментрост

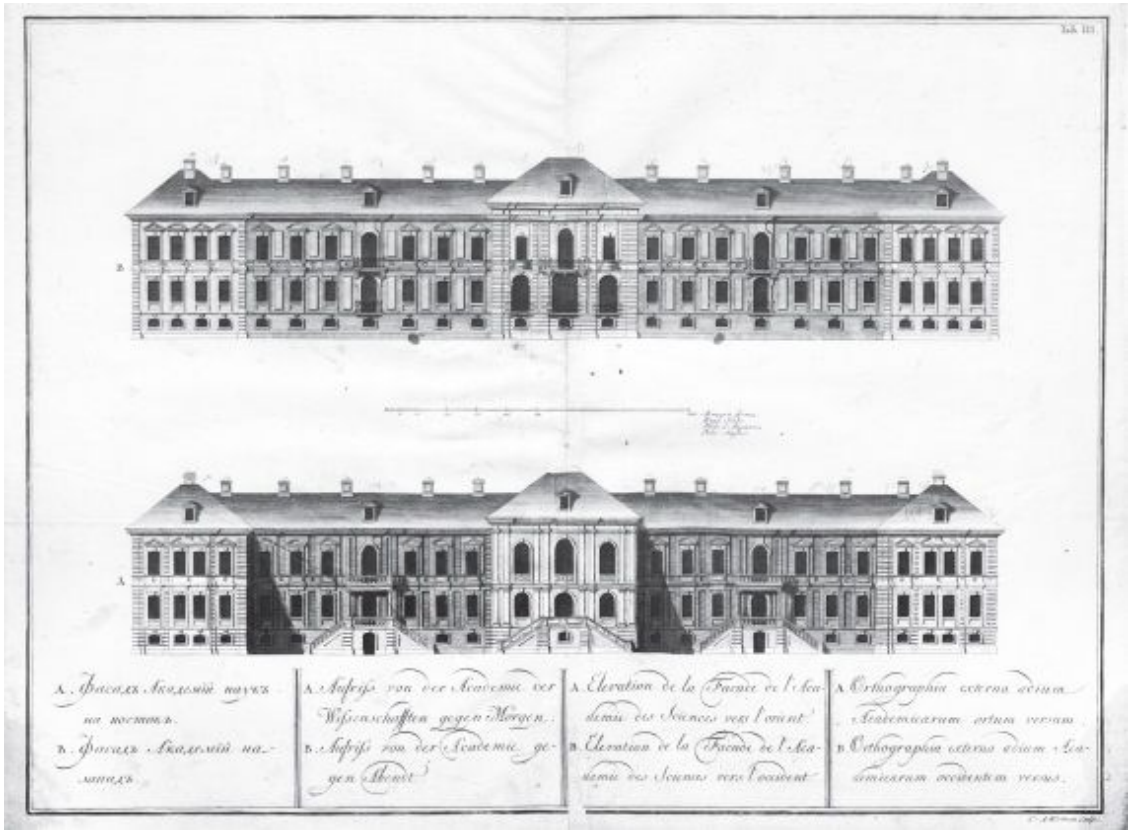
В 1720 году идею Академии как высшего учебного заведения светского направления разрабатывает в «Духовном регламенте» Феофан Прокопович. В следующем, 1721 году сотрудник Блюментроста Иоганн-Даниэль Шумахер, рекомендованный Лейбницем, совершает длительную поездку по всей Европе, знакомясь с коллекциями и книжными собраниями, встречаясь с рядом крупных европейских ученых, среди которых не только Христиан Вольф, но и будущие академики Петербургской Академии астроном и географ Жозеф-Николя Дели ль и анатом и зоолог Иоганн-Георг Дювернуа.

В 1723 году царь окончательно поручает составление проекта Академии Лаврентию Блюментросту. 22 января 1724 года в своем Зимнем доме Пётр знакомиться с готовым проектом, исправляет и дополняет его. В тот же день на своем заседании проект рассматривает Сенат и издает указ «Об учреждении Академии», в текст которого включен и одобренный царем проект Блюментроста. Через несколько дней, в феврале, президент будущей Академии начнет приводить свой проект в исполнение.

Но разработка идеи этим не завершилась. 1 декабря 1724 года один из ближайших сподвижников Петра механик и токарь «советник» Андрей Нартов подаст царю проект превращения будущей академии в «Академию наук и разных художеств» – не только архитектуры, живописи, скульптуры, но и различных ремесел: столярного, токарного, «фантанов и протчего, что до гидроики (гидравлики) подлежит», оптического, слесарного, «математических и лекарских инструментов» и т. п.

Идея эта, кстати, присутствовала и в проект Блюментроста: «Вольные художества и манифактуры, которые уже здесь заведены или впредь еще заведены быть могут, от помянутого заведения пользу имели, когда им удобные машины показаны и инструменты их исправлены будут». Век Просвещения диктовал свои законы: создаваемая Академия должна была иметь рациональное, практическое направление, выступать в качестве органа, где создавались, подвергались экспертизе и принимались меры по внедрению новых машин и различных изобретений (вспомним, что знаменитая французская энциклопедия называлась

«Энциклопедией наук, искусств и ремесел» – ремесла ставились в один ряд с наукой и искусством).



Здание Академии наук (бывший дворец Прасковьи Федоровны). Фасады. 1741 год

Это прагматическое направление отразилось и в предполагаемой структуре Академии: три разряда – математический (математика, астрономия, география, навигация, механика), физический (теоретическая и экспериментальная физика, анатомия, химия, ботаника) и «гуманиора, история и право» (история, юриспруденция, экономия, политические науки).

Следует особо отметить, что программа занятий будущей Академии была подчеркнуто светской – только «внешние науки», богословское, теологическое направление в ней отсутствовало.

Практическая работа по созданию Петербургской Академии наук растянулось на два года и завершилась уже после смерти Петра. В течение всего 1725 года в российскую столицу приезжали приглашенные для работы в Академии ученые; к декабрю, когда Академия открылась, их собралось (включая адъюнктов) 17 человек, восемнадцатым был президент Лаврентий Блюментрост. Среди приехавших были математики и физики, философы и юристы, географ и зоолог, ботаник и анатом, логик и историк. Стоит подчеркнуть, что средний возраст этих первых восемнадцати составлял всего 29 лет!..

Торжественное открытие Академии состоялось 27 декабря 1725 года и происходило в великолепном трехэтажном доме, ранее принадлежавшем вице-канцлеру Шафирову; дом этот, на Петербургском острове, у начала Большой Невки, был конфискован у бывшего владельца, «отписан в казну». Сюда к 10 часам утра съехались (по льду через Неву) все знатные особы города: Меншиков и адмирал Апраксин, архиепископ Феофан Прокопович и зять Петра герцог Голштинский.

Академик Георг-Бернгардт Бильфингер произнес актовую речь по поводу открытия Академии и сделал доклад о магнитах, математик Якоб Герман, протеже Лейбница, сказал

ответную речь. А потом состоялся парадный банкет, устроенный герцогом Голштинским в его доме.

Заседания Академии («конференции») проходили еженедельно, потом дважды в неделю – по вторникам и пятницам; иногда конференции эти были шумными – шли жаркие научные споры. Проходили также и публичные лекции, читаемые членами Академии; 2 марта 1728 года Делиль читал лекцию об учении Коперника, в октябре 1729 год лектором был молодой Леонард Эйлер – великий математик XVIII столетия.

С января 1728 года Академия наук начала издание первой регулярной (каждые вторник и пятницу) российской газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Труды академиков печатались на латинском языке.

При Академии наук были библиотека и Кунсткамера, обсерватория, типография, анатомический театр, позднее – гравировальная и рисовальная палаты. В 1742 году Ломоносов создал первую в стране научную лабораторию – химическую. Все эти учреждения размещались, как и сама Академия (с 1727 года в здании, которое сооружалось – на месте нынешних Зоологического института и музея – для царицы Прасковьи Федоровны, а после ее смерти было достроено и передано Академии наук) в восточной части Васильевского острова – так более двух с половиной веков назад возник первый в России «район науки» – Академгородок, существующий и поныне.

В конце царствования Петра Россия переживала беспримерно быстрый рост культурного потенциала. Его результаты проявятся вскоре формированием «Ломоносовского круга» национальной интеллигенции, замечательными научными достижениями и открытиями, сделанными в Петербурге в XVIII столетии.

Христиан-Фридрих Вебер писал: «Царь умеет соединить полезное с приятным… Он принял все меры к тому, чтобы сделать свою столицу приятной и для всего ученого мира»…

Библиотека Петра

Если будет продолжаться постоянное приращение и теперь уже драгоценной библиотеки, то в немного лет она станет в один ряд с важнейшими европейскими – и по числу, и по достоинству находящихся в ней книг…
Саксонский дипломат Х. Вебер. 1719 год

Эта библиотека, коллекция книг и рукописей, принадлежавших Петру, – удивительное явление и поистине замечательное, бесценное сокровище нашей отечественной культуры. Она тщательно сберегается, хорошо изучена и подробно описана, но широкой публике о ней почти ничего не известно.

Уникальность этой коллекции не в том, что она принадлежала царю. Богатейшие, ценнейшие книжные собрания были собственностью большинства монархов в разных странах и во все времена. Не была исключением и допетровская Русь. Кремлевская библиотека московских великих князей и царей содержала немало редкостных рукописей и выдающихся сочинений – некоторые из них Пётр перевез в новую столицу, и они вошли в состав его библиотеки.

Ее уникальность в том, что она собиралась при личном участии царя, была предметом его особых забот, что она не просто хранилась в царских дворцах, будучи чем-то вроде непременной детали парадного дворцового убранства, а была деловой, рабочей, постоянно «работающей» библиотекой. Она была для Петра не полученным по наследству книжным богатством, а его собственной, личной в самом прямом смысле этого слова коллекцией рукописей печатных изданий, атласов, карт и планов, чертежей, рисунков и гравюр. А после смерти императора она не осталась во дворце, а была передана в Академию наук и стала не только важнейшей книжной базой для научных исследований академиков, но и ядром первой в России общедоступной библиотеки. Удивительная судьба!

Она интересна всем – своим происхождением, процессом формирования и пополнения, своим составом, своей необычной судьбой, историей ее изучения. Но особый интерес представляет она не столько как историко-культурное явление определенной эпохи, как свидетельство необычайно широкого диапазона его интересов, творческого размаха.

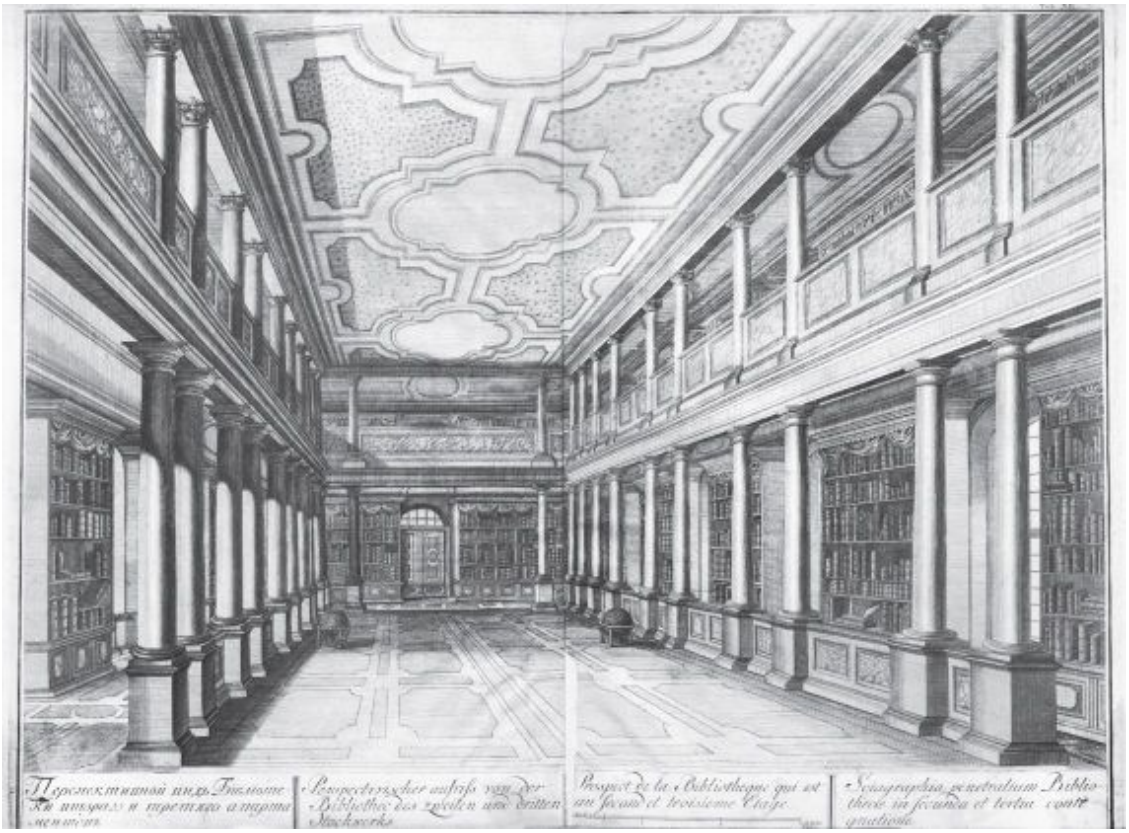
Ведь человек этот, не получивший систематического и масштабного «европейского» образования, отличался не только невероятной тягой к знаниям в самых разных областях, часто очень далеких от дел государственного управления, но и невероятной способностью учиться. Приобретение новых знаний, впечатлений и размышления над ними были его главной страстью и главной радостью. Он учился везде и всегда – на поле сражения, в общении с умельцами-профессионалами, в бесконечных поездках по России и зарубежных вояжах. И книги были важнейшим пособием в этом непрерывном учении.

Автограф Петра на одном из первых писем в Петербург и его печать

Книги, рукописи, карты, чертежи и рисунки, составляющие ныне коллекцию «Библиотеки Петра», никогда при жизни царя не сосредоточивались в одном месте как единое, цельное собрание. Они были и в петербургских дворцах: Летнем (в «Летнем старом дворе» находилась наибольшая часть книг) и Зимнем (в собственной петровской «каморке»), в загородных резиденциях – Монплезире и Дубках, в царской «токарне», в маленьком кабинете во дворце царевны Наталии Алексеевны на Московской стороне…

Чтение, рассматривание различных рисунков, гравюр и чертежей (не только для эстетического удовольствия, но и для извлечения практической пользы) было одним из любимых занятий Петра в часы одиночества, в часы отстранения от дел, в часы досуга. Это был уход в иной мир – огромный, таинственный и прекрасный. Как о многом свидетельствует, например, тот факт, что в постоянном личном пользовании царя находился замечательный альбом рисунков Марии-Сибиллы Мериан, изображавших насекомых и цветы…

Среди сподвижников Петра, «птенцов» его гнезда, было немало тех, кто собрал огромные собственные библиотеки: знаменитый Якоб Брюс и лейб-медик Роберт Арескин, дипломат Андрей Матвеев и архиепископ Феофан Прокопович, фельдмаршал Борис Шереметев и Андрей Остерман, князья Дмитрий Голицын и Александр Меншиков (хотя в отношении последнего до сих пор бытует мнение, что он оставался неграмотным – но библиотека его, опись которой сохранилась, была огромной по численности книг и прекрасной по их составу). И среди этих книжников царь Пётр был одним из самых «влюбленных» в книгу и ценивших ее как едва ли не самое главное сокровище.



Библиотека Петра в Кунсткамере. 1741 год

Очень интересны документы, свидетельствующие о том, что из личной царской библиотеки выдавались книги для работы и чтения разным людям. В одной из записей, относящихся к сентябрю 1724 года, говорится о том, что архитектор Михаил Земцов возвратил взятые им три книги, «которые отданы Его Императорскому Величеству». Царская библиотека была «работающей» не только для своего хозяина, но и для *дела,* которым он был занят и в котором участвовало множество людей…

По составу, по своей структуре библиотека Петра чрезвычайно разнообразна, даже пестра. Рукописи и печатные книги, сочинения на иностранных языках, гравюры и рисунки, рукописные и печатные карты и атласы, планы и чертежи касались множества отраслей знания, часто очень далеких одна от другой. Справочники и календари, учебная и нравоучительная литература соседствовали с «натуралией» (естествознание) и литературой практической – о ремеслах, механике и «разных художествах» (в том числе по токарному делу). Обширен раздел военный (военная история, описания и планы осад, сражений и атак, артиллерия и фортификация) и морской (морская история и право, мореплавание и судостроение). История и география (книги и карты о разных странах, вплоть до карт Гибралтара, Исландии и Камчатки, планы многих европейских городов) соседствуют с литературой по медицине. Богатейший раздел «архитектуры» делится на три части: архитектура «цивилис» (гражданская), «навалис» (морские крепости, береговые сооружения) и «милитарис» (сооружения военного назначения).

Хранитель библиотеки после смерти Петра Иоганн-Даниэль Шумахер считал, что общее число книг, рукописей, карт, рисунков и чертежей в царской библиотеке составляло две с половиной тысячи номеров. До нас дошло более 1600 единиц. И новые находки того, что входило в петровскую библиотеку, продолжаются до сих пор – это одна из особых забот

и предметов особой гордости научных сотрудников Отдела рукописей Библиотеки Российской Академии наук, где эта бесценная коллекция хранится и изучается.

Особая часть книжной коллекции Петра Великого – издания Петербургской типографии.

Она была переведена из Москвы в 1711 году, и тогда же в крепости у Петровских ворот, «у рогаток (заграждения), чрез которые ходят в город», Пётр сам заложил для типографии одноэтажный деревянный мазанковый дом, «по которому обрасцу (на основании указа 4 апреля 1714 года) все протчим здешним жителям строить велено». Типография уже работала вовсю. Первые издания были выпущены ею в 1712 году. Но первая петербургская книга вышла в свет в январе 1713 года. Это была «Книга Марсова» – замечательное издание, в котором были собраны (в сопровождении многочисленных гравированных планов баталий) реляции обо всех сражениях Северной войны. В составлении этой книги, в подборе и розысканиях материалов для нее царь принимал личное участие.

Так начиналась в новой столице в год, когда городу исполнялось всего десять лет, замечательная история петербургского книгоиздания – одна из ярчайших сторон отечественной культуры.

За первые 8 лет с печатных станков столичной типографии сошли: 81 книга, 14 календарей, 144 номера первой русской газеты «Ведомости», почти две сотни отдельно, в виде листовок, издаваемых царских указов, около двух десятков манифестов, проповедей и 28 книг на иностранных (латинском, немецком, французском, голландском и польском) языках. А всего при Петре с 1713 по 1725 год было выпущено около 400 различных изданий. И в личной библиотеке Петра собрана большая их часть.

Представляющие особый интерес иностранные сочинения из разных областей знания Пётр лично просматривал или прочитывал, решая вопрос об их переводе. Один из очень близких к царю людей, известный токарь и механик, наставник Петра в токарном деле Андрей Нартов писал, что царь «наперед изволил читать и после указал напечатать». Нартов приводит далее целый список таких книг, от «Деяний Александра Великого» и «Географии» Гибнера до книг об архитектуре, искусстве кораблестроения и «Введения в историю европейских государств»…

О своей библиотеке Пётр очень заботился. Не раз вспоминал он о ней в письмах и распоряжениях, присылаемых из разных мест. В 1718 году часть царской библиотеки вместе с предметами будущей «кунсткаморы» перевезли из Летнего дома в «Академический дом», ранее принадлежавший Александру Кикину и находившийся на берегу Невы вблизи Смольного двора. Но наиболее ценные, самые любимые свои книги, рукописи, рисунки и чертежи царь оставил при себе, в своих «эрмитажах» – местах уединения и размышлений.

А книги из царской библиотеки, находившиеся в Кикиных палатах, стали доступны всякому, «кто пожелает».

Личная часть книжной коллекции после смерти Петра была «из разных кабинетов» («из собственной конторки» в Зимнем доме, из «Казенной палаты» и «Рисовальной конторы» и из других мест) передана в Академию наук. Только в июле 1728 года сюда поступило 1200 книг, 208 рукописей и 599 названий атласов, карт, чертежей и рисунков. В конце того же года, когда в Кунсткамере был устроен особый музей – «Кабинет Петра Великого», была открыта для всех желающих и Библиотека Академии наук, в основу которой легла книжная коллекция Петра.

В «Санктпетербургских ведомостях» за 26 ноября 1728 года мы читаем: «Библиотека повсенедельно, дважды, а именно во вторник и пятницу пополудни от 2 до 4 часа открыта и всякому вход в оную свободен».

Так начался новый этап истории петровской библиотеки – отныне она стала общедоступной. И первым в России государственным книгохранилищем, и одним из основных источников научной деятельности Академии.

История библиотеки Петра принадлежит к ярким страницам культурной жизни нашей страны и нашего города в первую очередь. Было бы очень хорошо, если бы петербуржцы, проходя сегодня по площади Академика Сахарова мимо современного на вид здания Библиотеки Российской Академии наук – одной из самых богатых и значительных библиотек мира – вспоминали о том, что они находятся совсем рядом с помещениями, где хранятся книжные сокровища, собранные Петром.

Последнее торжество Петра

Видит он: облитый словно лучом золотым
Берег Невы, где разил он врагов…
Вдруг возникает там город. Народом кишат
берега…
Флагами веют цветными кругом корабли…
А. Майков. 1875 год

Этим торжеством была встреча в Петербурге мощей Александра Невского 30 августа 1724 года, за пять месяцев до смерти Петра. Событие это было как бы завершающим аккордом всей петровской эпохи, подытоживало ее. Хотя документы не сохранили прямых словесных оценок Петром великого князя Александра и его деятельности, нет сомнений, что Александр Невский был той исторической фигурой, которая вызывала у Петра наибольшее уважение. Его победа в 20-летнем возрасте над шведским отрядом на берегу Невы окрашивала героическим светом предысторию крепости и города на этом месте – Пётр был продолжателем дела, начатого Александром, довел это дело до славного завершения. Государственная мудрость и дипломатический талант Александра Невского воспринимались Петром как высокий исторический пример.

Еще в 1695 году Пётр распорядился изготовить для мощей князя Александра, причисленного к лику святых, богатую серебряную раку. В то время мощи князя хранились во Владимире в Рождественском монастыре. По верхнему краю раки и в четырех кругах по бокам были гравированы пространные надписи, излагающие основные государственные заслуги и воинские подвиги Невского. В этой раке мощи и были доставлены в Петербург.

Через семь лет после основания Петербурга здесь по царскому указу был основан монастырь, названный в честь Александра Невского. Прославленный князь становится святым покровителем нашего города. Его именем называет Пётр и вновь учрежденный орден, который стал одной из высших наград российской империи.

После окончания Северной войны Пётр, ежегодно отмечавший годовщины главных побед, одержанных в этой войне, задумывается о том, как увековечить в памяти потомства победу. Он решает отметить 30 августа – день окончания войны, заключения Ништадтского мира. А способ увековечения избирает неожиданный: торжественное перевезение в этот день в новую столицу мощей Александра Невского. И день этот становится с этого времени днем памяти великого князя, одним из самых значительных праздников молодого города.

29 мая 1723 года, накануне своего дня рождения, Пётр, прибыв из Шлиссельбурга (где он встречал ботик, доставленный из Москвы) в Александро-Невский монастырь, распорядился перевезти в Петербург и вечно хранить здесь мощи Александра Невского. Синод постановил «требовать о подобном примера». Пример находится: в 1652 году мощи митрополита Филиппа были перевезены из Соловецкого монастыря в Московский Кремль и погребены в Успенском соборе.

Разрабатываются церемония и оснащение этого шествия из Владимира через Москву в Петербург, протяженностью около тысячи верст.

30 июня издано распоряжение: «…то пронесение без всякого умедления действием производить… при народном собрании», но при этом предписывалось «нигде в лежащих при пути городах и селах» на ночлег не останавливаться, «но, проезжая оные, иметь во время потребы станы в удобных полевых местах, содержать оные в шатре, с надлежащим присмотром». Прибыть в столицу надлежало 20–25 августа – не позднее. В населенных пунктах по пути надлежало ковчег «не лошадьми везти, но руками несть»…

Балдахин подобрали в московской Шатёрной палате быстро, но с ковчегом для раки произошла заминка. Готового не было. Изготовить новый ковчег «с надлежащим державной персоне украшением» было поручено уже известному нам создателю иконостаса Петропавловского собора Ивану Зарудному. 23 июля, едва получив после долгих проволочек деньги, Зарудный сразу приступил к работе. На бюрократические утряски ушло полтора месяца – на работу и на дорогу оставался лишь месяц.

В помощь себе Зарудный требует 10 золотарей, 10 чеканщиков по серебру, двух резчиков, 8 кузнецов и 10 швей. Прислали только кузнецов и монахинь-швей. И все же работа шла: «Зарудный оное строение строил всядневно». 5 августа мастер привез ковчег во Владимир, чтобы здесь, на месте, его доделать. Времени оставалось в обрез. Виновным в задержке объявили, конечно, Зарудного: Синод угрожает ему «за то ево долговременное строение, за то свое пренебрежение жестоко публично наказан и в галерную работу сослан будет неотменно».

Иван Зарудный в Москве изготовлял ковчег наспех, не имея точных размеров раки. Когда их прислали из Владимира, оказалось, что ковчег мал. Пришлось переделывать за два дня. А размер всего сооружения был внушителен: длина с ручными носилами – 23,7 м, ширина – 5, высота – 4 м.

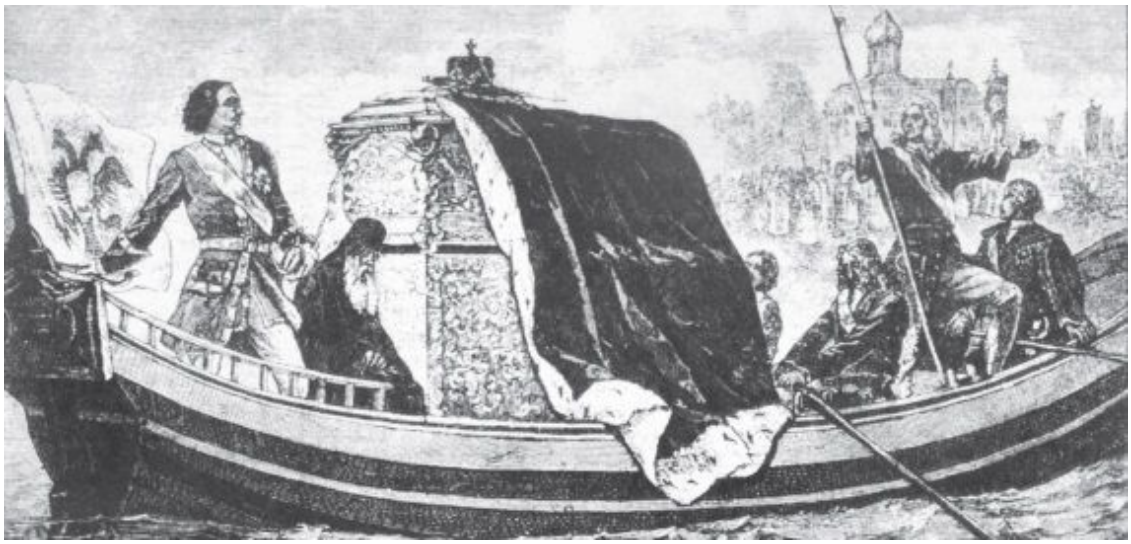
Все работы были завершены 10 августа. На следующий день, установив серебряную раку с мощами в новый ковчег, процессия «с многочисленным народом» отправилась из монастыря. До назначенного срока прибытия в Петербург оставалось две недели. Из монастырских служителей мощи сопровождали 27 человек. А «ношатых людей», которые несли ковчег на руках, из местных жителей набиралось до 70 человек; впрочем, многие из них «разбегались».

17 августа вечером процессия достигла окраин Москвы и остановилась здесь до утра; выясняли, через какие «градские ворота» входить в город – подошли по ширине только Тверские.

Путь через Москву был не прост. «Мещанскою улицею шли грязью по коленки и несли всяких чинов охотники… По Мясницкой улице итить было невозможно – что по той улице мосты все разломаны»… В Кремль не заходили «за тем, что мост у Неглинских Воскресенских ворот был взломан» и «ни в которые врата пройти было невозможно за высотою балдахина». Поэтому, пройдя Москву, балдахин сняли и сложили в сундук.

Время было безнадежно упущено – теперь уже не торопились. Только 23 августа прибыли в Клин, а 26 – в Тверь. Здесь «на улицах и в мостах по переправам чрез реку Волгу чинилось немалое замедление, понеже в улицах за теснотою ломаны многие хоромы». 3 сентября процессия прибыла на Валдай.

К этому времени уже было принято решение отсрочить торжество… на год! Процессии было приказано двигаться от Новгорода до Ладоги – водой, а оттуда в Шлиссельбург сухим путем. В Новгород прибыли 9 сентября, здесь состоялась торжественная встреча. А на следующий день поставили в судно и пошли по Волхову вниз. 13 сентября были в Старой Ладоге – все эти места былой Новгородской земли тесно связаны с князем Александром. С 13 до 15 сентября стояли в Новой Ладоге и отсюда пошли к Шлиссельбургу, куда прибыли 19 числа.

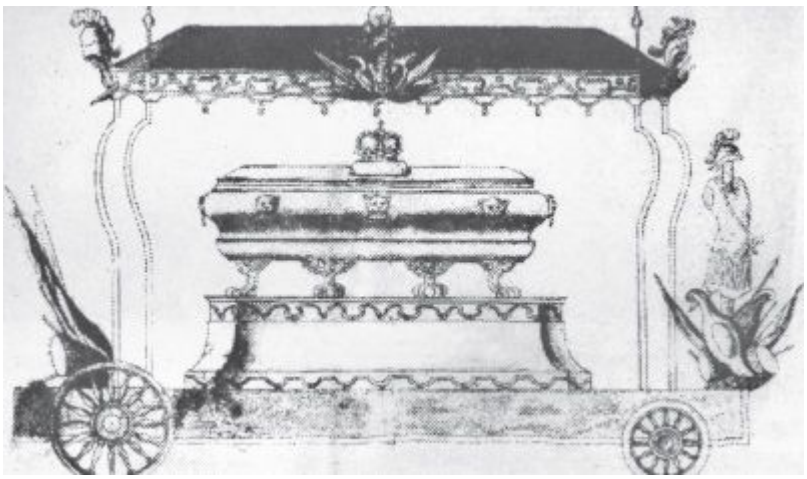


Прибытие мощей Св. Александра Невского в Петербург

Шлиссельбург встретил колокольным звоном, пушечной пальбой из крепости, музыкой. Здесь на пристани ковчег стоял до 1 октября. Дело в том, что еще 28 августа Пётр распорядился мощи «поставить до времени в шлиссельбургской каменной церкви». Чтобы пройти через крепостные ворота в храм, пришлось вынуть мощи из ковчега, а сам ковчег и балдахин «убрать и хранить до указу».

С 9 по 16 октября Пётр совершил традиционное ежегодное путешествие водой в Шлиссельбург, (11 октября – годовщина взятия крепости). Осматривал строительство Ладожского канала, поклонился мощам Александра Невского и распорядился «устроить при раке арматуру» по рисунку. Украшения раки составляли изображения знамен, барабанов, щита, резные клейма к балдахину. Адмиралтейский подмастерье «резного дела» Фёдор Евсевьев Чижик выполнил эту работу.

В Шлиссельбурге мощи стояли 11 месяцев. 30 августа 1724 года, в воскресенье, их доставили по Неве в Петербург. В 5 часов утра тремя пушечными выстрелами дали сигнал всем находившимся в столице гребным судам идти в Александро-Невский монастырь. Петровский ботик возглавлял процессию – на нем развевался императорский флаг. Около часа дня, когда все суда стали в ряды, показалось судно с мощами, шедшее по Неве сверху. «Его везли, – читаем мы у Берхгольца, – на большой, как говорили, адмиральской галере.



Ковчег с балдахином для перевозки мощей.
Рисунок 1753 года

Гроб с мощами стоял под большим балдахином на палубе. Следом шла императорская яхта. При приближении галеры ей начали салютовать сперва знаменитый ботик, стоявший впереди всех на якоре, а затем и вся флотилия. Императорская яхта отвечала из своих пушек». Пётр, Меншиков и другие вельможи выехали навстречу галере и поднялись на нее. Галера причалила к специально устроенной близ монастыря пристани, и гвардейские офицеры под звуки артиллерийского салюта «с церемониею» снесли ковчег на берег, где его встретило все духовенство в богатейших облачениях. Император находился среди шедших впереди певчих. Очевидцы отмечают невероятное множество зрителей, «великое собрание народа».

Строительство по проекту Д. Трезини Благовещенской церкви, во втором этаже которой находился храм Александра Невского, предназначенной для хранения мощей, еще не окончилось, и ковчег поместили в специально для него сооруженную часовню. «Тотчас после того, как его по ставили на место, из окна был выставлен флаг – это стало сигналом к орудийному салюту»…

А вечером следующего дня в монастыре состоялся грандиозный банкет в честь состоявшегося накануне торжества. Масштабы этого пиршества достойны пера Франсуа Рабле. В Российском Государственном историческом архиве сохранился поразительный документ: деловые записи монастырского казначея о расходах на этот банкет. Документ фиксирует цены, общие расходы и ассортимент съестных припасов и напитков на тогдашнем петербургском рынке.

Грандиозное пиршество в монастыре стало событием исключительным для молодой российской столицы; о его размахе можно судить хотя бы по тому, что для гостей заготовили 240 тарелок и столько же блюд. Полнота отраженных в сохранившихся финансовых документах сведений о закупленных припасах и об их ценах придают этому документу не только уникальность, но и особый интерес, очень подробно представляющий реальное состояние рынка съестных припасов в Петербурге, лишь четыре года пребывавшего столицей Российской империи. Эти обстоятельства заставляют нас поддаться соблазну привести обширные выдержки из уникального документа монастырского архива. «Хлебов разных» было закуплено 54 (в том числе 20 «двоеситных»); за ними следуют разные крупы, более двух пудов соли, два ведра сметаны, два килограмма хрена, два килограмма патоки, 74 соленых сига, два ведра молока, ведро соленых огурцов, сто кочанов капусты, куриного и утиного мяса… Дальше в ведомости следуют корова и большой бык и огромный набор разных питий: вин, пива, квасу, «кислых штей» – всех питий всего более семидесяти ведер. Поражает воображение сегодняшнего читателя и громадный набор разных приправ и пряностей (уксус, кардамон, гвоздика, «ананусы», мускатный орех, шафран, корица, изюм, мед и миндальный орех, инжир, лимоны, чернослив и прочее). Счет цыплят, утят, рябчиков и тетеревов, баранов, свиных туш, телят и поросят шел на десятки; для их приготовления требовалось 20 «блюд коровьих» и три вертела, девять противней, восемь больших кастрюль, четыре сковородки и «котел круглый с крышкой».

Ведомость включает огромное количество луку, одну тысячу яиц, живую рыбу, белужину, более двух пудов голландских сельдей, красную икру, вязигу… Для освещения пиршественного зала монастыря было куплено полтысячи свеч…

Согласитесь, документ производит на современного читателя ошеломляющее впечатление. Прежде всего тем, что дает представление о реальных масштабах не только торжественного мероприятия, но и бытового наполнения повседневной жизни, сформировавшейся в молодой столице всего лишь за 20 лет существования города. Это представление

особенно важно для нас, потому что разрушает странное убеждение о том, что Петербург в тот период своей истории был каким-то странным городом, «построенным на костях» и ведущим какое-то призрачное существование, далекое от того, которым жила вся остальная Россия.

Получилось, однако, так что грандиозная и по замыслу и по исполнению торжественное перевезение на невские берега мощей князя Александра Невского стало завершением великой эпохи истории Петербурга, неразрывно связанной и с именем Петра, и с его представлением о месте и выдающемся историческом значении этого города. Великий Пётр уходил из жизни, так и не увидев в реальности воплощение своей главной мечты.

А через четверть века – новый поворот в истории мощей Александра Невского. В 1742 году, в самом начале царствования Елизаветы Петровны, во владениях знаменитых Демидовых, на Колывано-Воскресенских заводах обнаружили месторождение серебра. И из первого добытого здесь серебра решено было изготовить новую грандиозную раку (общий вес всех ее частей 1,4 тонны). Изготовляли это выдающееся художественное творение в Петербурге на Монетном дворе. Работы начались в 1746 году и завершились к лету 1750 года. Именно тогда Михаил Ломоносов сочинил 8-строчную надпись к раке, и 16 июля императрица в Царском Селе утвердила текст. На следующий день в Академию наук поступило предписание «на делающейся серебряной раке в пристойном месте вырезать надпись», поручив это «имеющимся при Академии наук рещикам литер». Работу поручили знаменитому граверу Михаилу Махаеву. Замечательные мастера-чеканщики в это же время продолжали работать над барельефами, украшающими раку и изображающими подвиги Александра Невского и его смерть.

Только в 1752 году все работы окончилии мощи поместили в новую раку. В 1790 году, когда освящали новый главный собор монастыря – Троицкий, раку с мощами перенесли сюда.

В 1922 году, во время кампании по изъятию церковных ценностей для помощи голодающим, раку изъяли из лавры и как выдающееся произведение декоративного искусства передали в Эрмитаж, где она находится и поныне. Мощи сохранялись в Музее истории религии в Казанском соборе, откуда 3 июля 1989 года их торжественно переместили в Александро-Невскую лавру.

Похороны императора

Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его при нас есть. Какову он Россию свою сделал – такова и будет!
Ф. Прокопович. Из «Слова на погребение Петра Великого». 8 марта 1725 года

Последний год жизни Пётр пережил очень тяжело. Измученный частыми приступами болезни и вынужденный скрывать это от окружающих, томимый мрачными предчувствиями, ощущением одиночества в делах и начинаниях, понимающий обреченность многого, что не успел завершить – обреченность потому, что не было в поле зрения достойного продолжателя, – царь метался, не находил себе места, переходил от пребывания среди множества разных людей к полному одиночеству в своей «каморке». И в делах, в реформах 1724 года был наименее плодотворным и значительным.

1 января 1725 года петербургское небо озарилось новогодним фейерверком, потом – праздник водосвятия. 16 января царь был в гостях у Ульяна Синявина, а на следующее утро он не смог подняться с постели. Сказались, вероятно, и недавнее катание в санях по улицам города, и излишества, допущенные в праздничные дни.

Болезнь развивалась стремительно, симптомы были устрашающими. После кратковременного облегчения, в ночь на 24 января – резкое ухудшение. Сделанная на следующий день операция не принесла заметного улучшения – все четче обозначалась картина общего заражения организма. Конвульсии, частые потери сознания – современники говорили, что крики от боли были слышны на улице даже через плотно закрытые окна.

27 января совершили соборование. Десятки людей собрались во дворце, окруженном стражей, – во дворце, где в небольшой «каморке» метался в беспамятстве доживавший последние часы великий сын России.

Смерть наступила в 5 часов 15 минут утра 28 января, в четверг. Пётр прожил 52 года и 8 месяцев. 19 235 дней…

Весть о смерти царя мгновенно распространилась в городе. А в Зимнем дворце начала работать Комиссия церемониального учреждения во главе с генералом Яковом Брюсом.

Тело Петра вынесли из «каморки» а «Малую залу» дворца и положили на «парадной постели». Здесь и запечатлел его 45-летний художник Иван Никитин – самый приближенный к царю живописец.

А в это время готовили убранство большой дворцовой «печальной залы». Проект этого убранства создали замечательный художник-декоратор француз Никола Пино, давно уже работавший в Петербурге, и архитектор Михаил Земцов. Подготовка всех материалов и «припасов» для украшения зала возлагалась на Адмиралтейское ведомство.

И. Никитин.
Пётр I на смертном ложе

«Траурная зала» площадью около 200 кв. м, выходившая окнами на Неву, была обтянута черным сукном с серебряными украшениями. На потолке – огромных размеров Андреевский крест, с потолка и пяти серебряных паникадил свешивались черно-золотые ленты. Окна плотно закрыты, по стенам зала и над дверями (а их по одной стене было шесть) – золоченые бра и гербы всех российских провинций. Вдоль обеих длинных стен зала стояли на мраморных пьедесталах по две мраморных фигуры, символизирующих Премудрость, Храбрость, Мир и Справедливость. Тут же были установлены четыре большие беломраморные пирамиды, на пьедесталах которых в бронзовых рамах надписи: «Трофеи воинские», «Мореплавание». «Дела политические», «Исповедание веры», а между этими пирамидами – два мраморных скелета, держащие занавес с «превеликим надгробным надписанием». Текст «надписания» гласил: «Сетуй и плачися, Россия»…

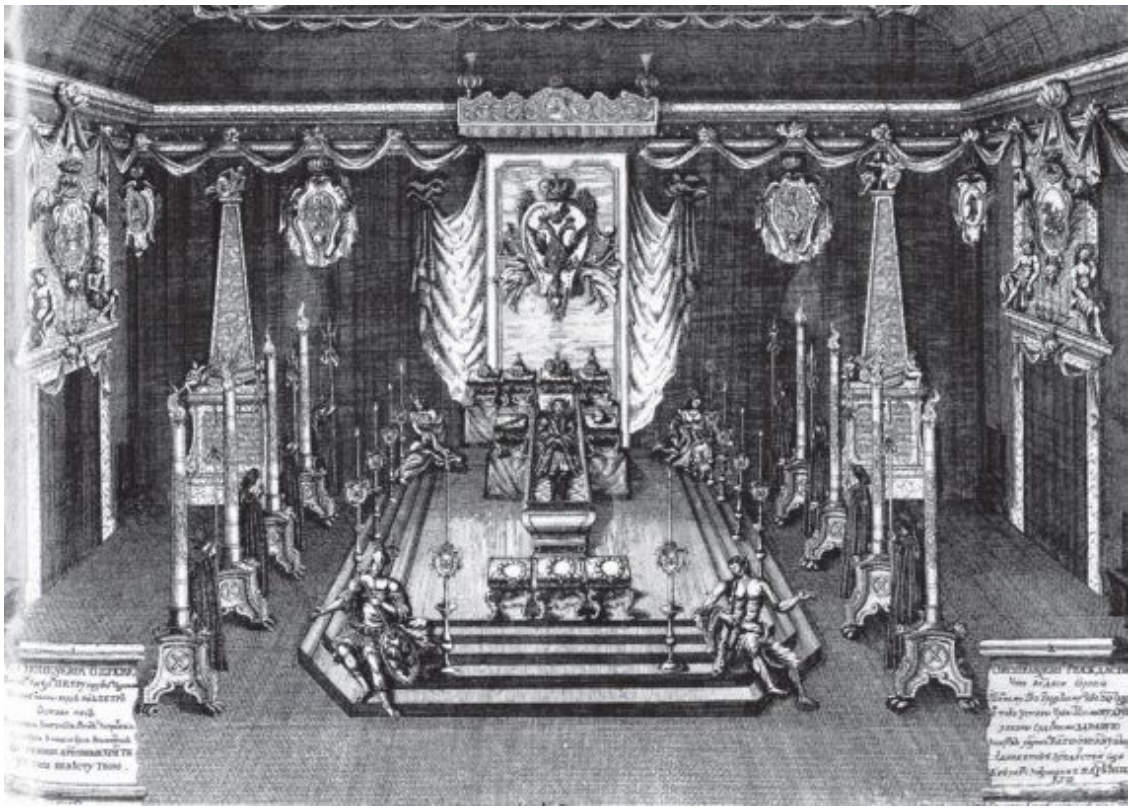
У противоположной стены на ступенчатом возвышении, покрытом златотканым персидским ковром, стоял оклеенный золотой парчой с серебряным галуном гроб под высоким бархатным балдахином. В оглавии гроба – герб, поддерживаемый двумя нарисованными скелетами, а над гербом – изображение ордена Андрея Первозванного; выше, на стене, – развернутая императорская мантия из золотой парчи. Вокруг гроба на девяти золоченых тумбах располагались царские регалии: 4 короны, скипетр, держава и 3 ордена, а на ступенях – 12 бронзовых подсвечников с огромными восковыми свечами и 4 статуи, изображающие «Россию плачущую», «Европу сетующую», «Марса в печальном образе» и «Геркулеса с палицею, весьма от печали прискорбного…»

30 января подготовка «печальной залы» была окончена, и тело перенесли сюда, положив на «парадную постель». Здесь оно пролежит 40 суток, до дня похорон, – и все это время будет открыт жителям Петербурга доступ во дворец для «всенародного прощания». Для удобства доступа и для выноса гроба соорудят примыкающие к окнам на Неву крыльцо и лестницу к нему с набережной…

Город был погружен в траур. На воинских знаменах и офицерских шпагах черный флер, барабаны обтянуты черным сукном. Но жизнь продолжалась.

3 февраля военные и моряки принесли присягу императрице Екатерине I. Голландский резидент в Петербурге писал в эти дни в Гаагу: «Смерть царя до сих пор не внесла никаких

изменений. Дела продолжают идти в направлении, какое им было дано раньше, и даже издан указ, предписывающий все сохранить по-старому».



Печальная (Погребальная) зала Петра I

В эти дни и недели недостроенный еще Петропавловский собор окончательно получает предназначение быть императорской усыпальницей. К этому времени в нем уже похоронены пятеро (из 11) детей Петра, включая царевича Алексея, его сестра царевна Наталья, а также невестка, внучка и две «вдовствующие царицы» – жены братьев Федора и Ивана.

Доменико Трезини получает задание срочно соорудить в центре недостроенного каменного собора временную деревянную часовню для помещения в ней гроба Петра; через некоторое время для этого будут отпущены 1200 аршин холста и 3 пуда гвоздей. Часовню эту, обтянутую холстом, побелят. А над гробом начинается сооружение пирамиды, украшенной медными и лаковыми досками.

В эти же дни возникает идея сооружения над гробом мраморного памятника Петру. 16 февраля голландский резидент в своем донесении напишет: «В Италию послали рисунок надгробного памятника, который собираются поставить покойному царю. Приказано выбрать для этого самый лучший и наиболее ценный мрамор, какой только найдется. На памятнике будет вырезана надпись, которая в немногих словах даст представление о жизни и великих деяниях государя…»

Мастера-чеканщики изготовляют штемпели для чеканки памятных медалей. Мастер Ярган Трасти и медники Александр Семенов и Яков Кузьмин с 12 февраля трудятся над изготовлением из красной меди ковчега, в который будет помещен гроб. Трезини руководит обивкой тесом крепостных бастионов и куртин, где во время похорон будут стоять полки. На 40-й день после смерти, 8 марта, Псковский архиепископ Феофан Прокопович произносит в Петропавловском соборе свое знаменитое «Слово о погребении Петра Великого»; в тот

же день по всему городу под барабанный бой объявляется, что похороны состоятся в среду, 10 марта.

В этот день в 7 часов над погруженным в предутреннюю мглу Петербургом разнеслись три сигнальных выстрела с крепости. Родственники и ближайшие сотрудники Петра собрались в Зимнем дворце. По льду Невы от почтового двора, находившегося близ места нынешнего Мраморного дворца, к Петровским воротам крепости был положен «мост» – дощатый настил, вдоль которого по обе стороны стояли 1250 солдат с факелами в руках. Все расквартированные в столице полки, сухопутные и морские, стояли в строю по маршруту процессии – по набережной от Зимнего до почтового двора и по льду до крепостных ворот и отсюда до дверей собора. Всего в строю стояло 10 638 человек.

Случилось так, что за неделю до похорон, 4 марта, скончалась полуторагодовалая дочь Петра Наталья. Отца и дочь хоронили одновременно.

Траурная процессия двинулась от дворца вскоре после полудня. Вынесенный из «печальной залы» на крыльцо и спущенный на набережную по лестнице гроб поставили на сани, запряженные 8 лошадьми под бархатными попонами; лошадей вели под узды четыре гвардейских и четыре морских офицера; богато украшенный балдахин над гробом (на каждой штанге по 8 золоченых орлов и по 4 цветка) несли 16 генералов, офицеров, корабельных мастеров – близких сотрудников царя.

Гроб замыкал процессию. Впереди двигались гвардейцы с алебардами, шеренги музыкантов, пажей, «придворных кавалеров» и иностранных купцов, «депутатов от города». Знамена, гербы царств, земель и провинций… Офицеры, сановники, духовенство… Генерал-майор Головин нес императорскую корону, прославленные военачальники – четыре императорских меча с золочеными эфесами, государственные регалии и ордена. За гробом шли члены семьи, самые близкие сотрудники, высшие придворные чины и статс-дамы, супруги вельмож, представители купечества. Замыкали процессию, как и открывали ее, гвардейские унтер-офицеры с алебардами.

С момента выноса гроба из дворца и до внесения его в собор орудия на бастионах крепости и в Адмиралтействе стреляли каждую минуту. Не умолкал колокольный звон во всех храмах города, а на Петропавловской колокольне «играли печальные стихи» (мелодии).

Перед входом в собор все участники процессии совершили на соборной площади сложное перестроение, а солдаты всех полков переместились на бастионы и куртины, откуда вели непрестанный «беглый огонь» из ручного оружия.

В соборе у гроба началась заупокойная служба, за ней – прощание. А по окончании церемонии «учинена была стрельба изо всех пушек вдруг залпом трижды». У гроба стал почетный караул, стоявший «денно и нощно».

В фондах Российской Национальной библиотеки хранится уникальная, огромной длины рисованная на бумаге панорама церемонии погребения Петра, выполненная современником.

Через два с небольшим года рядом с гробом Петра установят гроб с телом Екатерины I, а еще через два с половиной года, в ноябре 1728 года, – гроб с телом их дочери Анны Петровны, доставленный из Киля, где она скончалась.

А строительство грандиозного каменного Петропавловского собора тем временем продолжалось. Завершалась кладка стен, возводились гигантские столбы, сводились стропила кровли, воздвигался центральный купол, монтировался резной иконостас, исполнялись отделочные и живописные работы.

И вот 29 мая 1731 года, накануне дня рождения Петра и через шесть с лишним лет после его смерти, гроб с телом царя, стоявший во временной деревянной часовне внутри строящегося собора, был «предан земле». А над могилой у южных дверей поставили над-

гробие из рускольского мрамора с высеченным на нем текстом. В 60-е годы XIX века надгробие это заменили существующим ныне беломраморным.

Нельзя не сказать о том, что в начале 1726 года, через год после смерти Петра, возникает идея сооружения в соборе «мавзолеи» в память первого императора России. Растрелли-отец исполняет проект и модель этого сооружения, и Ульян Синявин уже 14 марта представляет ее Екатерине I. Но одобрения удостаивается 9 мая того же года модель архитектора Браунштейна, и в конце июля начинается изготовление лаковых досок для «розцвечивания мавзолеи». Но чем эта затея окончилась – мы не знаем.

А вот Михаил Ломоносов в 1758 году обдумывал проект памятника Петру Великому. Одну из сторон монумента предполагалось украсить мозаикой «Погребение государево». Программа этой мозаики гласила: «Сия картина будет чрезвычайна. По Неве реке, льдом покрытой, церемония в черных платьях, факелы, балдахины, блистание от пальбы пушек; все сие видно сквозь падающий густой снег, который при выносе общей печали соответствовал…»

Но замысел остался неосуществленным. А у надгробия над могилой Петра – не только памятные медали разных лет, не только бюст царя и распростертый над беломраморным саркофагом Андреевский флаг, но и букеты живых цветов. Всегда – в любую погоду, в любое время года…

«Парадиз»

В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе…
А. Пушкин. «Полтава». 1828 год

В мире множество городов, возникновение которых вызвано не «естественными» причинами, ходом самой жизни, но связано с конкретными человеком или событием – иной раз случайным. Но за каждым таким фактом – историческая или жизненная предопределенность.

Петербург создан волей одного человека. Пётр – не только автор идеи этого города, но и вдохновитель ее исполнения и главное действующее лицо огромной исполнительской работы. Я убежден, что Пушкин, говоря об «огромном памятнике себе», имел в виду не монумент Петра на площади перед Сенатом, а именно сам город, Петербург в целом – как идею и ее воплощение – главное дело Петра.

В момент рождения у будущего города были военное назначение и военные предпосылки: форпост, передовая крепость на линии фронта. Но в трудных условиях войны юный город быстро «перерос» эти рамки. Пётр вдохнул в него великую идею, провидел его непростое, трудное, но славное и прекрасное будущее. Петербург скоро стал форпостом не на военном театре, а на театре национальной и европейской истории. Город стал не только «окном», через которое Россия и Европа узнавали друг друга, но и «мостом», прочно их соединившим.

Думается, распространенное мнение о том, что основание Петербурга было продиктовано только личным желанием царя, его «капризом», – глубоко ошибочно. Не капризом, а предвидением, пониманием, знанием «Предназначения» (А.С. Пушкин). Акт этот имел мощные исторические предпосылки, город был «востребован» не только актуальными нуждами, превратностями военной судьбы, но самим Временем. Он возник не только на границе моря и суши, не просто «на стыке» России и Европы, разных миров и культурных потоков – он родился «на острие» сложной эпохи, стал ее символом. Новый во всех отношениях город отражал новую идеологию – идеологию Просвещения, новое представление о мире, новую культуру.

Пётр не столько видел этот город в настоящем, сколько провидел его в будущем. Это был его город, и он влюблено называл его «парадизом» – райским садом, имея в виду не столько реальный, еще не сложившийся город, сколько задуманную, выношенную им фундаментальную «идею» города-архипелага. (Ведь Петербург – единственный город России, раскинувшийся не просто на морском или речном берегу, но на десятках островов, связанных между собой единым «интересом», общим укладом, стилем и ритмом жизни.

До нас дошли сотни документов – писем, заметок, подлинных планов и чертежей, – свидетельствующих о постоянном интересе и внимании Петра ко всему, вплоть до мелочей, связанному с застройкой Петербурга, Петергофа, Кронштадта, Стрельны, и о личном вмешательстве царя в решение этих вопросов – иной раз очень жестокому. Архитекторы-строители юной столицы были в числе ближайших сотрудников Петра.

Но не только в этом, прямом смысле можем мы назвать его главным архитектором Петербурга в первые два десятилетия жизни города. Из памятников архитектуры того времени сохранилось до наших дней не более десятка – и не о них речь, не они «звучат» с особой силой в сегодняшнем Петербурге. От петровского «парадиза» до нас дошло нечто гораздо

более и важное, чем отдельные достопримечательности: общая идея «города-архипелага», его просторность, изгибы речных рукавов и прямизна каналов – водных «проспектов», геометричность планировки. Удивительная целостность, органичное соседство разнообразных «несоединимостей». Разные национальные культуры, слившиеся с русскими традициями в этом интернациональном с первых своих дней городе.

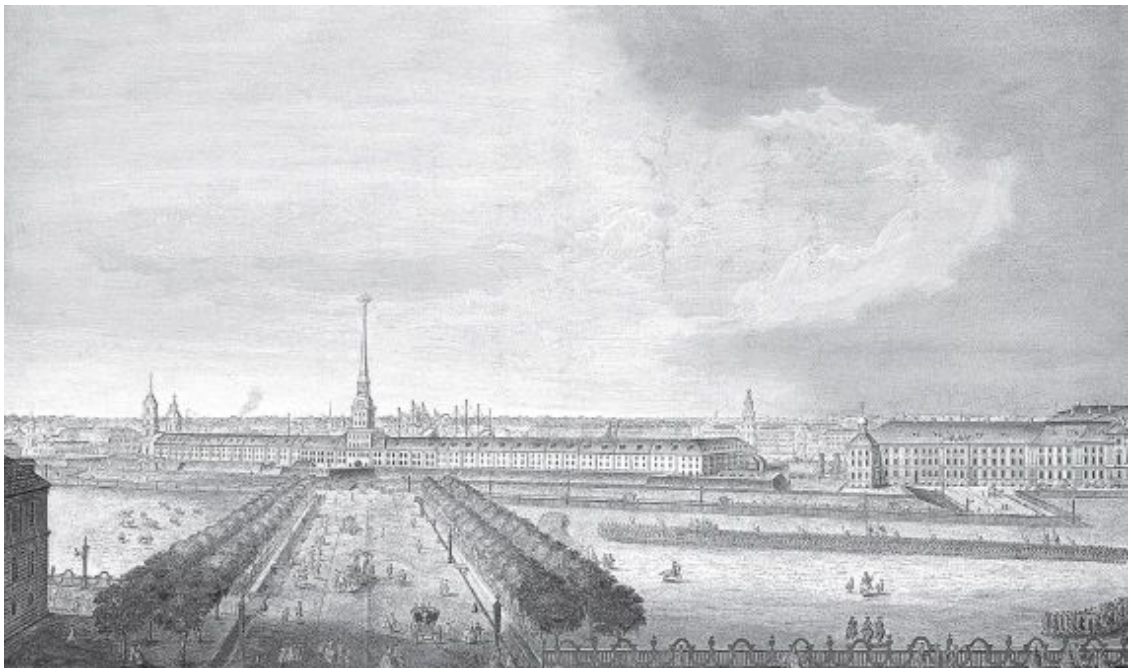
Удивителен, неповторим задуманный еще Петром силуэт «парадиза»: остроконечные «шпицы», венчавшие и общественные здания, и храмы, и многие деревянные строения, и лес мачт над Невой. «Шпицы» Петербурга – не только европейский архитектурный мотив, но и своеобразное видоизменение традиционного русского шатра.

Мы часто говорим о мотиве «трезубца» в планировке Петербурга. Мотив этот возник позднее – но в «трезубце» аллей Стрельнинского парка, заложенного при Петре, он уже явственно заметен. Петербургские городские кварталы – «колюмны» (это по-итальянски, а по-русски «колонны» – «Коломны») могли бы показаться однообразными, стандартно-скучными, если бы не соседствовали с великолепным зеленым нарядом города, о котором Пётр постоянно и нежно заботился. «Цветы шесть кустов пионы привезли в целости, – писал царь Тихону Стрешневу еще в июле 1704 года, – а цветы немалые зело жалеем, что кануферы, мяты и прочих душистых не прислано».

Роскошный и по европейским меркам Летний сад и огород, громадный, протянувшийся от Большой до Малой Невы, и превосходно устроенный сад при доме Меншикова, Итальянский сад и Царицын луг (Марсово поле), Аптекарский огород и Екатерингоф, великолепная зелень островов и «загородные домы», «ожерелье» пригородных усадеб, дворцов и парков – все это делало «юный град» «красой и дивом» не архитектуры, а природы. Природы, о чистоте и неприкосновенности которой Пётр неустанно заботился, утверждая многочисленные указами не только строгий режим охраны вод и лесов, но и жестокие наказания за нарушение этого режима.

Город рос быстро, утверждаясь в сознании современников, преодолевая присущий ему в первые годы налет «временности». Но при этом обострялись и социальные контрасты, проявлявшиеся не только в повседневном быте, но и в облике города – города дворцов и слобод, роскошных особняков знати и бедных изб простонародья.

Город – это люди, населяющие его. Среди жителей петровского Петербурга было много таких – в том числе и из дворянства, – кто приехал сюда не по своей воле, а подчиняясь строжайшим приказам царя или «разнарядкам» местного начальства. Но большинство этих людей были людьми дела: мастеровые, строители, «работные люди», купцы, мелкие торговцы и ремесленники. И в Петербурге с этого времени формировалась новая деловая культура, основанная на уважении к профессиональному умению, предприимчивости, способности применить себя в новых условиях.



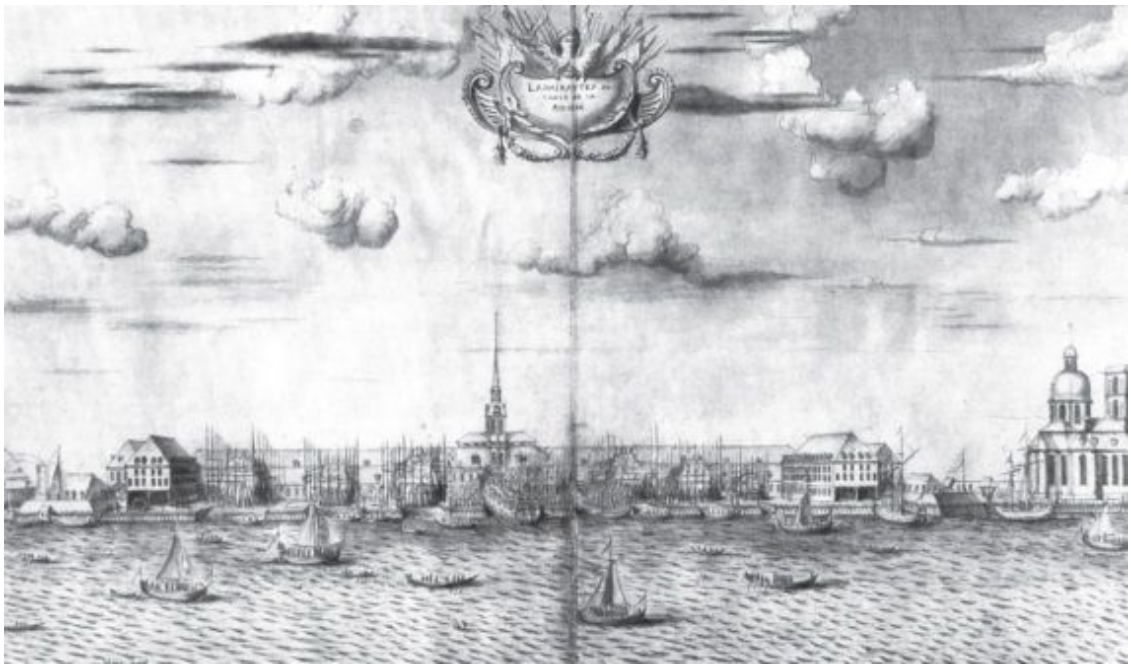
М.И. Махаев. Проспект Адмиралтейства с Невской перспективной дороги

Именно это – а не только царские указы с непременными угрозами жестокого наказания за ослушание – способствовало тому, что на берега Невы уже в эти годы начали стекаться силы нации – наиболее энергичные, честолюбивые, деловитые и образованные. И здесь происходило их естественное сближение с многочисленными иностранцами, которые разными путями и способами и по различным поводам прибывали в молодую российскую столицу – кто на несколько лет, кто надолго, а кто – «на всю оставшуюся жизнь».

Петербург с петровского времени – и навсегда – определился как интернациональный по составу своего населения город. Вековая российская ксенофобия, недоверие и нелюбовь к «чужакам», преодолевалась здесь органично и безболезненно. Толерантность, терпимость к образу мышления и укладу жизни, к верованиям и убеждениям других людей, стала с первых лет законом жизни детища Петра.

Да и могло ли быть иначе в городе, который бок о бок с русскими зодчими и мастерами проектировали и строили немцы и итальянцы, украшали французы и голландцы, где торговали английские купцы и выходцы из Прибалтики и где рядом с приехавшими из российских городов ремесленниками жили пленные шведы. (Ведь мало кто знает, что в 1719 году – одновременно с Александро-Невским монастырем – в Петербурге появилась лютеранская кирха, а в 1718 г. – англиканская церковь, пастором в котором был Томас Консетт – ученый человек, член Королевского общества.)

Эту особенность Петербурга как интернационального по духу города отмечали все находившиеся в российской столице постоянные дипломатические представители (тоже петербургская «новинка») различных европейских стран: французы Лави и Кампредон, англичанин Витворт, датчанин Юль, немцы Ребер и Фокеродт…



Х. Марселиус. Вид Адмиралтейства с Невы. 1725 год

Петровский Петербург энергично впитывал европейский культурный опыт. Отсюда уезжали и сюда возвращались русские юноши, посылавшиеся в разные страны для обучения. Сюда свозились закупаемые в европейских городах редкие книги, гравюры, произведения живописи и скульптуры. Век Просвещения – время нового «витка» интереса к античному миру и его культуре; античные сюжеты, символы, эмблемы «вживались» в культурную среду петровского Петербурга. Античные сюжеты, мифологические боги и герои, увековеченные в статуях, установленных на аллеях Летнего сада, стали первым в России «музеем под открытым небом». А триумфы военных побед и праздничные фейерверки были насыщены сюжетами и мотивами, взятыми из античной культурной традиции. «Перед большой кашкадою, – читаем мы в одном из документов 1723 года, – наверху делать историю Геркулову, который дерется с гадом семиглавым, называемым гидрою, ис которых голов будет по кашкадам…»

О Петербурге как городе, где началось формирование российского варианта европейской системы образования, как о месте рождения отечественной науки написано и сказано немало. Но хочется особо подчеркнуть, что уже в петровское время невский «парадиз» стал центром важнейшего процесса познания России, «узнавания» страной самой себя – своих природных богатств, своих национальных традиций.

Отсюда во всех направлениях уходили замечательные научные экспедиции. И сюда же стекался, здесь сосредоточивался добытый в этих экспедициях материал. И здесь, на невских берегах, формировалась и развивалась отечественная историческая наука, культура исторического знания. Здесь хранятся и знаменитый летописный «Лицевой свод», и исполненная по желанию Петра копия «Радзивилловской» («Кенигсбергской») летописи. Здесь по указанию Петра и под его редакцией создавались оригинальные сочинения по истории России и Северной войны, собирались документальные материалы по истории Петербурга.

Все это – факты большого культурного значения. Без них была бы неполной история города. История, в которой наряду с лестными панегириками в честь города, с его идеализацией нередко слышатся нотки отрицания национальной сущности этого «парадиза», его «искусственности», «придуманности», «чуждости» Росии.

История эта очень непроста, полна противоречий и контрастов, сказавшихся с первых лет истории города. В этой истории много трагического, бедственного – по несравнимо больше величественного, славного, исполненного красоты и достоинства.

И в этом отношении Петербург – больше, чем какой-либо другой город России, – созвучен нашему сегодняшнему времени…

Они поведали нам историю города

Первый «описатель» Петербурга – Андрей Богданов

Сие мое историческое описание, якобы не весьма надобное, по впредь будущему роду, может, и услужительно потребуется.
А. Богданов

Биография Андрея Ивановича Богданова, автора первого исторического описания нашего города, содержит немало «белых пятен» – вплоть до того, что мы не знаем достоверно ни года, ни места его рождения. А распространенные в изданиях XIX века сведения о том, что был он «природный японец» – легенда, хотя составителем первого в России учебника японского языка (оставшегося в рукописи) он в самом деле являлся.

Но что мы знаем о нем достоверно? То, что он, простолюдин, выходец из среды тех «работных людей», которые строили, создавали этот город, стал не только одним из первых «истинных петербуржцев», петербургских патриотов, но и одним из представителей первого поколения отечественной, петербургской интеллигенции. Он отдал Петербургу не только полвека своей жизни, но и первым из русских людей описал город в пространном своем сочинении.

Странной была судьба Богданова. Статьи, посвященные ему, можно встретить в десятке энциклопедий и энциклопедических словарей (начиная с Николая Новикова, который еще в 1772 году в своем «Опыте исторического словаря русских писателей» назвал Андрея Богданова «мужем ученым и искусным»), но многие его работы доныне не напечатаны и сохраняются в рукописях. А «Историческое описание Петербурга», впервые увидевшее свет почти через тридцать лет после того, как было написано (да и то в сильно измененном, искаженном виде), издано в авторском варианте, по рукописи, лишь в 1997 году.

В 1753 году Невской столице исполнилось полвека. К этому юбилею, который так и не был отмечен, готовились широко. Растрелли составил грандиозный план превращения большого луга против Зимнего дворца (нынешней Дворцовой площади) в мемориальный комплекс, посвященный Петру Великому, отцу царствовавшей императрицы Елизаветы. Был составлен и отпечатан огромный «парадный» план Петербурга, гравер Академии наук Михаил Махаев исполнил серию «проспектов», замечательных видов столичного города. И Андрей Богданов тоже внес свою «лепту» – задумал создать первое описание «сего царствующего града»; его местоположения, истории создания и развития за первые полстолетия. Труд этот заслуживает названия «первой петербургской энциклопедии» – настолько он полон, систематичен и основателен (при всей архаичности языка, которым написан).

Мы не знаем, когда Богданов начал работу над своим сочинением. И никогда не узнаем, как ему удалось «вписать» эту огромную работу в тот плотный «жизненный график», который определялся и разнообразными его служебными обязанностями в Академической библиотеке и Кунсткамере, и делами домашними, семейными (непросто, вероятно, было жить, если жалованье единственного кормильца семьи составляло всего… 96 рублей в год).

Т. Дмитриева. А.И. Богданов. 2002 год

А работа проделана поистине гигантская. Андрей Богданов (напомним, что в его распоряжении не было ни одного завершенного сочинения о Петербурга, ни одного систематизированного свода сведений о городе) собрал огромную «базу данных», используя не только все доступные ему по службе материалы, хранившиеся в Библиотеке Академии наук и в «академической архиве», но и множество сведений, почерпнутых у живых свидетелей и участников тех или иных событий, дополнив эти сведения собственными воспоминаниями. Но сомнений в том, что работа эта продолжалась долго, не один год, быть не может.

В конце 1750 года она завершилась. Огромная рукопись – 341 лист большого формата – была аккуратно переписана наемным переписчиком, снабжена 109 рисунками, тщательно переплетена в кожу с золотым тиснением. Автор украсил ее портретами Петра и Елизаветы, дополнил планом города и предпослал авторское предисловие, собственноручно подписанное 18 декабря…

«Описание» было представлено «по служебной инстанции» в Канцелярию Академии наук – и «застряло» там без движения. Неизвестно, узнала ли императрица о том, что есть такое сочинение, посвященное ей. Неизвестно, почему Академия «волынила» с решением об опубликовании труда своего сотрудника. Лишь полтора года спустя (!) Президент Академии наук граф Кирилл Разумовский распорядился выплатить Богданову 50 (!!) рублей – сумму, едва покрывавшую расходы на переписку, иллюстрирование и переплетение сочинения. И – снова «ирония судьбы» – сочинение Богданова передается на хранение в Архив Академии,

находившийся в ведении… самого Андрея Богданова. И на первом листе появляется сделанная его же рукой помета: «Получено в библиотеку при ордере… 1752 году сентября 19 дня по № 1616». Круг замкнулся…

Но Андрей Богданов не прекращает этой работы – она продолжается еще полтора десятилетия, до самой его смерти. Идет собирание самых разнообразных материалов, уточнение различных данных о времени и условиях постройки зданий, о перестройках и ремонтах, о мостах и дорогах, о строительстве кораблей на верфях и о политических событиях – о «прибытии послов» и о «знатных погребениях», о пожарах и наводнениях и «о казнях злодеев», о печатании книг в петербургских типографиях и об отливке новых колоколов для столичных храмов.

ИСТОРИЧЕСКОЕ, ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
И ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ
ОПИСАНІЕ
САНКТПЕТЕРБУРГА,
ОТЪ НАЧАЛА ЗАВЕДЕНІЯ ЕГО,
СЪ 1703.
ПО 1751 ГОДЪ,
СОЧИНЕНІЕМЪ
Г. БОГДАНОВЫМЪ;
СО МНОГИМИ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ ПЕРВЫХЪ ЗДАНІЙ;
[illegible] А НЫНѢ [illegible]
ДОПОЛНЕННОЕ И ИЗДАННОЕ,
Надворнымъ Совѣтникомъ,
Правящимъ должность Директора надъ
Новороссійскими Училищами, Вольнаго
Россійскаго Собранія, при Императорскомъ
Московскомъ Университетѣ и Санктпетер-
бургскаго Вольнаго Экономическаго Общества
[illegible] ЧЛЕНОМЪ [illegible].
ВАСИЛЬЕМЪ РУБАНОМЪ.
ИЗДАНІЕ ПЕРВОЕ.
Въ Санктпетербургѣ
1779 года.

Титутльный лист книги «Описание Санктпетербурга…»

Все эти бесчисленные выписки, наброски, начатые главы текста, отдельные заметки, даже на первых попавшихся под руку клочках бумаги, – все эти материалы с многочисленными уточнениями, дополнениями, поправками остались нам в бесценное наследство от Андрея Ивановича Богданова. Том этих материалов (более 200 листов), содержащих множество уникальных, никакими другими источниками не сохраненных сведений о Петербурге, более полутора столетий находился в Новгороде, в тамошней Духовной семинарии, а ныне принадлежит Отделу рукописей Российской Национальной библиотеки. Выдающийся писатель и духовный деятель начала XIX века Евгений Болховитинов, знакомившийся с этой рукописью в Новгороде, отметил на ней: «Книга эта должна быть почитаема за редкость»…

И не случайно «Описание» Петербурга (еще до издания его в сильно измененном виде Василием Рубаном в 1779 году) привлекало внимание читающей публики. Списки с этой рукописи хранились во многих частных библиотеках (по одному из таких списков, а не по подлиннику, Рубан готовил свое издание), фрагменты его появлялись в журналах, а все позднейшие, XVIII века, сочинения, посвященные Петербургу (Ф. Полунина, Л. Максимовича, Ф. Туманского, И. Георги), неизменно опирались на сочинение Богданова.

В юном возрасте первый «описатель» Петербурга в течение семи лет, как он сам писал, «находился при пороховом деле», работая вместе с отцом, пороховым мастером, на пороховых заводах, тогда находившихся в северной части Аптекарского острова, по берегу Малой Невки. Но работа эта, даже рядом с состарившимся отцом, которого предстояло заменить, юношу не удовлетворяла. Начинается незаметный посторонним многотрудный и кропотливый, требующий особых качеств души и свойств характера процесс самообразования. Начинается – чтобы продолжаться полвека, до самой смерти.

От изготовления пороха Андрей Богданов переходит к изготовлению книг. 19 августа 1719 года он переводится в Санкт-Петербургскую типографию «на типографское художество», на должность «батырщика» – специалиста по накатыванию краски на шрифт. Этому делу он отдал 13 лет. В октябре 1727 года, когда типография была закрыта, а та ее часть, где печатались гражданские, светские книги, передана в типографию Академии наук, Андрей Богданов тоже переводится туда и трудится здесь «денно и нощно, безвыходно ж» еще три года.

Работа тяжела, но непосредственное участие в создании книги располагает к продолжению самообразования. «Имею всяческую охоту чему-либо научиться, – пишет Богданов в своем прошении, датированном 12 ноября 1730 года, – как уже малому и прикоснулся, обучился и грамматике и латинской мало отчасти и рисовать…» И продолжает: «А служба, в которой пребываю, не токмо любопытству моему чинит великое препонство но еще весьма тяжка и неспокойна». И просит определить его при Библиотеке, «в которой вседневно работая, что к ее убранству, чистоте и порядку принадлежит, возмогу некакой плод получить»…

В ноябре 1730 года Андрей Богданов назначается «помощником при Библиотеке», хотя еще в течение 6 лет продолжает числиться в штате типографии Академии тередорщиком.

Начинается служба, которой Андрей Богданов посвятил почти 33 года жизни. Называлась его должность по-разному: хранитель, помощник, «академический служитель, что у дел в русской библиотеке» и даже «комиссар, приставленный к российским книгам». Но суть оставалась неизменной: Богданов стоял во главе русского отделения первой в России государственной библиотеки. Он комплектовал ее (численность книг при нем выросла с 700 до 2000), систематизировал и разбирал (им составлен и в 1742 году напечатан «Камерный каталог» библиотеки – первое библиографическое издание в России).

Он участвовал в разборе и описании русской части предназначенных (после смерти владельца или конфискации) к передаче в Академию наук крупнейших частных библиотек (Александра Меншикова, Якоба Брюса, Феофана Прокоповича, Андрея Остермана, Дмитрия Голицына). Он неустанно изучает находящееся в его ведении, порученное его заботам крупнейшее и ценнейшее книжное собрание страны.

Андрей Богданов был первым русским библиотекарем-профессионалом, первым библиографом и первым книговедом – исследователем книги. В его ведении находились не только русская часть библиотеки и академический архив, но в течение длительного времени и Кунсткамера. Объем работы и объем ответственности были огромны. Но он непрерывно трудится «сверх должности своей» – занимается тем, к чему «лежит душа», что увлекает и зовет его, хотя совершенно не связано с его служебными обязанностями.

В этом – весь Богданов. Человек «Века Просвещения» и «Века Петербурга». Подвижник, энциклопедист, один из первых русских интеллигентов. Он был не только ученым

сотрудником Ломоносова, пережив его всего на полтора года, – он был сподвижником Ломоносова, входившим в его «круг» (вместе с Головиным, Крапенинниковым, Румовским, Махаемым и другими). *«птенцом* Ломоносовского гнезда».

Подобно Ломоносову, Андрея Богданова отличал широчайший диапазон научных интересов. Если первые его самостоятельные работы были связаны с текстами Библии и «Деяний Апостольских», то в дальнейшем сферой его интересов становится только светское знание: лингвистика и фольклористика («Собрание пословиц и присловиц российских», изданное, между прочим, лишь в 1961 году); география (указатели к «Описанию земли Камчатки» Степана Крашенинникова и к «Географии» Гюбнера); история («Краткое родословие российских князей»). К изданному в 1746 году переводу «Лексикона» Христофа Целлариуса Богданов составляет «Реестр российских слов», в котором латинские термины расположены в порядке русского алфавита. Долго работает Богданов над сочинением «О начале и произведении в свете первых азбучных слов», а составленные им тома российского лексикона позднее легли в основу работы целого коллектива, занятого подготовкой академического словаря русского языка…

Всех его работ, всего, что его интересовало, увлекало, перечислить невозможно. Но в перечне его трудов «Описание» Петербурга, первая книга о нашем городе, занимает особое место. Ни один из исследователей раннего периода истории Петербурга не может обойтись без обращения к трудам Андрея Богданова – они живут и через два с половиной столетия. И в этом – еще один «поворот судьбы» Андрея Богданова и его наследия..

Мы не знаем, где он родился, – но знаем город, в котором он прожил большую часть жизни, в котором трудился, которому целиком посвятил себя. И мы обязаны помнить этого удивительного человека – петербуржца, жителя Васильевского острова, патриота и ученого, сподвижника Ломоносова и одного из первых русских энциклопедистов, вышедшего из самых глубин народных российского интеллигента Андрея Ивановича Богданова.

Пётр Петров – историк Петербурга

О нем трудно говорить и писать. Потому что его жизнь постороннему человеку представляется будничной и однообразной, лишенной каких-либо событий, драматических поворотов, ярких, впечатляющих фактов. Он почти никогда не покидал родного города, каждый день, неделя, месяц и год его жизни были заполнены трудом, на чужой взгляд однообразным, рутинным, утомительным и скучным…

О нем необходимо говорить и писать. Потому что эта однообразная, внешне ничем не замечательная его жизнь была подвигом. Подвигом ежечасным, ежедневным. Подвигом не момента, а всей жизни. У подвига непременно есть смысл, цель. Самосохранение, высокий долг, жажда славы… Смыслом и целью жизненного подвига Петра Петрова было знание. Знание, непрерывно приобретаемое им самим, для того чтобы это знание передать другим людям, поделиться с ними самым главным, самым ценным, чем владеешь. И передать бескорыстно. Его любовь к знанию, тяга к нему этого человека, не получившего никакого серьезного образования и всю жизнь учившегося, не знала ни границ, ни преград. Она была смыслом, главной страстью его жизни. И результат, далеко не всегда заметный окружающим, был огромен. «Собою представлял он явление далеко не ординарное, личность выдающуюся, – писал о Петре Николаевиче один из его современников. – Ходячий архив, подвижный энциклопедический словарь…»

Опубликованных трудов, написанных Петровым, никто никогда не собирал и не подсчитывал. Но однажды промелькнуло в печати их общее число – более тысячи. Более тысячи книг и статей. По истории России, по истории отечественной живописи и архитектуры. И о Петербурге, родном городе. В том числе самый первый, основанный на громадном, до того времени совершенно неизвестном архивном материале и самый большой по объему (более тысячи страниц текста в книге большого формата) труд, посвященный истории Петербурга XVIII века. С этого сочинения начинается серьезное, исследовательское изучение истории Петербурга, начинается научное петербурговедение. И потому тоже нам дорога память о Петре Николаевиче Петрове.

О нем надо говорить и писать еще и потому, что вокруг него сложился какой-то «заговор молчания», хотя и сегодня все серьезные исследователи истории Петербурга и истории русского искусства широко пользуются его трудами, написанными более ста лет назад, но об авторе этих трудов почти никогда не вспоминают. Так, впрочем, было и при его жизни – книги и статьи Петрова жили своей, отдельной от автора жизнью, сам автор при этом как бы оказался в тени, вне зоны общественного интереса и внимания.

Его труд был его служением. Лучшими часами его жизни были те, которые он провел за книгами и рукописями – в Публичной библиотеке, в архивах. А его жизненный подвиг остался неоцененным по достоинству, полузабытым.

Петров был и серьезным ученым, и прекрасным популяризатором – нечастое сочетание. Его бесчисленные статьи исторического и искусствоведческого содержания были адресованы тому, кого мы сегодня называем «широким читателем» – читателем «Невы», «Всемирной иллюстрации», «Русской старины», «Северного сияния», газет «Новое время» или «Биржевых ведомостей». Серьезный читатель-специалист встречал их на страницах «Зодчего», «Древней и новой России», «Вестника изящных искусств», «Известий Археологического общества». И статьи эти были непременно глубоко содержательны, информативны, основаны на новом, неизвестном материале, сообщали читателю новые подробности.

Но Петров был не только исследователем и популяризатором – он был первооткрывателем. Он открыл русскому обществу множество неизвестных дотоле тем и малоизвестных имен из отечественной истории и прошлого русского искусства.

Но еще важнее, быть может, то, что именно Петров первым посвятил свои работы таким выдающимся своим современникам, как Карл Брюллов, Павел Федотов, Александр Иванов, скульптор Николай Пименов. И первые работы о замечательных русских художниках XVIII века – Левицком, Боровиковском, Лосенко, Угрюмове, скульпторе Федоте Шубине – тоже принадлежат перу Петрова.

Он сочинял и исторические романы («Царский суд», «Семья вольнодумцев», «Балакирев» – об известном шуте петровского времени), и публицистику (27 публицистических статей собраны в сборнике «Листки на выдержку из портфеля пишущего»), и специальные труды. Так, 123 его статьи, скромно названные «Случайными заметками по генеалогии и геральдике, топографии, истории и археологии, словесности и искусству» собраны в трех томах (1160 страниц текста) сборника, выходившего в 1871–1875 гг. и названного «Для немногих». А ведь начал он свою авторскую работу всего лишь за десять с небольшим лет до того…

А составление сборника русских народных сказок и былин? А прекрасный альбом исторических портретов русских деятелей, основанный на материалах выставки, устроенной в столице в 1870 году? А активное участие в работе специальной комиссии петербургского Общества архитекторов для участия в грандиозной Всероссийской политехнической выставке в Москве, устроенной в честь 200-летия со дня рождения Петра Великого? Многочисленные научные доклады в Обществе архитекторов, в Русском Географическом и Археологическом обществах!..

И все это делал один человек – Пётр Николаевич Петров.

Его вступление на научное и литературное поприще было необычным. Он родился 19 июня 1827 года в многодетной семье придворного пожарного, служившего «при главной кухне» Зимнего дворца. И, несмотря на звучную должность «брандмейстера», отцу пришлось определить сына Петра на учение в «Дом для воспитания бедных детей при Императорском человеколюбивом обществе», готовивший своих воспитанников для канцелярской службы. Семь лет пробыл здесь, в доме на Крюковом канале, близ Кашина моста, Пётр Петров – и этим исчерпывается полученное им систематическое образование. Все остальное достигнуто только самообразованием.

Окончив училище, 18-летний Петров поступает в Рисовальные классы при Академии художеств, где его учителем стал известный своей картиной «Княжна Тараканова» художник К.Флавицкий. Проявить себя творчески как рисовальщик Петров не смог – но последующие годы не прошли даром. Они были до отказа заполнены неутомимой внутренней работой. Чтение, чтение, чтение… Накопление разнообразных знаний, расширение диапазона интересов, размышления над прочитанным. «Обдумывание житья»…

Служебная судьба преподнесла Петрову замечательный, щедрый подарок: он стал писцом в Публичной библиотеке, в ее отделе искусств, которым руководил знаменитый Владимир Стасов. Странный, энциклопедически образованный, невероятно начитанный канцелярист обратил на себя внимание мэтра. Среди писателей и художников, составлявших обширный стасовский круг, появились знакомые. И один из них, писатель Алексей Писемский, опубликовал в своем журнале «Библиотека для чтения» первую печатную работу Петра Петрова, посвященную граверу Чемесову.

Случилось это в 1860 году, Петрову было уже 33 года. И он находился в начале нового пути, нового этапа жизни – этапа «отдачи» накопленного. Этому этапу он посвятил оставшиеся 31 год своей жизни.

Через всю творческую биографию Петрова проходят две основные темы: история Академии художеств в связи с историей отечественного искусства вообще и история Петербурга. Монументальным трудом, посвященным первой теме, является огромный по объему трехтомный «Сборник материалов для истории Академии художеств» за первые сто лет ее дея-

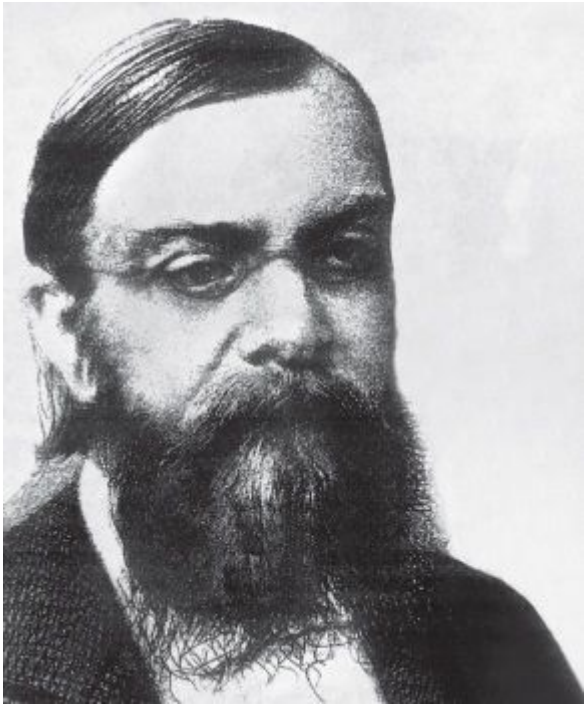
тельности с 1764 года – труд, доныне не утративший своего научного и справочного значения. Работа над сборником проходила в колоссальном по объему и совершенно не изученном тогда академическом архиве – и это была прекрасная школа научного архивного поиска. Поиска, ставшего главной частью многолетней работы Петрова по истории Петербурга.

Петербургская тема в творчестве Петрова – тема особая. История города изучается и рассматривается им как некий историко-культурный феномен, в теснейшей связи с развитием отечественного искусства и его ярчайшими представителями. Это был совершенно новый подход.

В 1867 году был опубликован первый очерк историко-культурного характера: «Петербургское житье-бытье в старину», через два года – серьезнейшее, основанное на новом материале исследование «Материалы по истории строительного дела», целиком посвященное Петербургу. Позднее, год за годом – множество статей на самые разные темы истории города: «Борьба за Неву», «Аничков дворец», «Русские живописцы-пансионеры Петра Великого»… Особенно интересными и важными для читателя-петербуржца были статьи Петрова об архитекторах, строивших столицу, – не только о таких мастерах прошлого, как Растрелли, Кваренги и Камерон, но и об архитекторах-современниках: Андрее Штакеншнейдере, Николае Ефимове, Романе Кузьмине, Аврааме Мельникове и других. А за этими многочисленными статьями, связанными с Петербургом, так сказать, «вторым планом» шел непрерывный архивный поиск, выявление и накопление (на копиях и выписках) огромного документального материала, никем из историков никогда не тронутого.

Хранящийся в Российской Национальной библиотеке рукописный фонд П.Н. Петрова содержит огромное количество таких архивных выписок и заметок, научная ценность которых нисколько не уменьшилась за почти полтора века, прошедшие со времени, когда они выявлялись и собирались.

Более того, некоторые из копированных Петровым документов до нас не дошли – пропали, затерялись, и копии из личного архива Петрова – единственная сегодня возможность доступа к ним.



П.Н. Петров

Результатом явилась вышедшая в свет в 1885 году (ее выпустил знаменитый петербургский книгоиздатель и книготорговец И. Глазунов) монография «История города Петербурга. 1703–1785 год» – и до сегодняшнего дня основной труд по истории города в XVIII веке. Критика встретила выход в свет 1000-страничного тома более чем сдержанно. Автора упрекали в сумбурности изложения, в «неудобочитаемости» его труда, в том, что он «утонул» под невыносимой тяжестью собранного и использованного им документального материала. Но и при всех этих упреках научное значение «Истории города Санкт-Петербурга» остается неколебимым и неоспоримым. Это – первая научная история нашего города, написанная на основе гигантского объема документального материала, впервые введенного в научный оборот. Академический труд, предназначенный не только академикам. И этого значение труд Петрова никогда не утратит…

Последние годы жизни Пётр Петров посвятил еще одному колоссальному научно-публицистическому проекту, имевшему выдающееся общественное значение. Он принял на себя всю работу по составлению словника (перечня персонажей, имен) для затеянного Русским Историческим обществом «Русского биографического словаря». Двадцать пять огромных томов этого уникального издания вышли в свет до 1918 года Петров меньше чем за два года составил основу «Словаря» – словник, насчитывавший 50 тысяч (!) имен людей, оставивших след в самых разных областях истории России, русской жизни, и организовал работу по написанию огромного числа биографических статей – работу, к которой были привлечены сотни ученых: историков, литераторов, искусствоведов, публицистов.

Это был его завершающий подвиг.

«Милый чудак», неряшливый, рассеянный, вызывавший у знавших его людей добрую усмешку, он был неутомим в труде, полон юношеской энергии, увлеченности. Он был горяч в ученых спорах, доброжелателен, равнодушен к жизненным удобствам. «Он не искал популярности, а трудился скромно и самоотверженно», не ропща на то, что его мало ценят. В одном из некрологов, посвященных Петрову, приводились строки из басни Ивана Хемницера, написанной более чем за сто лет до того:

Жил честно, целый век трудился,
А умер гол, как гол родился…

Надеюсь, сказанное выше убедило читателей в том, что о Петре Николаевиче Петрове хоть трудно, но необходимо писать и рассказывать.

Отец и сын Бычковы

Библиотекарь должен обладать энциклопедическим образованием и иметь ясное понятие об общей системе наук…
А. Бычков. 1865 год

Их судьба уникальна. Афанасий Федерович и Иван Афанасьевич Бычковы посвятили ровно целое столетие служению Публичной библиотеке и одной из ее сокровищниц – Отделу рукописей – отделу, неисчислимые и бесценные богатства которого не только составляют наше национальное достояние, но и являются важнейшей, неотъемлемой частью мирового культурного наследия.

История знает немало примеров выдающихся династий среди военных, моряков, дипломатов и предпринимателей. В области культуры их существенно меньше. А аналогии «феномену Бычковых» – целый век, отданный одному учреждению, – на память не приходят. При этом речь ведь идет не о службе, о должности, а о служении в самом высоком и чистом значении этого слова…

Мне уже не раз приходилось писать о людях, которые прожили жизнь, так сказать, «без биографии», без острых сюжетных поворотов и потрясений, без каких-либо поражающих воображение и волнующих душу событий – и при этом смогли сыграть в своей области деятельности выдающуюся роль. Большинству современников их имена и деяния были неизвестны или безразличны – они трудились в областях, находящихся на периферии повседневных людских интересов. По достоинству оценить их суждено потомкам – оценить или окончательно забыть, вычеркнуть из памяти.

Это в полной мере относится и к обоим Бычковым. Ни отец, ни сын никогда не были в центре общественного внимания, их неутомимая деятельность никогда не была «злободневной». Их личная жизнь текла размеренно и благополучно – сегодня, как вчера, неделя за неделей, год за годом. Много десятков лет прожил Иван Афанасьевич в доме 4 по Кабинетской улице (улица Правды) – и сотни жителей улиц Разъезжей и Ломоносова (Чернышева переулка), прохожие на Чернышевом мосту и Театральной (ныне – Зодчего Росси) улице могли, как за полтора века до того кенигсбергские обыватели с Иммануилом Кантом, сверять часы по движению необычайно аккуратно одетого человека очень небольшого роста – средних лет, потом пожилого, потом совсем старого – по этому ежедневно совершаемому и до минуты измеренного маршруту от дома на службу – в Публичную библиотеку…

Но за этой обыкновенностью, внешней «бессюжетностью» и однообразием биографий и отца, и сына скрывалось глубочайшее содержание, касавшееся малоприметной и малопривлекательной для обывателя, но беспредельно важной для интеллектуального генофонда нации области…

Но… Вот что писал Афанасий Бычков 137 лет назад о библиотекарях, которых он называл «проводниками Просвещения в обществе»: «Они должны быть так обставлены, чтобы действительно имели возможность делать свое дело», а общество должно научиться «смотреть на библиотекарей как на лиц ученого сословия…»

Когда-то на 14-м ярусе высотного здания главного книгохранилища московской Ленинской библиотеки, в рабочем кабинете известного книговеда Сократа Александровича Клепикова, я подолгу рассматривал вывешенную на стене литографию «Книжный червь»: согбенный старик, лохматый и в очках, сидит на верхней ступеньке лестницы, прислоненной к книжным полкам, углубившись в книгу; на его лице выражение страсти и наслаждения – он читает для собственного удовольствия, для себя…

Ни отец, ни сын Бычковы, бывшие великими книжниками, влюбленными в книгу, как в одно из величайших – наряду с природой, музыкой, любовью – благ жизни, не мыслили о существовании книги только для себя. Собирание книг и рукописей, их каталогизация, хранение, подготовка к публикации и опубликование в интересах науки, в интересах общества составляли главный смысл их деятельности, их служения.

Ныне слишком часто приходится встречаться с музейщиками, архивистами, библиотекарями, которым поручено хранить, беречь некое культурное богатство, к созданию, собиранию которого они сами не имеют никакого отношения, но которое тем не менее рассматривают как свое собственное, присвоив себе право решать: кого допустить, от кого оградить, кому что позволить, а кому запретить…

Бычковы ведь были не только хранителями рукописной коллекции Публичной библиотеки (Афанасий Федорович – 37 лет, а Иван Афанасьевич – 63 года), но и в самом прямом и полном смысле ее создателями, собирателями, устроителями. И при этом – какой масштаб общественного служения, какая доброжелательность, какая готовность помочь тому, кто в этой помощи – знаниями, советом, книгой, неизвестной рукописью – нуждается, любому, в чью искренность и любознательность они поверили. Думаю, что сегодня я – единственный исследователь, занимающийся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеке, кто знает об Иване Афанасьевиче Бычкове не понаслышке, а помнит его живым. Я пришел к нему школьником, пытающимся изучать эпоху Петра (был 1940 год). Маленький, подвижный старичок в галстуке – «бабочке» и с седым пушком на голове – не первый академик, которого мне довелось встретить (Иван Афанасьевич был принят в Академию наук в 1903 году а отец его – в 1855), но мне он представлялся не просто академиком и хранителем Рукописного отдела, но всемогущим патриархом этих мест. «Патриарх» сам доставал бесценные рукописи из огромных шкафов, собственноручно их записывал в книгу, любовно поглаживал переплеты, показывал наиболее интересные документы или миниатюры; для меня он открыл и дивные миниатюры в средневековых персидских рукописях, подлинной красоты которых я тогда не ощущал. Он был первым встретившимся мне человеком, который ко всем (даже ко мне, мальчишке) обращался старомодно: «господин», «госпожа»…

Каждое посещение Рукописного отдела было великим праздником – и не только от предвкушения встречи с редчайшими подлинными документами, но и от ожидания встречи с Иваном Афанасьевичем. Спуск в отдел по лестнице, ведущей из центра знаменитого Круглого зала второго этажа Публички, был не спуском, а «вознесением в иные сферы».

А.Ф. Бычков

Мои занятия эпохой Петра были близки и личным научным интересам самого Ивана Афанасьевича. Восторженное отношение к этому этапу российской истории он перенял «по наследству» от отца. Афанасий Федорович подготовил ряд важнейших публикаций о петровском времени: ежегодные «юрналы» Петра, перепечатку всех текстов петровской газеты «Ведомости», а в 1872 году по его инициативе и под его редакцией начало выходить в свет самое фундаментальное академическое издание источников о Петре и его эпохе – «Письма и бумаги Петра Великого». После смерти отца издание продолжал Иван Афанасьевич. Оно продолжается и поныне, доведено до 1713 года.

Отец и сын Бычковы готовили к изданию несколько томов такого важнейшего исторического источника, как «Полное собрание русских летописей». Они выступали не только как члены многих ученых обществ (Русского исторического, Истории и древностей российских, Любителей древней письменности, Любителей русской словесности и других), но и как хранители и «хозяева» подлинников многих летописей начиная от «Лаврентьевского списка» Несторовой «Повести временных лет». Отделу рукописей принадлежит и старейший из дошедших до нас памятников русской книжности – «Остромирово евангелие» 1056 года. И бесчисленное множество других бесценных сокровищ, без которых многие события и тайны отечественной истории не были бы описаны и разгаданы. Впрочем, зачастую раскрытие одной тайны истории порождает десятки новых загадок и тайн – любое знание обнажает незнание.

Начавшись с рукописей из варшавского собрания Залусских и из огромной коллекции документов, собранных дипломатом Петром Дубровским, Рукописный отдел Публичной библиотеки непрерывно пополнялся все новыми и новыми сокровищами. Дары, приходившие из самых разных и отдаленных уголков России от самых разных людей, покупки на аукционах и у частных лиц отдельных ценнейших документов и целых коллекций (сенатора Фролова, петербургского военного губернатора генерала Вязмитинова, посла в Стокгольме Сухтелена, чиновника Ханыкова)… Огромные собрания Толстого и знаменитого московского историка Михаила Погодина, коллекционера Коробанова и переданное в 1852

году Публичной библиотеке эрмитажное собрание рукописей… В ежегодно печатавшихся на протяжении десятков лет «Отчетах» Публичной библиотеки самую большую по объему и самую интересную часть неизменно составляют описания новых поступлений в Отдел рукописей: фонды учреждений и частных лиц – государственных деятелей, ученых, деятелей культуры. Среди них и имеющие выдающееся значение для петербурговедения фонды крупнейших историков Петербурга П.Н. Петрова и П.Н. Столпянского…

И.А. Бычков

Греческие, арабские, персидские рукописи, средневековые иллюминованные (снабженные раскрашенными миниатюрами) рукописи на всех европейских языках, собранный Петром Дубровским в первые дни революции во Франции «Архив Бастилии», тысячи различных источников и автографов – книги, свитки, листы, клочки бумаги – весь этот бесценный исторический материал бережно сохраняется и широко используется учеными из самых разных городов России и самых разных стран мира. Мировая известность, мировой авторитет и непререкаемая научная репутация Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки исключительно высоки. Да и не случайно: ведь здесь документы не только обрабатываются и хранятся, но и глубоко изучаются; недаром среди сотрудников Отдела во все времена были крупные отечественные ученые. И восходит эта прекрасная традиция к академикам Бычковым – отцу и сыну.

Отец был сыном артиллерийского офицера, родился в Финляндии и окончил Московский университет. Сын всей своей жизнью был связан с Петербургом – здесь родился, здесь окончил 2-ю гимназию на Казанской улице и юридический факультет Университета, здесь прожил всю жизнь, здесь провел страшные годы блокады, был в 1943 году награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За оборону Ленинграда» и здесь же встретил великий день снятия блокады. Он скончался через два месяца после этого, 23 марта 1944 года, в возрасте 85 с половиной лет; Афанасий Федорович умер на 81-м году жизни в апреле 1899 года.

Уникальная судьба, удивительная жизнь. Жизнь сына была прямым продолжением жизни отца – ив профессиональном, и в нравственном отношении. Свой высший обществен-

ный долг они видели в том, чтобы своим трудом способствовать обогащению исторической памяти русского народа, совершенствованию его национального чувства – без аффектации, без громких слов. Это было истинное служение – служение непреходящим ценностям, а не минуте, не «злобе дня».

Дело, которому отец и сын Бычковы посвятили свои жизни, живет и развивается. Жаль, однако, что нет сегодня в Библиотеке видимых знаков их памяти: мемориальной доски и портретов в читальном зале Рукописного отдела, мемориального уголка Ивана Афанасьевича – там, где стоял его рабочий стол… Ведь судьба отца и сына Бычковых – уникальный пример династической преемственности. Уникальный – а потому заслуживающий не словесной, а истинной, вечной, памяти и почитания.

Зал редких книг (Кабинет Фауста)

В заключение еще одна цитата из заметки Афанасия Бычкова «О должности библиотекаря», написанной в 1856 году: «Дать другое положение библиотекарям – значило бы поставить личный состав отечественного книгохранилища в странный контраст с личным составом подобных же учреждений, находящихся в первенствующих столицах Европы, и отнять возможность у библиотеки определять в службу лиц, которые своими познаниями были бы полезны и ей самой, и отечественному просвещению…»

Хранитель истории города – Пётр Столпянский

Среди тех, кто изучал и рассказывал современникам и потомкам историю нашего города, Пётр Николаевич Столпянский занимает особое место.

Во-первых, огромным объемом написанного им – по этому показателю с ним не может конкурировать никто из петербурговедов. Во-вторых, тематическим разнообразием своего наследия. В-третьих, «адресностью» этого наследия: он обращался не к узкому кругу специалистов, не к случайному «гостю города», которого интересуют лишь основные вехи истории и главные достопримечательности, – читателем его работ, знакомым и понятным их автору, был тот петербуржец, петроградец, ленинградец, который не просто жил в этом городе, но и проявлял интерес и любознательность к нему.

Трудно сказать, был ли Столпянский исследователем в строгом, сугубо научном смысле этого слова. Он не столько объяснял, сколько излагал. Излагал громадное количество фактов, между которыми обнаруживались неожиданные связи, которые выстраивались в удивительные цепочки или завязывались в тугие узлы. Именно факт петербургской истории являлся, как это было принято говорить в те времена, «альфой и омегой» всех трудов Столпянского, поиск новых фактов – смыслом этих трудов. Думаю, не будет преувеличением считать, что Петру Столпянскому принадлежит заслуга создания едва ли не половины той фактической базы, которой располагают и которую используют сегодняшние петербурговеды.

Он был неутомимым и неугомонным «первооткрывателем» новых тем и подходов в истории родного города. Большинство его предшественников «описывало» город, более или менее подробно рассказывая о его достопримечательностях или памятных событиях его истории. Тезка Столпянского Пётр Николаевич Петров стал первым, кто забрался в архивные «дебри» и поднял, заставил «работать» огромные массивы старых, никем до него не тронутых документов. Михаил Пыляев смог рассказать историю Петербурга увлекательно и неожиданно – именно его замечательные (но отнюдь не носившие исследовательского характера) сочинения «Старый Петербург» и «Забытое прошлое окрестностей Петербурга», а не тяжеловесный, трудночитаемый, рассчитанный на специалиста или очень подготовленного читателя труд Петрова, сделали в последние годы XIX века историю российской столицы «модной» темой, привлекли к ней широкий читательский интерес.

Творчество Столпянского возникло на волне этого интереса. Он был наследником и продолжателем и Петрова, и Пыляева – своих старших современников. От Петрова он унаследовал верность факту и умение этот факт разыскать, установить. От Пыляева – умение об этом факте интересно рассказать, «вкусно» его подать. Он не стал ни архивным следопытом, ни увлекательным рассказчиком по преимуществу – он удачно соединил в своем творчестве обе эти грани. И в этом было его «особенное лицо».

Более того. И Петров, и Пыляев развертывали перед читателями – каждый перед своими – «цельную», последовательную историю родного Петербурга. Столпянский избрал иной путь. Основной его «жанр» – исследование отдельных тем, «граней» петербургского прошлого. Грани, в которых отражается то целое, частью которого они являются, – направления культурной истории Петербурга («Музыка и музицирование в старом Петербурге», «Книжная торговля и книжные магазины в Петербурге в эпоху Николая I», «Частные школы и пансионы Петербурга во второй половине XVIII века», «Спорт в старом Петрограде»).

Или подробные рассказы о замечательных местах в городе и его окрестностях – о том, как они постепенно обретали свои особенные, неповторимые черты, о людях, чью память эти места хранили («Замечательный перекресток старого Петербурга» – о богатейшей и интереснейшей истории перекрестка Невского и Мойки, «Адмиралтейский остров», «Пет-

ровский остров», «Каменный остров», «Дачные окрестности Петрограда», «Петергофская перспектива»).

Или популярные очерки, в которых «воскрешается» уйма забытых, «потерянных» подробностей об истории Адмиралтейства, здания Академии наук на Университетской набережной, Дворца труда или памятника Петру Великому…

А в изучении и популяризации одной темы, рожденной временем, Пётр Столпянский был «первопроходцем», буквально «открыл» ее. И забывать этого мы не имеем права, хотя интерес к этой теме за последние годы полностью угас. Речь идет о работах Столпянского, посвященных истории Петербурга как центра российской революционности: «Старый Петербург. У колыбели русской свободы», «Ленин в Петербурге», «Маевка на Выборгской стороне», «Жизнь и быт петербургской фабрики. 1704–1914 гг.».

При всем кажущемся почти невероятным тематическом «разбросе» этих работ Петра Столпянского (а мы перечислили лишь малую часть их), они объединены одной общей чертой: любая тема раскрывается предельно конкретно, языком фактов. Не домыслы и предположения, не анализ и оценки – только факты… И тут следует сказать о своеобразной творческой «лаборатории» Петра Николаевича Столпянского.

Главным источником, на который он опирался, которому всецело доверял, Столпянскому служили не архивные документы, как Петрову, а печатные материалы – в первую очередь материалы петербургской прессы. Он совершил то, что даже профессионалу-историку представляется почти невероятным: в течение многих лет он в Библиотеке Академии наук прочитывал «Санкт-Петербургские ведомости» – с самого первого номера (январь 1728 года), день за днем, лист за листом. Сотни, тысячи, десятки тысяч газетных листов. И из каждого номера этой первой русской регулярной газеты, главным образом из помещенных в ней самых различных объявлений и извещений, он извлекал разнообразную и нигде больше не сохранившуюся информацию о городе, о его повседневной жизни, о его людях. Подряды на строительные работы, продажа различного имущества и товаров, спрос и предложения на «рынке труда» (учителя, художники, лекари) – все извлекалось из давным-давно утратившей свое оперативное, деловое значение информации и становилось фактом городской истории: адреса, рынок услуг и строительных материалов, новые книги, чудеса садоводства в петербургских оранжереях, музыкальные вечера и клубные развлечения, новые постройки – все записывалось на карточки, чтобы потом «ожить» в каком-то труде в соседстве с другими фактами того же или противоположного ряда. (Позднее, уже в 1930-е годы, в одном из многочисленных своих ходатайств по поводу пенсии Столпянский писал, что число таких карточек в его картотеке превышало миллион!..)

Такой необычной – и по характеру, и по «происхождению» – была источниковая база, на которой строились популярные, адресованные «массовому читателю», но предельно аккуратные и даже щепетильные в отношении точности изложения фактов работы Петра Столпянского.

П.Н. Столпянский

Необычным был не только его творческий метод, но и сам его «путь в петербурговедение». Для первого «описателя Петербурга» Андрея Богданова сбор материалов по истории города являлся частью его «служебного долга» (как он его понимал), для академиков Георгия и Шторха – средством отдыха от их основных научных занятий, для чиновников Реймерса, Аллера и Пушкарева – своеобразным «хобби», для литератора Александра Башуцкого или журналиста Михневича – частью их литературного труда.

А Пётр Столпянский, петербуржец по рождению и воспитанию, в петербурговедение пришел сравнительно поздно, на пороге 40-летия. И трудился он на этом поприще всего двадцать лет. Путь его к этому делу был непрост и весьма извилист – но дело это оказалось главным в его жизни.

Дед его служил дьячком в рязанском селе Столпцы (отсюда и фамилия), отец после духовного училища и семинарии окончил Московский университет и посвятил свою жизнь педагогике – теоретической и практической. Сына своего он видел владеющим практической профессией – мальчик был определен во 2-е Петербургское реальное училище, окончил Харьковское и там же поступил в Практический технологический институт, в стенах которого стал заниматься активной общественной и политической деятельностью. Институт он покинул в 22-летнем возрасте – с этого времени и начинается его трудовая жизнь, полная разнообразных занятий и скитаний. «Им овладело беспокойство, охота к перемене мест…» – Харьков, Глухов, Владикавказ, Екатеринбург, Самара, Оренбург сменяют один другой.

Железнодорожный машинист становится газетным репортером и издателем газеты, потом статистиком, потом библиографом, потом «свободным художником», пишущим повести и пытающимся их опубликовать. Вероятно, эта «мозаичная жизнь» отразилась и в дальнейшей творческой деятельности Столпянского-петербурговеда… Во всяком случае, его библиографические поиски и работы по истории Оренбуржья стали первым, и весьма плодотворным, «прикосновенным» к краеведческой тематике и хорошей школой, пройденной на этом пути.

Первая русская революция застала Столпянского в Оренбурге, где он редактировал газету «Оренбургский листок». После ее закрытия в феврале 1906 года – недолго в Майкопе, а в августе того же года – приговор Оренбургского суда к одному году заключения в крепости за революционную деятельность (отсидел почти десять месяцев). С Оренбургом, где прошли шесть лет жизни, пора было расставаться. В августе 1908 года Пётр Столпянский возвращается в родной Петербург, откуда уехал 18 лет назад. Скитания окончены, метания позади – следующие три десятка лет он будет неразлучен с Петербургом – Петроградом – Ленинградом, здесь он и скончается 13 декабря 1938 года.

В Петербурге он обретает «второе дыхание», переживает долгий период творческого взлета. История города становится не просто главной – единственной областью его интересов. Заведуя библиотекой Художественного отдела Музея Александра III (сейчас это великолепная библиотека Русского музея), Столпянский устремляется на поиск материалов по истории Петербурга – и уже в следующем, 1909 году появляется его первая «петербурговедческая» публикация. Отныне он будет ежегодно публиковать множество различных статей, постоянно выступать с докладами о своих научных находках (особенно часто в столичном Обществе архитекторов), участвовать в организации крупнейших выставок, имевших огромное культурное значение (например, знаменитая выставка «Ломоносов и Елизаветинское время», работавшая в 1911 году в залах Академии художеств). Деятельность Столпянского отлично вписывается в столичную культурную жизнь Серебряного века.

Революционный 1917 год не застал Столпянского врасплох. Он быстро осваивается с новым «социальным заказом», пишет не только труды по революционной истории Петрограда, но и многочисленные общие работы по истории Петербурга и интересные путеводители. Он чувствует приход нового читателя, открывающего для себя прошлое, и идет навстречу этому читателю. Именно в этот период, в 1918 году, выходит в свет большой (около 400 страниц), фундаментальный труд Столпянского «Как возник, основался и рос Санкт-Петербург» – самый главный, вероятно, его труд. Сохранившиеся в огромном личном архиве Петра Столпянского в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки многочисленные варианты текста этого труда свидетельствуют о том, как настойчиво и упорно искал автор «планку» и «тон» своего разговора со своим новым читателем…

1920-е годы были у Столпянского временем большого творческого подъема. Написаны и опубликованы десятки работ. Выступления на тематических вечерах, цикл лекций на «Пролетарском заводе» (пожилой человек ездит через весь город, с Крестовского острова, где он жил, на проспект Обуховской обороны, чтобы выступить в цехе перед рабочими в их обеденный перерыв с рассказами о былом и о родном городе), председательствование в знаменитом Обществе «Старый Петербург – новый Ленинград», созданном осенью 1921 года, – вот разные грани деятельности Столпянского в 20-е годы. Он востребован!..

И вдруг, с наступлением 1930-х годов, – крутой поворот. Ни одной публикации, ни одной лекции. Забытость и обездоленность. Редкие отзывы на рукописи и случайные заработки по договорам, главным образом в Публичной библиотеке, которой он оставит свой бесценный дар – свой архив…

Его забыли быстро и надолго. Хотя трудами его не переставали широко пользоваться. Лишь сравнительно недавно опубликовали первые посвященные ему статьи и прозвучали первые доклады о нем и его трудах. Его судьба – во всех ее поворотах – еще одно (которое уже по счету?!) свидетельство нашей способности забывать людей, оставивших заметный след в жизни страны и города, в их культуре. Способности затаптывать этот след…

И я рад тому, что публикация этой книги дала повод вспомнить и рассказать о Петре Николаевиче Столпянском.

P. S. С удовлетворением узнал о совместном намерении издательств «Центрполиграф» (г. Москва) и «Русская тройка-СПб» (г. Санкт-Петерубрг) опубликовать четырехтомное собрание работ П.Н. Столпянского. Первые три тома уже поступили в продажу.

Профессор Владимир Курбатов

Введение в начальное образование изучения искусства является делом чрезвычайно важным. Нужно научить любви и стремлению к красоте…
В. Курбатов, 1913 год

Он родился в Петербурге 5 апреля 1878 года (по новому стилю). Прожил долгую жизнь, был самым плодовитым и самым необычным исследователем Петербурга – профессор химии и петербурговед в одном лице.

В справочнике «Научные работники Ленинграда», изданном в середине 1930 годов, о Владимире Яковлевиче Курбатове сказано, что его научные специальности – физическая химия, биохимия, кристаллохимия, металлография (можно добавить электрохимию, теорию света) и… история и теория искусства. А среди мест постоянной работы Курбатова наряду с Технологическим институтом, которому он отдал ровно полвека и где в течение нескольких десятилетий возглавлял им же созданную кафедру физической химии, указан… Музей истории города, одним из основателей которого в 1918 года химик Курбатов являлся и в котором трудился 17 лет, руководя Садово-парковой секцией, а в иные времена и музеем в целом…

Научная и трудовая биография поистине уникальна! Она включает еще и работы в области химзащиты, и сварку, и металлургию, и работу в период Великой Отечественной войны над созданием боеприпасов (за которую 67-летний ученый удостоен высокой награды), и очень многое другое. А в перечне высших учебных заведений, в которых трудился профессор Курбатов, мы находим и Университет, и Бестужевские Высшие женские курсы, и Пединститут имени Герцена, и Первый медицинский, и Военно-химическую академию, и Сельскохозяйственный институт, и Высшее инженерно-техническое училище Военно-морского флота, и… Школу русской драмы, и Петроградский фототехнический институт…

Но хватит перечислений – их можно было бы продолжать до бесконечности. Ясно, что перед нами – один из уникальных примеров невероятной широты диапазона интересов. Жизнь, наполненная разнообразными увлечениями, требовавшими активного, творческого отклика на все новое. Отзывчивый талант ученого, наблюдателя и экспериментатора, теоретика и практика – талант, немыслимый без невероятного труда и «обласканный» удачей. Удачей во всем, за что бы ни взялся. А брался за многое. Может показаться, что разбрасывался – но на самом деле отличался редкой цельностью и сосредоточенностью во всем, чем интересовался, что начинал…

Судите сами: с 1902 года, когда 24-летний университетский лаборант опубликовал свою первую работу, и до 1945 года было издано более 260 научных трудов Курбатова по самым различным проблемам химической теории и практики. Он исследовал более 400 жидкостей, 80 газов, 150 кристаллов; ему принадлежат работы по атомной теории; он – ученик и сотрудник Менделеева – считается одним из «отцов» отечественной физической химии и коллоидной химии.

Курбатов – создатель мощной научной школы; а «школа» – это не только имя и признанные заслуги ее руководителя, но и его огромная, живая заинтересованность в воспитании учеников, в формировании поколения единомышленников и последователей и потребность быть рядом с ними, постоянно общаться, обучать их «из-под рук». И не случайно в списке трудов профессора Курбатова так много учебников.

Серьезное научное творчество он соединял с неукротимым стремлением к популяризации своей науки – и достиг на этом направлении немалых успехов. В 1919 году выходит

в свет «Введение в химию для нехимиков» в двух частях; позднее он пишет книги «Чудес полна природа», «Мертвая и живая пища», «Химия вокруг нас», научно-популярное сочинение о Менделееве, изданное в серии «Школьная библиотека», редактирует 5-томное собрание трудов Менделеева.

И в том же ряду огромная общественная деятельность, десятки публицистических статей, участие в подготовке выставок: в 1911 году– Историко-архитектурной и «Ломоносовской» в Академии художеств; в 1913 году – огромной выставки к Первому Всероссийскому съезду по вопросам народного образования, в 1919 году – выставки «Петербург в художественных произведениях», развернутой в Музее города в Аничковом дворце…

И сотни лекций и докладов в самых различных аудиториях и на самые различные – чаще всего новые и нередко неожиданные – темы. И деятельность в обществах и комиссиях («Общество архитекторов-художников» и Общество «Старый Петербург – Новый Ленинград»). И участие в «Ивановских средах» в «Башне» на углу Таврической и в работе по созданию Музея Старого Петербурга…

Такая вот жизнь… При том что никакой «генетической предрасположенности» к подобному течению жизни не было. Старший из трех детей столичного чиновника невысокого ранга и купеческой дочери, в трехлетнем возрасте потерявший отца и с 14 лет вынужденный совмещать учение в гимназии с работой электромонтером и репетиторством. После окончания с золотой медалью 7-й столичной гимназии – поступление в Университет на естественное отделение физико-математического факультета и завершение обучения здесь в 1900 году с дипломом I степени и с оставлением при Университете «для приготовления к научной деятельности». Магистратура, служба в Главной палате мер и весов, первые научные статьи, начало преподавательской работы, участие в Международном съезде естествоиспытателей, стажировка в лаборатории в Париже… И ежегодные, вплоть до 1914 года, зарубежные поездки во время летних каникул.

Владевший немецким, французским и итальянским языками Курбатов становится «своим человеком» в старинных городах и знаменитых музеях Франции, Италии. Здесь его воодушевляет и поглощает уже не химия, а совсем иная область жизни и творчества – искусство: архитектура, скульптура, декорационное искусство, великолепные парки и сады, на фоне которых разыгрывается «театр жизни». Именно здесь возникает и формируется то «параллельное» научной деятельности и удивительно обогащающее ее «направление души», которое в короткий срок не только вводит Владимира Курбатова в его «вторую специальность», но и обеспечивает ему, удачливому химику, признание и высокий авторитет в области искусствознания. Впрочем, кто скажет, какое из этих двух «направлений души» было для Курбатова главным, определяющем… Да и так ли это важно – ведь оба эти направления не просто «сосуществовали», но и взаимно обогащали одно другое…

Его взгляды, убеждения и пристрастия в области искусствознания укладывались в стройную систему. Самобытное и великолепное русское искусство, «своя старина» воспринимались и изучались не изолированно, не само по себе, а в контексте всей европейской художественной культуры, находились с ней в постоянном диалоге.

В.Я. Курбатов

Изучая искусство, следует делать упор на высокие образцы, отталкиваться от них; творчество художника неотрывно от его жизни, от качеств личности, поэтому Курбатов изучает не только стили и жанры, господствующие в искусстве разных эпох, но и выдающихся мастеров, создавших «вершины» этих стилей и жанров.

И глубокое убеждение, что прекрасные образцы старины непременно должны жить в современности, в любую эпоху. Что их надо не только изучать, но и энергично охранять, что их утрата невозместима для человеческой культуры, а следовательно, и для самого человечества. Поэтому Курбатов будет так возмущенно и запальчиво писать на страницах петербургских газет и журналов (особенно в «Старых годах») об угрожающем петербургской старине «вандализме», о сносе ценных старинных построек, о высокомерном, пренебрежительном отношении «нового поколения» петербуржцев к проблемам сохранения «образа города».

Европейски образованный в области искусства, полный живых впечатлений, молодой, еще не достигший 30-летнего рубежа, ученый-химик прочно вошел в число тех, кто в начале XX столетия составлял «надежду и опору» отечественного искусствознания. У них у всех – и петербуржцев, и москвичей – был один общий «магический кристалл», через который они созерцали и изучали художественные образцы, сквозь призму которого осмысливали саму историю искусства последних столетий, – Петербург.

И весь исследовательский порыв, художественное чутье и публицистический талант Владимира Курбатова тоже сосредоточиваются на Невской столице: ее истории, на ее памятниках и их творцах, на образе города, представляющего единое художественное целое, на его поразительной театральности, живописности, изысканной декоративности. Курбатов становится виднейшей фигурой в петербурговедении первой трети XX века. Можно сказать, что если химия была его богиней (в античном смысле слова), то Петербург, родной город, был его религией…

Обложка книги В.Я. Курбатова «Петергоф»

Размышляя над списком «петербурговедческих» трудов Курбатова (а их около двух сотен), я пытался тематически их сгруппировать. Получилось более полусотни тем с невероятным «разбегом». От биографическо-творческих очерков о выдающихся петербургских архитекторах (Лельон, Земцов, Ринальди, Кваренги, Бренна, Воронихин, Томон, Захаров, Росси) до «Руководства к описанию мебели» и «Руководства к собиранию данных об усадьбах» (1927 год). От изданной в 1925 году серии путеводителей по знаменитым пригородам и очерков о достопримечательностях города, печатавшихся на протяжении ряда лет в огромном справочнике «Весь Ленинград», до исследований об усадьбе Аничкова дворца. От статей о мостах до истории театральных зданий. От описания празднеств до статьи «Об отношении города к своей красоте». От очерка об иконостасе Петропавловского собора до написанного в начале 1922 года письма в Управление делами Совнаркома по вопросу о пресловутом «изъятии церковных ценностей»…

За 10 лет – более семидесяти только журнальных статей в ведущих русских художественных журналах (например, в 1909 году – 11 статей, в 1910 году – 10). Десятки докладов, лекций, организаторская работа, общественная деятельность…

Когда началась Первая мировая война, Курбатов-химик погружен в проблемы производства топлива, а Курбатов-искусствовед пишет статьи о разрушенных немцами великолепных памятниках европейской средневековой архитектуры, Курбатов-петербурговед выступает с четырьмя блестящими докладами «О красоте Петербурга». В 1917 году, ступив на путь культурного сотрудничества с новой властью, он пропагандирует «сокровища, принятые народом», участвует в работе художественно-исторических комиссий, работает в Петроградской комиссии по охране памятников искусства и старины и в Гатчинском дворце-музее, активно участвует в создании дворцов-музеев и Музея города, печатает на страницах «Известий Северной Коммуны» 12 статей о художественных сокровищах Петрограда, выступает с лекциями на тему «Искусство и город».

И в последующие годы Курбатов удивительно успешно совмещает огромную педагогическую работу, консультации на заводах и в НИИ, членство в высоких технических сове-

тах и в Комитете по химизации с работой в Музее города, с участием в практической работе по охране памятников, в их изучении и пропаганде. И обязанности депутата Ленсовета. И ведущее положение в замечательном Обществе «Старый Петербург – Новый Ленинград»…

Война. Эвакуация в Казань. Работа над оборонной тематикой и преподавание в Казанском химико-технологическом институте. А после войны – новые идеи (новые начатые труды) в том числе и о Пушкине…

Странно, но профессор Владимир Курбатов почему-то «выпал» из той «обоймы» выдающихся петербурговедов, в которой почти безраздельно «господствующими» оказались Николай Анциферов и его учитель, профессор-историк Иван Гревс. Оба они – выдающиеся петербурговеды, но при этом они были последователями Курбатова, его «младшими собратьями».

Жизнь и труды Владимира Курбатова – еще один пример нашей веками тренированной способности забывать тех, кому мы обязаны не только реальными достижениями в той или иной области, тех, кто может явиться примером творческого служения и высоконравственного отношения к своему делу.

Поэтому не ищите сегодня мемориальной доски на стене дома № 25 по Большому проспекту Васильевского острова, где в квартире 10 на протяжении многих лет жил и трудился профессор Владимир Курбатов. Такой доски там нет, как нет и переиздания его замечательных трудов о Петербурге.

В очерке удалось сказать очень немногое из того, что необходимо было бы сказать об этом человеке. Но, вероятно, сказано достаточно, чтобы вспомнить о нем и задуматься о себе…

Иван Гревс

Город – не механическое скопление предметов и людей, хотя бы и приведенное в порядок и систему… Это – целостный большой организм, обладающий специфическим единством внутренней жизни. Это – своеобразное многоголовое существо, одухотворенное своей особой социальной психикой.
И. Гревс

Он сыграл выдающуюся роль в осмыслении истории Петербурга, его традиций, его образа. Крупный ученый-историк и замечательный педагог, он нашел и утвердил новый подход к нашему городу – к его прошлому и к его восприятию каждым горожанином-петербуржцем.

Иван Михайлович Гревс не был петербуржцем по рождению. Его детские и отроческие годы прошли в родительском имении Лутовиново на юге Воронежской губернии. Но привезенный в столицу на 13-м году жизни, он остался в этом городе навсегда, проникся им, его духом, его стилем, его «цепкостью» – такой необъяснимой и такой непреодолимой.

Профессор Гревс был петербуржцем – «островитянином». Поселенный в 1873 году на Васильевском острове, он с этой поры, с поступления в 3-й класс знаменитой Ларинской гимназии, оставался более шести десятилетий «василеостровцем», верным именно этой, особенной части Петербурга – с особым укладом жизни, с особым менталитетом, с особым стилем отношений между людьми. Только дважды, всего на шесть лет, поселялся Гревс на Петроградской стороне – и неизменно возвращался на Васильевский.

Его отличала удивительная «непоседливость» – на Васильевском он сменил 11 адресов. И все же оставался верен этому району, который воспринимал как особый город – с характерным для него населением (академическая, университетская и художественная публика) и культурой. Васильевский остров стал для Ивана Гревса не просто местом обитания, но «полигоном» научных изысканий над проблемами города и городской культуры – изысканий и размышлений, которым профессор предавался на протяжении многих десятилетий своей долгой жизни.

Окончив в 1879 году гимназию, он поступил на историко-филологический факультет Университета, через пять лет окончил его с золотой медалью и был оставлен при Университете. Он был одним из ближайших учеников академика В. Васильевского и через 20 лет стал его преемником на кафедре всеобщей истории. Но до этого еще будут сдача магистерских экзаменов, должность приват-доцента, блестящая защита в мае 1900 года диссертации по истории землевладения в Древнем Риме и отстранение по приказу министра народного просвещения Боголепова от работы в Университете в связи с происходившими здесь студенческими волнениями, во время которых Гревс повел себя «нелояльно» по отношению к властям.

С Университетом он был связан шесть десятилетий – как блестящий студент, молодой ученый, а позднее – как специалист в истории античного мира и Средневековья, блестящий лектор и педагог, преемник своего учителя-академика, передавший его традиции нескольким поколениям уже своих учеников.

В его ученой карьере не было ничего чрезвычайного, ошеломляющего – никаких крутых поворотов. Лекции и семинары со студентами, огромное количество изученных источников античности и Средневековья, множество серьезных научных статей – тех, которые читают очень немногие специалисты, но которые – для этих специалистов – живут очень долго. Ежегодно – научные командировки за границу: Италия, Франция, Германия. А потом – зарубежные экскурсии со студентами в те же страны и любимые города: Париж, Флорен-

цию, Рим… Экскурсии, во время которых юные путешественники не только перемещались и смотрели, но вслед за своим учителем «вживались» в иные времена, в давние исторические эпохи, ощущали себя словно перенесенными какой-то «машиной времени» в иной мир, в иную, давно утекшую, но оставившую о себе множество удивительных следов жизнь.

К такому восприятию прошлого, к «погружению» в это прошлое профессор Гревс готовил своих студентов еще в Университете, на своих уникальных семинарах. В то время, когда высшая школа строилась на научной содержательности обучения, когда большинство профессоров излагали свой предмет, обращаясь только к уму слушателей и не озабочиваясь проблемами методики, Гревс строит свои курсы по-иному. Эмоциональная составляющая процесса обучения представляется ему ничуть не менее важной, чем интеллектуальная. Преподавание должно строиться на создании впечатления, на возбуждении у слушателя желания «окунуться», «погрузиться» в другую эпоху, в другое общество, оказаться среди других людей – короче, выйти из привычного «круга времени и места».

Кстати, и туризм тогда переживал серьезное «преобразование». Если раньше он чаще сводился к перемещению из страны в страну, из города в город, был проявлением рожденной беспокойством «охоты к перемене мест», то теперь он все больше приобретает познавательный характер. Прикосновение к тому, что хранит память о прошлом, постепенно становится одним из способов познания мира и своего места в нем.

В этом ключе гревсовская методика «прямого контакта», живого соприкосновения с прошлым – бесценна. Нынче такое утверждение может показаться странным – но сто лет назад разработанная профессором Иваном Гревсом методика семинарских занятий и экскурсий была ярким и значительным новаторством.

Но Университет – не единственное место, где ученый пробует свои силы и утверждает свою методику, пропагандирует свою «веру». С 1890 года он преподает на знаменитых «Бестужевских» Высших женских курсах (а с 1905 года возглавляет здесь историко-филологический факультет) и становится одним из самых ярких и любимых студентками – «бестужевками» профессоров; мне еще довелось слышать от некоторых из них пронесенные через всю их жизнь слова восторга и признательности перед Учителем…

Но и двух высших учебных заведений Гревсу мало. И он, яркий ученый-историк и университетский профессор, становится одновременно гимназическим учителем. С самыми знаменитыми, самыми передовыми и престижными частными гимназиями столицы (гимназии Э. Шафе, Л. Таганцевой и Общеобразовательная школа князя Тенишева) связана эта сторона деятельности Гревса.

И.М. Гревс

Его научная деятельность развивалась вполне успешно. И все же главным его призванием, главным делом его жизни было учить. В педагогической деятельности он полностью реализовывал себя, свои научные интересы и достижения; накопление знаний для Гревса было важным не само по себе, а как средство обогащения «педагогического арсенала». Новая методика семинарских занятий и экскурсий была нацелена не только на «погружение» в иную эпоху, в иной мир, но и на пробуждение в каждом гимназисте или студенте творческого начала, фантазии, воображения, способности сопереживания. Семинары Гревса объединяли студентов – потому что делали их не просто свидетелями (хотя и это немало), но соучастниками процесса мышления, процесса рождения новых версий и оценок, новых подходов и новых парадоксов.

А позднее, в 1920-е годы, в послереволюционном Петрограде немолодой уже профессор Гревс, всю жизнь посвятивший изучению Древнего Рима и средневековых городов, подступит к теме города, в котором он жил. Все, чем он занимался раньше, что изучал и понял, что открыл для себя, стало как бы подготовкой к этому «подступу». Семинарии по краеведению, по истории Петербурга, исторические экскурсии по Петрограду (по районам, например по Василеостровскому острову, и по основным городским магистралям, в частности, по Фонтанке), как бы ни казались они в те очень трудные годы оторванными от реальной жизни, оказывались нужными, важными, востребованными. Профессор Гревс, как и его коллеги, старались сохранить, удержать от распыления историческую память, «окунали» живших очень нелегко людей в исторически сложившийся и существовавший, несмотря ни на что, мир Петербурга – во всей его многозначной сложности, противоречивости, во всем его своеобразии. Короче – во всей «целокупности» (термин, введенный Гревсом). А принципы те же: «погружение», «вживание», сопереживание; не только факты, имена, подробности – но «впечатление», эмоциональное восприятие города, его жизни в разные времена, его людей – в оставленных этими временами и людьми следах, иногда еле заметных, почти неразличимых…

Именно Гревс и именно в это время вводит в науку о городе удивительное определение города как личности. Он вообще вводит в науку – в самые различные ее области – новое понимание города как системы, исторически сложившейся «целокупности». Главное – не архитектурные шедевры, не монументы, не ландшафты. Главное – соединение, слияние, взаимодействие и взаимопроникновение всего того, что определяет влияющую на людей, во многом определяющую их жизнь жизненную среду, в которой протекает реальная жизнь реальных людей.

И.М. Гревс с учениками

Город – Гревс это постоянно подчеркивает как самое важное – «насыщенный мир человека», «строящего свое благо трудом – физическим и духовным». И в этом – главный смысл истории любого города. Эта история запечатлена в образе города, в его памятниках и в его памяти о своем прошлом. Гревс говорит о «монументальном городе» – имея в виду не только Петербург и не только монументы как таковые. Его очень интересуют те исторические места, которые хранят память о прошлом, но в число памятников, «монументов» никогда не включались (заметим, что в 1920-е годы, как и раньше, самого понятия «памятник истории» не существовало…)

Гревс много размышляет над тем, что же в городе главное, основное, системообразующее. Какова «доминанта»? И приходит к выводу, что этой доминантой может быть только культура. Многолетнее изучение истории античного и средневекового города приводит его к этой мысли, размышления над историей Петербурга утверждают ее. Город всегда – «плод культуры», арена ее прогресса, место слияния, соединения, синтеза различных культурных потоков и влияний. При этом культура понимается как «мир человека, мир отдельной личности и мир всего общества». «Вещная», материальная, «обстановочная» культура, представленная множеством разнообразных атрибутов, аксессуаров, – лишь одна, хотя важная и неотъемлемая, часть культуры. Другая часть – культура духовная, внутренняя, невесомая и неосязаемая, но именно она одухотворяет город и его людей, формирует его особенности, его непохожесть на другие города, его место и роль в стране и в мире…

Надо признать: научные воззрения Ивага Гревса ныне не «съеживаются» и не теряют в весе, но приобретают еще большую значительность и актуальность. Теория профессора Гревса о «целокупности» города как историко-культурного явления и социальной системы не только не утратила своего значения, но для нынешнего Петербурга приобрела особую актуальность – в этом нас убеждают слишком многие впечатления и подробности сегодняшней петербургской жизни…

К сожалению, и личность Ивана Михайловича Гревса, и его труды как-то «ушли в тень», оказались отодвинутыми на второй план «петербурговедческой сцены»; может быть, потому что Гревс не изучал историю Петербурга как таковую, не отыскивал и не описывал ее деталей и подробностей. А может быть, и потому, что он оказался первым, кто поднял петербурговедение на высоту теоретических обобщений, не размельчая его на отдельные детали, школы или конкретные объекты.

На первый план, на «авансцену» в последние годы вышли прекрасные ученики профессора Гревса – самый яркий среди них Николай Павлович Анциферов. Его книги многократно переиздаются, проводятся «Анциферовские чтения», учреждена и присуждается «Анциферовская премия». Все это прекрасно; но почему не переиздаются труды Гревса, почему нет научных чтений, ему посвященных? Почему профессор Гревс лишь «пристегнут» к «Анциферовской колеснице»? Ведь это тем более несправедливо и по отношению к самому Николаю Анциферову тоже, ведь для него имя Гревса всегда было самым почитаемым, окруженным необыкновенным пиететом. Как, впрочем, и для всех других учеников и последователей Гревса – Эриха Голлербаха, Георгия Лукомского, Ольги Враской и других.

Жаль, что научное наследие профессора Ивана Гревса остается недооцененным. Очень жаль, что сегодня на нас накатил вал мифов и ошибок, связанных с прошлым города, поток наспех, «к дате» сделанных непрофессиональных изданий, телепередач, журнальных публикаций и газетных статей. Жаль – потому что в этом проявляется то, насколько ущербна культура нашего «исторического знания» – знания истории своей страны, своего города. В этой ситуации особенно необходимо вспомнить профессора Гревса и блестящую плеяду его учеников. В их трудах живет его память, со страниц их книг вырастает его привлекательная фигура – ученого и Учителя.

Он умер 16 мая 1941 года – в тот самый день, когда ему исполнился 81. Через 36 дней началась Великая Отечественная война.

Закончим еще одним высазыванием Ивана Михайловича: «Я не сожалею, что преподавание уменьшает число моих исторических трудов – оно дало мне возможность послужить образованию учеников и учениц, множество которых несут работу учителей школьных, а некоторые состоят профессорами высших учебных заведений…»

Правда Николая Белехова

Поэзия Петербурга – понятие трудно-опредляемое. Но мы, петербуржцы, отчетливо это чувствуем…
Художник Ю. Анненков

Четвертого декабря 2004 года возле одного из очень обыкновенных жилых домов в конце улицы Некрасова собралось много людей. В день, когда человеку, в течение двадцати четырех лет (с 1932 по 1956 годы) проживавшему в одной их коммунальных квартир дома, исполнилось бы 100 лет, люди, знавшие его, собрались на открытие посвященной этому человеку мемориальной доски. На ней он назван «выдающимся деятелем охраны и реставрации памятников истории культуры».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.